НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт»

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 1
2015

Курск

2015. №1
Научный журнал

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

Основан в 2015 г.

Выходит два раза в год

Учредитель: НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт»

ISSN 2411-0736

Редакционный совет:
Председатель: В.Н. Петров, канд. ист. наук, доцент, ректор РОСИ.

Члены редакционного совета:
Акперов И.Г., д-р экон. наук, ректор ИУБиП (Ростов-на-Дону), Апанасенок А.В., д-р ист. наук, доцент, проректор по научной работе РОСИ (Курск) (заместитель председателя), Ващенко А.А., д-р экон. наук, профессор, ректор ВИБ (Волгоград), Воронина Н.Ю., канд. филос. наук, профессор, ректор СаГА (Самара), Закс Л.А., д-р филос. наук, профессор, ректор ГУ (Екатеринбург), Зернов В.А., д-р тех. наук, профессор, ректор РосНОУ (Москва), Иванов В.С., д-р экон. наук, профессор, президент МУБиНТ (Ярославль), Карпов Е.Б., д-р психол. наук, профессор, ректор ТИЭИ (Тула), Козлова Т.И., канд. юр. наук, профессор, ректор ИПиП (Санкт-Петербург), Львович Я.Е., д-р тех наук, профессор, президент ВИВТ (Воронеж), Миннибаев Е.К., д-р ист. наук, профессор, ректор ВЭГУ (Уфа), Мухаметзянов И.Ш., д-р мед. наук, профессор, ректор КСЮИ (Казань), Никулин В.А., д-р тех. наук, профессор, ректор КИТ (Ижевск), Тарасова Е.Е., д-р экон. наук, профессор, первый проректор БУКЭП (Белгород), Ходжаев А.Г., д-р пед. наук, профессор, ректор СИУ (Смоленск)

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора……....4

ЭКОНОМИКА……..…5

Н.Д. Кликунов, В.Н. Петров
Прямые и внешние эффекты высшего образования: проблемы измерения ……..….5

Д.С. Терновский, В.А. Чуб
Методический подход к оценке резервов роста прибыли на основе взаимосвязи экономической, бухгалтерской и налоговой концепций ……11

Е.Ю. Каблучков, И.В. Шалимов
Методические основы исследования факторов экономической эффективности в сельском хозяйстве……..19

А.А. Золотарев, О.В. Телегина, И.В. Шалимов
Повышение конкурентоспособности отечественной продукции - важнейшее направление аграрной политики……..23

Д.В. Руденко
Механизм снижения финансовых рисков на предприятии …….27

М.А. Холодова
Анализ особенностей функционирования системы расчетов с использованием современных электронных технологий в коммерческих банках……...31

И.С. Пудякова
Особенности развития туризма в малых городах России (на примере г. Рыльска Курской области)……..36

А.С. Рудых
Повышение устойчивости производства кормов в сельскохозяйственных предприятиях Курской области…….....42

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО……..46

А.И. Хорошильцев
Власть как методологический концепт юридического познания……..46

В.Н. Сафонов
О судебной защите социально-экономических прав граждан (международный опыт и российские подходы)……..…49

А.Ю. Бубнов
Дискурс риска в политической идеологии: теоретический и коммуникативный аспект……..56

Редакционная коллегия:

Главный редактор –
В.Н. Петров, канд.ист. наук, доцент

Зам. главного редактора –
А.В. Апанасенок, д-р ист. наук, доцент.

Члены редколлегии:
Гребенщикова Е.Г., д-р филос. наук, доцент
Должиков А.А., канд. тех. наук, доцент
Касаткин В.В., д-р тех наук, профессор
Кликунов Н.Д., канд. экон. наук, доцент
Лагутин И.Б., д-р юр. наук, доцент
Мягкова Е.Ю., д-р филол. наук, профессор
Сафонов В.Н., д-р. юр. наук, доцент
Терновский Д.С., д-р экон. наук, доцент
Ходусов А.Н., д-р пед. наук, профессор

Отв. секретарь –
Кравченко С.А., канд. пед. наук.

Адрес редакции:
305009, г. Курск, ул. Маяковского, 85.
Телефон: (4712) 34-38-48
Факс: (4712) 34-38-48.
E-mail: nio@rosi-edu.ru
Макет обложки: В.В. Ситников
Верстка: А.А. Бескровный
Подписано в печать 23.03.15.
Формат 60×84/8.
Отпечатано: «Деловая полиграфия»,
305029, г. Курск, ул. К. Маркса, 61 Б
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,5
Тираж 300 экз. Заказ №31. Цена свободная.

© Региональный открытый социальный институт

ИСТОРИЯ……64
А.В. Апанасенок, И.С. Пудякова, Е.С. Апанасенок
Православная культура курян в зеркале статистики и оценках современников: XX - начало XXI в……..64
И.С. Дудина
К вопросу о религиозной активности сельского населения Курского края в 1900-е – 1960-е гг……72
И.А. Горелова…..
Организация деятельности школьной комиссии при Курском музее в середине 1930-х гг.как опыт привлечения школьников к музейному краеведению……...78
Е.С. Апанасенок
Атеизм vs. Вера: влияние антирелигиозной пропаганды на горожан центральной России в 1920-е – 1980-е г……..…….82
А.В. Черников
От русско-французского союза к Антанте: эволюция от оборонительного союза к мировой войне……...89
Е.И. Красильникова
Из истории Омского некрополя: Шепелевское кладбище (конец XIX –начало XX в.)……..…..98

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА……..102
Е.А. Алисов
Ограничение возможностей и безопасность личности в образовательной среде……102
С.А.Кравченко
Формирование толерантных установок в семьях, имеющих детей с ограниченными возможностями……108
М.Р. Еникеев
Повышение мотивации студентов к занятиям физической культурой ……..112
Т.В. Иванова
Психологические компетенции специалиста в сфере социально-культурного сервиса и туризма……117

ФИЛОЛОГИЯ……120
Л. П. Широбокова
«Темпоральность» как объект лингвистического исследования……120
С.Е. Шевченко
Роль английских модификаторов в прагматической организации текста……..124
В.И. Провоторов
Переводческая стилистика: объект, предмет, метод ……128
Т.В. Казначеева
Причастие II в словосочетаниях, выражающих эмоциональное состояние человека……135
Т. В. Азиатцева
Решение психолого-педагогической проблемы индивидуализации при реализации технологии смешанного обучения……137

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ……..141
А.А. Должиков
Использование биоуправляемой монохромной цветостимуляции для модификации функционального состояния человека……141
А.Ю. Цепов
Способ оценки риска инвестирования малого инновационного предприятия, как адаптивной системы, по информационному критерию ……..…146
Сведения для авторов ……..…..150

От главного редактора

Уважаемые коллеги!

Перед вами – первый выпуск «Провинциальных научных записок». Этот журнал задуман как академическое междисциплинарное издание, публикующее оригинальные научные труды (обзорные и актуальные статьи, научные сообщения, рецензии) по различным отраслям знания. Его главная цель - содействовать свободной дискуссии и обмену плодотворными идеями между представителями научного сообщества России, предоставляя им открытую площадку для научного общения.

Издание намеренно подчеркивает свою «провинциальную» направленность, подразумевая отнюдь не скромный уровень требований к подаваемым материалам, а особый «провинциальный» дискурс. Его миссия – представить актуальные научные проблемы и пути их решения прежде всего так, как они видятся исследователям из российских регионов, в том числе и тем, кто еще не успел обзавестись солидными академическими регалиями. Как известно, коммуникация между учеными – это своего рода разговор, а «идеальная» наука предполагает, что в этом разговоре все слышат всех и все могут быть услышаны всеми.

Давая название журналу, его издатели имели в виду и богатые традиции отечественной науки. Образ «обыкновенного гения» из глубинки (как, например, называли К.Э. Циолковского), наверно, не менее характерен для истории российской науки, чем образ «потомственного академика». М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, А.С. Попов, В.О. Ключевский, С.П. Королев и многие другие «столпы» научного знания до конца жизни с гордостью называли себя «провинциалами», хотя решали проблемы отнюдь не регионального значения. Думается, что пример таких людей может и должен вдохновлять сегодняшний исследователей, зачастую сетующих на житейские обстоятельства и недостаточное финансирование исследований.

В состав редакционно-издательского совета журнала вошли представители пятнадцати субъектов РФ (преимущественно руководители вузов), что подчеркивает ориентацию издания на плодотворный межрегиональный научный диалог. В первый выпуск журнала включены статьи исследователей из Курска, Белгорода, Москвы и Новосибирска. В следующих номерах редколлегия планирует расширить географию своих авторов. Пока же хочется выразить надежду, что отраженные в настоящем выпуске результаты исследований окажутся интересны и полезны его читателям.

Ректор РОСИ,
кандидат исторических наук,
Почетный работник высшей школы
В.Н. Петров

ЭКОНОМИКА

УДК 37.814

Н.Д. Кликунов, канд. экон. наук, доцент, ЧОУ ВПО «Курский институт экономики, менеджмента и бизнеса» (Курск) (e-mail: nklikunov@yandex.ru)
В.Н. Петров, канд. истор. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail:petrovs_family@yandex.ru)

ПРЯМЫЕ И ВНЕШНИЕ ЭФФЕКТЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ

В статье рассмотрены подходы к эффективности высшего образования с позиций прямых и внешних эффектов. Предложена концепция определения отдачи от инвестирования в высшее образования
Ключевые слова: *экономика образования, внешние эффекты, высшее образование, эффективность*

***

Прямые эффекты от получения высшего образования представляют собой разницу в чистой приведенной стоимости между потоком денежных средств, которые обеспечивает индивид, инвестировавший время и финансовые ресурсы в получение высшего образования, и потоком денежных средств, которые получал бы тот же самый индивид, если бы он высшего образования не получал. Если следовать логике Алчиана [Алчиан А.], то затраты необходимо определять как изменение чистой ценности капитала за вычетом обязательств, обусловленных некоторой производственной операцией, а выгоды должны определяться с учетом продолжительности предполагаемого производства. Причем на отдачу от высшего образования как проекта будут влиять: уровень выпуска (output rote), предполагаемый полный объем (total volume) и плановые сроки поставки (delivery dates). Соотношение между данными переменами задается формулой

$$V = \sum_{T}^{T+m} X(t)dt \text{, где}$$

V – приведенная стоимость выгод от проекта «вложение в высшее образование»,

T– момент времени, в который проект «вложение в высшее образование» начинает давать отдачу

m– период времени, в течение которого происходит отдача от инвестиций в высшее образование

$X(t)$ – дисконтированная отдача от вложений в высшее образование в момент времени t

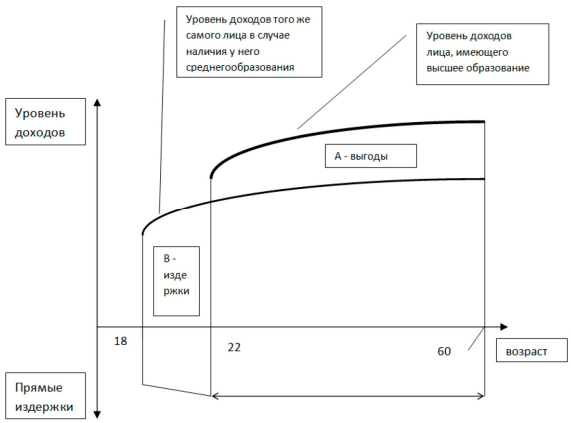
Логика проектного мышления Армена Алчиана приводит к следующим выводам в отношении между сроками, издержками и чистыми выгодами от инвестиций в проект:

- Чем выше скорость, с которой производится выпуск, тем выше стоимость затрат или потери в стоимости капитала.
- Более низкая стоимость единицы продукции при большем общем объеме выпуска.

- Чем больше временной интервал между решением производить продукцию и поставкой продукции, тем меньше ее стоимость.

Эффективность вложений в образование должна рассчитываться с учетом временной отдачи от проекта, рисками и эффектом масштаба.

Для определения прямых выгод от вложений в высшее образование необходимо сопоставлять проект «отдача от индивида, получившего высшее образование», с проектом «тот же самый индивид, не получивший высшего образования». В случае с индивидом, решившим инвестировать в бакалаврскую степень, это выглядело бы следующим образом:



Однако, пытаясь сопоставить состоявшееся решением с решением, которое могло бы иметь место, но на практике не случилось, мы вступаем на зыбкую почву контрфактических утверждений и попыткой сравнить несравниваемое: «а что было бы, если…»

Исследователи отдачи от инвестиций в высшее образование пытаются обойти данную проблему тремя основными способами или подходами.

Первый подход к измерению эффективности образования – измерение эффективности с помощью эконометрических методов. Важно отметить роль Псачаропулуса [Psacharopolus] и его попытку устранить индивидуальность через подход, разработанный Роберто Барро [Barro], «много стран - много лет». Если измерять отдачу от вложений в образование через замеры заработной платы менее и более образованных людей в разных странах и в течение длительных периодов времени, то сигнальная функция (т.е. образование не причина, а следствие более высокой производительности труда) будет нивелирована, и мы получим фактическое влияние инвестиций в образование на производительность труда и на ВВП. В итоге это влияние можно представить в функциональном виде, включив, например, инвестиции в человеческий капитал в агрегированную производственную функцию. Ничего корректного из данного подхода пока не выходит, так как на практике высшее образование может быть как причиной, так и следствием высокой производительности труда. Четко отделить эффект «причины» от эффекта «следствие» в настоящее время не удается.

Второй подход – метод наблюдения и сравнительного анализа требует анализа одинаковой первоначальной базы исследования. Но на эффективность образования влияет множество факторов, которые не всегда можно измерить, но они тесно коррелируются с результатом деятельности индивида. Если индивидуальность, семья и другие неизмеряемые характеристики так важны для определения отдачи от образования, то устранить генетический фактор можно, анализируя поведение близнецов. Пусть двое близнецов во всем одинаковы, кроме уровня полученного образования. В этом случае мы можем замерить индивидуальную отдачу от вложений в образование. Умножая наблюдения, можно прийти к определенным достоверным статистическим наблюдениям. Ключевым недостатком данного подхода является то, что близнецы, получающие разный уровень образования, далеко не одинаковы во всем. Например, родители развелись,

поделив, в том числе, двух детей, и папа дал одному ребенку высшее образования, а ребенок, оставшийся с мамой, в вуз не пошел. Одинаковы ли эти дети? Нет, скорее более значимым фактором в нашем случае становится жизнь после развода родителей с мамой или с папой, а высшее образование будет фактором более малозначительным.

Третий подход – бухгалтерский, при котором эффективность вложений в высшее образование определяется уровнем расходов на него. К сожалению, именно этот подход лежит в основе определения эффективности или неэффективности российских вузов: «вы неэффективны, если мало тратите денег по одной из статей расходов». Несостоятельность этого подхода очевидна на уровне знаков плюс и минус. Эффективность есть чистый приведенный поток разницы между доходами и расходами. Высокий уровень расходов еще не есть фактор, определяющий высокий уровень доходов. Если вы вычитаете, то есть много тратите, то далеко не очевидно, что потом будет прибавляться, то есть на траты пойдет какой-то доход. Проектный подход делает акцент на разнице между потоком выгод и потоком издержек, которые необходимо понести для получения этих выгод. Логическая же посылка «мы много потратили, следовательно, получили значительные выгоды» является несостоятельной.

Экономисты согласны с большинством представителей других гуманитарных наук в вопросе положительной производственной роли высшего образования. Однако измерять эту отдачу пока не научились. Если никаких объективных методик оценки прямых эффектов нет, то решение о получении высшего образования должно приниматься непосредственно индивидом или его семьей, т.е. переводиться в сферу субъективного принятия решений.

Но не нужно делать вид, будто мы знаем - как определить отдачу от проекта «высшее образование» в то время, как нам это неизвестно. Экономика – наука сравнительно молодая, а грехи молодости часто состоят в попытке «объять необъятное». Если не можем мы пока корректно считать отдачу проекта хотя бы expost, то и не нужно высказывать никаких нормативных суждений о предпочтительности перераспределения финансовых потоков из одной области народного хозяйства в другую. Без цифр и расчетов это будет просто лоббистской деятельностью и попыткой манипулирования общественным мнением.

Можно, конечно же, говорить о прямых потребительских выгодах от инвестиций в высшее образование. К ним относятся:

- текущие потребительские выгоды, связанные с удовлетворением потребностей, которые испытывают студенты в ходе обучения в вузе (культурно-развлекательные, спортивно-оздоровительные и прочие мероприятия);
- ожидаемые потребительские выгоды, связанные с получением удовлетворения от будущей профессиональной деятельности;
- положительный эффект в форме повышения качества жизни и состояния здоровья, связанный также с более интересным досугом (посещение музеев, библиотек, картинных галерей и т.п.) и ростом средней продолжительности жизни;
- ценностный эффект, выражаемый в прямой корреляции между уровнем образования родителей и нравственным, умственным, психическим развитием детей;
- возможность усвоения новых технологий потребления: «… если не все потребители эффективны в

выборе, то имеется место для технического прогресса в особом значении повышения эффективности потребления, даже без изменения природы товаров или потребительской деятельности» [6, с. 336];

- «Образование принадлежит к числу тех благ, которыми может пользоваться каждый, не только не причиняя этим вреда другим, но, наоборот, доставляя им пользу <…> Поведение образованного человека служит примером для всех окружающих и содействует улучшению их положения, насколько это достижимо при посредстве индивидуального воздействия» [5, §13]
- прочие выгоды неденежного характера (эффективное заключение брака, планирование семьи, эффективный поиск работы и проч.)

К сожалению, сделать количественные оценки данных прямых выгод от вложений в высшее образование в настоящее время не представляется возможным.

Если образование повышает производительность труда индивида, то вложения в образование должны рассматриваться как частное дело каждого, так как повышение производительности труда в конечном счете отразится на росте доходов индивида. Государство субсидирует ту или иную сферу деятельности для устранения провалов, порождаемых рынком. В случае с высшим образованием подобным провалом может быть положительный внешний эффект, порождаемый частными инвестициями. Если положительный внешний эффект значителен, то государственные инвестиции могут скорректировать недостаточные инвестиции в ту или иную отрасль народного хозяйства.

Практически все исследователи высшего образования согласны с утверждением, что образование оказывает положительные внешние эффекты, однако проблема их количественной оценки остается нерешенной.

Данную проблему впервые затронул Томас Мальтус. Он указывал на то, что «образование принадлежит к числу тех благ, которыми может пользоваться каждый, не только не причиняя этим вреда другим, но, наоборот, доставляя им пользу <…> Поведение образованного человека служит примером для всех окружающих и содействует улучшению их положения, насколько это достижимо при посредстве индивидуального воздействия. Противоположное поведение, обусловливаемое дурным воспитанием и невежеством, оказывает обратное воздействие» [5, §13]

Обобщая аргументацию экономистов, развивавших данный вопрос после Мальтуса, можно выделить следующие дополнительные положительные внешние эффекты, связанные с инвестициями в систему высшего образования:

1. Появление большего количества образованных людей снижает социальную напряженность. Образование дает возможность человеку стать богатым честно. Если большее количество людей захотят добиваться успеха путем приумножения знаний, то меньшее число людей выберет для достижения своего благополучия криминальные или другие нежелательные, с точки зрения общества, пути экономической деятельности.

2. Образование делает людей более культурными и нравственными, более терпимыми к другим людям и к самим себе. Культура поведения предполагает учет не только своих личных интересов, но и интересов окружающих, что увеличивает совокупное благополучие общества.

3. Образованные люди способствуют ускорению научно-технического прогресса, совершая открытия в различных областях науки и производства, совершенствуя технологии и принося тем самым прибыль не только себе, но и всему обществу. Показательна в этом плане точка зрения русского социолога П. Сорокина о ценности для общества квалифицированных знаний: «Нам постоянно твердят, что неквалифицированный труд создает богатства мира. Но было бы ближе к истине утверждать, что крупные классы неквалифицированного труда едва обеспечивают свое собственное существование» [Сорокин П., с. 358]. Научные открытия являются примером чистых общественных благ, обладающих свойствами неисключаемости и несоперничества, а вложения в высшее образование способствуют их производству.

4. Знания, независимо от того каким образом они были получены, при определенных обстоятельствах становятся общественным благом, т.е. никого из членов мирового сообщества нельзя исключить из употребления и пользования ими.

5. Если рассматривать образование в качестве фактора производства, то увеличение общего количества квалифицированного труда приводит к ряду положительных эффектов. Во-первых, увеличивается совокупное богатство общества как в интеллектуальном, так и в материальном плане. Во-вторых, увеличение доли высокопроизводительного труда делает этот фактор производства сравнительно менее редким. Это приводит к тому, что прочие факторы производства, такие как неквалифицированный труд и капитал, становятся относительно более ценными. Увеличение количества образованных работников ведет к снижению предложения неквалифицированного труда, что повышает его цену. Это уменьшает количество люмпенизированного населения, ослабляет противоречия между богатыми и бедными.

6. Образование помогает проявиться гениальным способностям. В любом случае доход, получаемый гением от своих открытий в тысячи раз меньше их реальной общественной пользы.

7. Высшее образование имеет явно выраженный синергетический эффект: «Подлинное достижение современного высшего образования состоит в том, что знания самых обыкновенных людей, имеющих узкую и глубокую подготовку, в рамках и с помощью соответствующей организации объединяются со знаниями других специально подготовленных, но таких же рядовых людей. Тем самым снимается и необходимость в особо одаренных людях, а результаты такой деятельности, хотя и менее вдохновляющей, значительно лучше поддаются прогнозу» [2, с. 102].

8. Высшее образование «оказывает положительное влияние на демократические процессы, содействуя воспитанию думающих, активных и ответственных граждан <…> Роль образования в функционировании демократических институтов не менее значима, чем его вклад в производство товаров и услуг» [3, с. 12-13].

9. Образование и связанное с его получением посещение школ, вузов и т.п. всегда приводят к установлению определенных дружеских отношений между учащимися. Образование облегчает выбор претендентов и формирование супружеских пар. Считается, что рост уровня образования жены положительно влияет на заработки мужа. В основе такого влияния лежит воздействие более образованной жены на поведение мужа на рынке труда, на его здоровье. Образование родителей является важной детерминантой способностей и образования их детей [8, p. 134]

10. Для людей, получивших высшее образование, характерны более низкий уровень смертности, меньшее количество симптомов различных заболеваний и хорошее здоровье.

Однако, насколько значимы данные прямые и внешние эффекты? Значимы ли они настолько, что государство должно предоставлять стопроцентную субсидию отдельным выпускникам школ и не оказывать никакой помощи всем остальным, желающим получить высшее образование за свои собственные деньги?

Список литературы:

1. Алчиан А. Затраты и выпуски. //Вехи экономической мысли. Теория фирмы. Т.2. Под ред. В.М. Гальперина. – СПб: Экономическая школа. 1999. – 234 с/
2. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. - М.: "Прогресс", 1969. – 483 с.
3. Истон П., Клис С. Образование и экономика: анализ альтернативных перспектив. // Перспективы: вопросы образования. Ежеквартальный журнал ЮНЕСКО. № 4 (76), 1991. – С.7-29.
4. Ланкастер К. Перемены и новаторство в технологии потребления // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т.1, Под ред. В.М. Гальперина. – СПб: Экономическая школа, 2000. – 380 с.
5. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. // Антология экономической классики. - М.: "Эконов", 1993. С. 5-137.
6. Сорокин Питрим. Человек. Цивилизация. Общество. - М.,: Политиздат, 1992 - 444 с.
7. Barro Robert J., Lee Jong-Wha International Data on Educational Attainment Updates and ImplicationsAugust 2000 // http://scholar.harvard.edu/files/barro/files/educ_attainment_updates_2000.pdf
8. Blaug Mark. Where are we now in the Economics of Education. // Economics of Education Review. 4(1), 1985. P. 17-28
9. Psacharopolus G. and H. Patrinos (2004) Returns to investment in education: further update // Education Economics. Vol.12, No.2, pp. 111-134

N.D. Klikunov, Candidate of Science, Associated Professor, Kursk Institute of Management, Economics and Business (e-mail: nklikunov@yandex.ru)
V.N. Petrov, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: petrovs_family@yandex.ru)

DIRECT AND EXTERNAL EFFECTS OF HIGHER EDUCATION: PROBLEMS OF MEASUREMENT

The work considers approaches to the effectiveness of higher education from the standpoint of direct and external effects. The authors suggest the vision of determining of payback from investment in higher education.

***Key words**:the Economics of education, externalities, higher education, efficiency*

УДК 336.64

Терновский Д.С., д-р экон. наук, профессор, Белгородский университет кооперации, экономики и права. (Белгород) (e-mail: kaf-stat@bukep.ru)
Чуб В.А., канд. экон. наук, ст. преподаватель, Белгородский университет кооперации, экономики и права (e-mail: credit@bukep.ru)

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОХОД К ОЦЕНКЕ РЕЗЕРВОВ РОСТА ПРИБЫЛИ НА ОСНОВЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, БУХГАЛТЕРСКОЙ И НАЛОГОВОЙ КОНЦЕПЦИЙ

В статье рассмотрены возможности количественного обоснования резервов роста прибыли с помощью детерминированных факторных моделей, формат которых расширен за счет обоснования элементов на основе положений экономической, бухгалтерской и налоговой концепций прибыли, а также использования интегрального метода факторного анализа и метода логарифмирования для количественной оценки факторов рентабельности.
Ключевые слова: *прибыль, рентабельность затрат, детерминированные факторные модели рентабельности, интегральный метод факторного анализа, метод логарифмирования.*

***

Необходимость совершенствования методических подходов к оценке резервов роста прибыли обусловлена ее ролью и значением в обеспечении финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования. Целенаправленное осуществление работы по максимизации прибыли предопределяет успех реализации программ инновационного, инвестиционного, хозяйственного, финансового, социального развития организаций, а это возможно лишь в условиях постоянного совершенствования самой системы управления. Исходя из этого возникает необходимость в управлении процессом обеспечения прибыльной работы, так как прибыль становится объектом управления, а проблема её повышения - критерием деятельности организаций.

Исследования по вопросам выявления резервов роста прибыли, в том числе на основе методов факторного анализа, активно велись на протяжении длительного периода. Так, данной проблеме посвящены труды ведущих отечественных и зарубежных ученых, среди которых: Т.Н. Арасланов, И.А. Бланк, Ю. Бригхем, Л. Гапенски, М.В. Васильева, В.В. Ковалев, Д.А. Ендовицкий, Е.А. Кирова, А.В. Трошин, Т.А. Кузнецова, Г.В. Савицкая, В.В. Сыроижко, В.И. Теплов, В. Терешина, С.В. Федотова, Е. А. Филатов, Е.С. Стоянова, О.С. Юманова и др.

В контексте задач управления прибылью на протяжении многих лет в экономической литературе идет поиск подходов к оценке резервов ее роста, авторами предлагаются различные методики, однако они не учитывают особенности реализации функций управления на всех уровнях формирования и использования финансовых результатов. Это предопределяет необходимость использования теоретических концепций прибылив качестве методологической основы обоснования положений комплексного подхода к оценке резервов ее роста. Особая роль в процессе поиска источников роста прибыли отводится экономико-статистическим моделям.

В проекции вышеизложенных положений целью написания данной статьи

является обоснование методического подхода к оценке резервов роста прибыли, в основу которого положено комплексное использование положений экономической, бухгалтерской и налоговой концепций при определении нового инклюзивного формата возможностей использования детерминированных факторных моделей.

В практике управления прибылью организации большое распространение получили детерминированные факторные модели относительных показателей прибыли – показателей рентабельности. Наиболее известной моделью является модель рентабельности собственного капитала, известная как модель «Дюпон». Отличительной особенностью этой модели выступает обобщение важнейших характеристик деятельности организации, к которым относятся эффективность продаж, эффективность использования активов и капитализация бизнеса с учетом рисков как основной, так и финансовой деятельности.

Принципы, положенные в основы построения модели «Дюпон», получили широкое распространение при построении моделей детерминированного факторного анализа. Так, в экономической литературе известна факторные модели рентабельности собственного капитала, дополнительными элементами которой выступают отношение чистой прибыли к прибыли до налогообложения и отношение прибыли до налогообложения к прибыли от продаж.

Наряду с моделями рентабельности собственного капитала при анализе показателей прибыли организации используют детерминированные модели рентабельности активов. К числу факторов, включаемых в указанные модели обычно относят рентабельность продаж, оборачиваемость оборотных активов, коэффициент текущей ликвидности, отношение краткосрочных обязательств организации к дебиторской задолженности, отношение дебиторской задолженности к кредиторской задолженности, отношение кредиторской задолженности организации к заемному капиталу, отношение заемного капитала к активам организации.

Для оценки динамики показателей прибыли организаций потребительской кооперации мы предлагаем использовать детерминированную факторную модель рентабельности активов. Выбор результирующей величины связан с тем, что показатель рентабельности активов, по отношению к показателю рентабельности собственного капитала, является более значимым с аналитической точки зрения, как для руководителей кооперативных организаций, так и для их пайщиков. Данная ситуация обусловлена сочетанием наличия целей деятельности организаций потребительской кооперации, не связанных с получением прибыли на вложенный капитала, с требованием безубыточности и эффективности использования ресурсов субъектов системы.

Предлагаемая детерминируемая факторная модель рентабельности активов включает в себя 11 факторов, характеризующих различные аспекты деятельности организаций потребительской кооперации и дифференцированных по концепциям прибыли (табл. 1).

Таблица 1

Элементы детерминированной факторной модели рентабельности активов организаций потребительской кооперации

Агрегированные блоки факторов		Название фактора (показатель)	Характеризуемый аспект деятельности	Концепция прибыли
Рентабельность продаж по чистой прибыли	Операционная рентабельность	Рентабельность затрат	Эффективность основной деятельности	Экономическая
		Доля затрат в выручке от реализации	Эффективность основной деятельности	Экономическая
		Коэффициент налоговых выплат	Налоговое бремя	Налоговая
		Коэффициент процентных выплат	Процентное бремя	Экономическая
Коэффициент загрузки активов		Коэффициент оборачиваемости запасов	Эффективность основной деятельности	Экономическая
		Доля запасов в оборотных активах	Уровень ликвидности	Бухгалтерская
Доля оборотных активов в совокупных активах		Коэффициент текущей ликвидности	Уровень ликвидности	Бухгалтерская
	Доля краткосрочных обязательств в заемном капитале	Отношение краткосрочных обязательств к дебиторской задолженности	Финансовая устойчивость	Бухгалтерская
		Отношение дебиторской задолженности к кредиторской задолженности	Финансовая зависимость	Бухгалтерская
		Отношение кредиторской задолженности организации к заемному капиталу	Структура пассивов	Бухгалтерская
		Доля заемного капитала в пассивах	Финансовая зависимость	Бухгалтерская

ПП – прибыль от продаж; З – операционные затраты; ВР – выручка от реализации; ЧП- чистая прибыль; НП – прибыль до налогообложения; ЗП – среднегодовая величина запасов; ОА- среднегодовая величина оборотных активов; КО – среднегодовая величина краткосрочных обязательств; КЗ –среднегодовая величина кредиторской задолженности; ДЗ – среднегодовая величина дебиторской задолженности; ЗК – среднегодовая величина заемного капитала; А- среднегодовая величина активов.

В свою очередь, использование налоговой концепции прибыли позволяет нам отразить влияние на величину рентабельности активов суммы налоговых платежей, рассчитываемых по отношению к различным источникам уплаты (табл. 2).

Таблица 2

Учет влияния налогообложения в модели рентабельности активов организаций потребительской кооперации

№ п/п	Фактор модели рентабельности активов	Виды налоговых платежей	Направление учета в модели
1	Рентабельность затрат	- земельный налог (Зн1); - транспортный налог (Зн2); - страховые взносы (Зн3); - плата за загрязнение окружающей природной среды (Зн4);	Себестоимость
2	Доля затрат в выручке от реализации		
3	Коэффициент налоговых выплат	- налог на прибыль (НПн1); - ЕНВД (НПн2); - ЕНУСН (НПн3); - пени и штрафы (НПн4).	Прибыль до налогообложения
4	Коэффициент процентных выплат	- налог на имущество (ППн1)	Прибыль от продаж

С учетом систематизации учета влияния налоговых платежей в модели рентабельности активов организаций потребительской кооперации, представленной в таблице 2, элементы модели можно представить в следующем виде:

1. Рентабельность затрат:

$$РЗ = \frac{ПП}{Знн + Зн1 + Зн2 + Зн3 + Зн4},$$

где Знн – элементы затрат, не связанные с налоговыми выплатами.

2. Доля затрат в выручке от реализации:

$$ДЗ = \frac{Знн + Зн1 + Зн2 + Зн3 + Зн4}{ВР}$$

3. Коэффициент налоговых выплат:

$$КНВ = \frac{НП \quad НПн1 \quad НПн2 \quad НПн3 \quad НПн4}{НП}$$

4. Коэффициент процентных выплат:

$$КПВ = \frac{ПП - ППн1 - ППнн}{ПП},$$

где Пнн – сальдо прочих доходов и расходов, не связанных с налоговыми выплатами.

Для оценки количественного влияния факторов на величину рентабельности активов мы предлагаем использовать интегральный метод факторного анализа и метод логарифмирования.

Интегральный метод позволяет избежать недостатков, присущих наиболее часто используемым методам последовательных разниц и цепных подстановок, и не требует распределения неразложимого остатка по факторам, поскольку он предусматривает логарифмический закон перераспределения факторных нагрузок. Использование интегрального метода при разложении абсолютного изменения результативного признака по факторам возможно при анализе мультипликативных, кратных и смешанных моделей.

Метод логарифмирования используется при проведении факторного анализа, когда решаются мультипликативные модели. Сущность метода заключается в том, что при его использовании имеет место логарифмически пропорциональное распределение величины совместного действия факторов между последними, то есть эта величина распределяется между факторами пропорционально доле влияния каждого отдельного фактора на сумму обобщающего показателя. Поэтому метод логарифмирования делает расчеты влияния фак-

торов более обоснованными по сравнению с интегральным методом.

Результаты апробации факторного анализа рентабельности активов представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты факторного анализа рентабельности активов организаций потребительской кооперации Белгородской области за 2008-2012 гг.

№ п/п	Показатели	2008	2012	Структура влияния на результат	Вклад в изменение результата
1.	Рентабельность затрат	0,026	0,018	0,798	-1,42%
2.	Доля затрат в выручке от реализации	0,975	0,983	-0,017	0,03%
3.	Коэффициент налоговых выплат	0,569	0,481	0,363	-0,64%
4.	Коэффициент процентных выплат	0,757	0,917	-0,414	0,73%
5.	Коэффициент оборачиваемости запасов	11,7	10,0	0,333	-0,59%
6.	Доля запасов в оборотных активах	0,896	0,882	0,036	-0,06%
7.	Коэффициент текущей ликвидности	0,793	0,914	-0,304	0,54%
8.	Отношение краткосрочных обязательств к дебиторской задолженности	17,5	15, 7	0,242	-0,43%
9.	Отношение дебиторской задолженности к кредиторской задолженности	0,094	0,093	0,026	-0,05%
10.	Отношение кредиторской задолженности организации к заемному капиталу	0,563	0,551	0,047	-0,08%
11.	Доля заемного капитала в пассивах	0,577	0,607	-0,110	0,20%
12.	Рентабельность активов	0,048	0,030	1	-1,78%

Результаты факторного анализа, представленные в таблице 3, свидетельствуют о том, что наибольшее отрицательное влияние на рентабельность активов в исследуемом периоде оказала рентабельность затрат (-1,42%), в то же время наибольшее положительное влияние характерно для коэффициента процентных выплат (0,73%).

Для оценки вклада налоговой составляющей в динамику рентабельности активов мы предлагаем использовать интегральный метод факторного анализа, позволяющий исследовать кратные и смешанные детерминированные модели. Результаты апробации модели рентабельности активов, представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты апробации детерминированной модели рентабельности активов районных потребительских обществ Белгородского облпотребсоюза за 2008-2012 гг.

Агрегированные блоки факторов	Факторы рентабельности активов	Структура влияния на результат		Вклад в изменение результата	
		факт*	скор**	факт*	скор**
Операционная рентабельность	Рентабельность затрат	0,798	0,875	-1,42%	-1,38%
-1,39% / -1,42%	Доля затрат в выручке от реализации	-0,017	0,025	0,03%	-0,04%
Рентабельность продаж по чистой прибыли	Коэффициент налоговых выплат	0,363	0,281	-0,64%	-0,44%
-1,30% / -1,08%	Коэффициент процентных выплат	-0,414	-0,494	0,73%	0,78%
Коэффициент загрузки активов	Коэффициент оборачиваемости запасов	0,333	0,386	-0,59%	-0,61%
-0,65% / -0,68%	Доля запасов в оборотных активах	0,036	0,041	-0,06%	-0,07%
	Коэффициент текущей ликвидности	-0,304	-0,353	0,54%	0,56%
Доля краткосрочных обязательств в заемном капитале	Отношение краткосрочных обязательств к дебиторской задолженности	0,242	0,281	-0,43%	-0,44%
	Отношение дебиторской задолженности к кредиторской задолженности	0,026	0,030	-0,05%	-0,05%
-0,56% / -0,58%	Отношение кредиторской задолженности организации к заемному капиталу	0,047	0,055	-0,08%	-0,09%
Доля оборотных активов в совокупных активах	Доля заемного капитала в пассивах	-0,110	-0,128	0,20%	0,20%
0,18% / 0,18%					
Рентабельность активов		1	1	-1,78%	-1,57%

* – фактическое значение;

** – скорректированное значение, полученное при устранении влияния изменений в налогообложении деятельности

Результаты апробации модели рентабельности активов, представленные в таблице 4, свидетельствуют о том, что в исследуемом периоде величина рентабельности активов в организациях потребительской кооперации Белгородской области сократилась на 1,78%. При этом элиминирование изменений в величине

налоговых платеже уменьшило отрицательное изменение рентабельности активов до 1,57%. В разрезе агрегированных блоков наибольшее влияние на величину результирующей переменной оказали операционная рентабельность и рентабельность продаж.

Для этих факторов характерно также и наибольшее влияние налоговой составляющей. Причем, если снижение налоговой нагрузки на прибыль до налогообложения, отраженное в коэффициенте налоговых выплат, оказало положительное влияние на рентабельность активов, то увеличение налоговой нагрузки на себестоимость и, прежде всего, рост отчислений на социальные нужды, обусловили значительное сокращение результата.

Таким образом, представленная детерминированная модель рентабельности активов является эффективным инструментом поиска резервов роста прибыли, в том числе в рамках отражения экономической, бухгалтерской и налоговой концепций, и может быть использована в практической деятельности организаций потребительской кооперации.

Список литературы:

1. Арасланов Т.Н.Применение модели «dupont» для оценки эффективности деятельности центров ответственности агросервисных предприятий. – Управленческий учет. – 2013. – № 2. – С. 24-30.

2. Бланк И.А. Управление прибылью. – 3-е изд., перераб. и доп. – Киев: Издательство «Ника-Центр», 2007. – 768 с.

3. Бригхем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент. Полный курс в 2х т / Пер. с англ. под ред. В.В. Ковалева. – СПб.: Экономическая школа, 1997 Т 2. – 669 с.

4. Васильева М.В. Анализ эффективности управления финансовым результатом деятельности организаций в целях налогового планирования // Управленческий учет. – 2009. – № 11. – С. 51-61.

5. Ендовицкий Д.А.Формирование и анализ показате лей прибыли организации. – Экономический анализ: теория и практика. – № 11. – 2004. – С. 14–25.

6. Кирова Е.А. Методология определения налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты // Финансы. – 1998. – № 9. – С. 30 - 32.

7. Ковалев В.В. Управление денежными потоками, прибылью и рентабельностью: учебно-практическое пособие. – Москва: Проспект , 2007. – 333 с.

8. Кузнецова Т.А. Моделирование и факторный анализ рентабельности компаний. –Вестник Шадринского государственного педагогического института. – 2013. – № 4 – (20). С. 157-162.

9. Савицкая Г.В.Проблемы детерминированного моделирования показателей рентабельности бизнесаЭкономический анализ: теория и практика. 2012. № 46. С. 32-39.

10.Сыроижко В.В., Крутских Н.С. Финансовые методы управления прибылью // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2008. – № 2. –С. 62-66.

11. Теплов В.И., Падалко А.И. Факторы и проблемы реструктуризации деятельности торговой организации в посткризисных условиях экономического развития России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2011. – № 3(39). – С. 5-15.

12. Терешина В., Савченкова Е.Маржинальный анализ как инструмент оптимизации прибыли и анализа затрат. – Предпринимательство. – № 1. – 2012. – С. 147-156.

13. Терновский Д.С., Чуб В.А. Концептуальные основы управления прибылью организации // Вестник Белгородского университета кооперации,

экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 84-89.

14. Трошин А.В. Сравнительный анализ методик определения налоговой нагрузки на предприятия // Финансы. – 2000. – № 5. – С. 44.

15. Федотова С.В., Щепочкина Н.А. Анализ факторов, формирующих прибыль. – Бухгалтерский учет. – 2008. – № 18. – С. 75-80.

16. Филатов Е.А., Дыкусова И.Г.Детерминированный факторный анализ финансовой рентабельности инновационной компании. – Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2013. № 5. – С. 8.

17. Юманова О.С Особенности факторного анализа показателей рентабельности деятельности предприятий туристской индустрии. – Сервис в России и за рубежом. – 2011. – № 3 (22). – С. 191-196.

Ternovsky D.S., Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Professor, Chair of Customs Management, Statistics and Economic Analysis
Chub V.A., Senior Lecturer, Chair of Finance and Customs Returns

METHODOLOGICAL APPROACH TO INCOME RESERVES GROWTH ASSESSMENT ON THE BASIS OF INTERCONNECTION BETWEEN ACCOUNTING AND TAX CONCEPTS

The paper studies the possibilities of quantitative substantiation of profit reserves growth with the help of the determined factor models, which format is extended thanks to the substantiation of the elements on the basis of the provisions of the concepts of economic, accounting and tax profit as well as the application of the integral method of factor analysis and logarithm method for quantitative assessment of profitability factors.

Key words: *profit, profitabilityofcosts, profitability determined factor models, integral method of factor analysis, logarithm method.*

УДК 338.43

Е.Ю. Каблучков, старший преподаватель, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: evgeniy.kabluchkov@rosi-edu.ru)
И.В. Шалимов, старший преподаватель, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail:shalimov89@mail.ru)

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В статье рассмотрены теоретические вопросы исследования факторов экономической эффективности в сельском хозяйстве, их классификации и законов взаимодействия.
Ключевые слова: *экономическая эффективность в сельском хозяйстве.*

***

Роль сельского хозяйства в экономике России велика: во-первых, благодаря ему происходит обеспечение населения продуктами питания, укрепление продовольственной безопасности страны, а во-вторых, степень развития сельского хозяйства, а на его основе – и всего АПК оказывает влияние на занятость и обеспечение уровня жизни населения, особенно – на выравнивание его до достойного уровня в сельской местности.

В настоящее время производство отечественных продуктов питания находится на недостаточно высоком уровне. Должны быть проведены меры, повышающие его эффективность.

Однако, для повышения эффективности сельского хозяйства необходимо исследование влияния на его уровень отдельных факторов, а также их взаимосвязь.

С.И.Кованов и В.А.Свободин определяют фактор производства как все, что связано с содержанием и осуществлением производства [4, с. 39]. Данное определение нам кажется крайне неудачным из-за его неопределенности, излишней широты толкования.

Более полным на наш взгляд является мнение В.Б.Яковлева и Г.Н.Корнева определяющее фактор как понятие, характеризующее причину изменения любого явления [12, с. 5]. В случае же, когда речь идет об эффективности производственной деятельности сельскохозяйственных предприятий, факторы, по их мнению, характеризуют изменение конечного полезного эффекта от применения средств производства и живого труда, отдачи совокупных вложений.

Мы бы определили фактор производства, как определенное условие среды протекания процесса производства, изменение в котором влечет изменение процесса производства, его результатов.

Фактор эффективности производства – более узкое понятие, означающее фактор производства, изменение в котором влечет изменение в эффективности производства.

Существуют разнообразные классификации факторов, влияющих на эффективность сельскохозяйственного производства.

Группа авторов под руководством И.А.Минакова выделяет две основные группы факторов, определяющих эффективность сельскохозяйственного производства:

внешние факторы, которые не зависят от предприятий (ценообразование, налогообложение, кредитование, рыночный спрос, инфляционные процессы, дотации и компенсации, аграрное законодательство и др.);

внутренние факторы, которые зависят от каждого конкретного хозяйства (урожайность сельскохозяйственных культур, себестоимость продукции, технология и организация производства, специализация и т.д.) [6, с. 386].

Курбанов З.М. делит факторы, влияющие на эффективность сельскохозяйственного производства, на следующие группы [5, с.15-16]:

1. Факторы, отражающие наличие, состояние и использование производи-

тельных сил. К ним он отнес трудовые ресурсы, средства труда, предметы труда, технологии, формы организации производства и управления. Большинство из данных факторов связано с научно-техническим прогрессом, являющимся основой процесса интенсификации [5, с. 16].

2. Производственные отношения – механизм хозяйствования, который представляет собой систему экономических связей государства, участников производства, субъектов рынка.

3. Факторы, характеризующие специфические условия ведения сельскохозяйственного производства: природные и экономические.

В.Б. Яковлев и Г.Н. Корнев приводят классификацию факторов по характеру их влияния на результаты хозяйственной деятельности [12, с. 24]:

A. Благоприятные факторы, положительно влияющие на все показатели эффективности производства;

B. Неблагоприятные факторы, оказывающие только отрицательное воздействие на эффективность производства;

C. Факторы, оказывающие неоднозначное, т.е. как благоприятное, так и неблагоприятное воздействие.

Естественно, относить факторы к группам данной классификации возможно только уже после экономического анализа показателей производства.

Кроме приведенной выше классификации В.Б.Яковлев и Г.Н.Корнев выделяют группы факторов:

1. условия производства (природные: почва, рельеф, климат; экономические: цены на семена, удобрения, приобретаемое оборудование, реализуемую продукцию; дорожные условия) – не участвуют непосредственно в производственном цикле, но оказывают на него значительное влияние;
2. материальные и трудовые ресурсы – представляют собой потенциал производства;
3. издержки (затраты) производства – непосредственные издержки той или иной отрасли, представляют собой ресурсы, фактически вовлеченные в производство и используемые для получения того или иного вида продукции;
4. технология и организация производственных процессов. Правильное использование факторов данной группы, является главным условием высокой окупаемости производственных затрат и роста эффективности сельского хозяйства [12, с. 6-7].

Если сравнить данную классификацию с рассмотренной выше классификацией, которая была дана группой авторов под руководством И.А.Минакова, то первую группу факторов, по классификации Яковлева и Корнева можно отнести к внешним факторам, а вторую, третью и четвертую – к внутренним. Т.е. можно сказать, что данная классификация является углубленной, более подробной версией классификации авторов под руководством И.А.Минакова.

С целью управления рисками предприятий – производителей растениеводческой продукции Е.Н.Храбсковым [10, с. 27] предлагается классификация факторов, влияющих на развитие сельскохозяйственных культур, а, следовательно – и на эффективность растениеводства:

нерегулируемые факторы: град, сумма осадков, напряженность инсоляции по месяцам, сумма активных температур, скорость ветра, температура воздуха, весенне-летний возврат заморозков, распределение осадков по месяцам, интенсивность осадков, продолжительность безморозного периода, относительная влажность воздуха (суховеи);

частично регулируемые: распределение снега по полю, влажность почвы, температура почвы, влажность воздуха в фитоценозе, водная и ветровая эрозия, гумусированность почвы, емкость поглощения почвенно-поглощающего комплекса, микробиологическая активность почвы, уровень плодородия почвы;

регулируемые: выбор культуры, выбор сорта, размещение растений на единице площади, распределение растений по площади питания, засоренность посева, болезни растений, повреждение посевов вредителями и дикими животными, обеспеченность элементами питания, реакция почвенного раствора, аэрация почвы (основная, предпосевная уборка, уход).

Отнесение конкретных явлений к факторам эффективности определенной

деятельности зависит от исследуемого вида эффективности, подсистемы системы производства и, соответственно, выбранного критерия оценки эффективности.

Например, уровень и паритетность цен напрямую не влияет на технологическую эффективность различных способов производства (хотя часто и заставляет выбирать из них менее эффективные технологически), однако влияет на экономическую эффективность деятельности.

Кроме того, фактор, оказывающий положительное влияние с точки зрения одного вида эффективности, может быть негативным с точки зрения другого (например, повышая технологическую эффективность за счет увеличения урожайности, но снижая экологическую за счет негативного влияния на окружающую среду).

Путем повышения эффективности производства является усиление действия одних факторов и устранение или хотя бы ослабление – других [9, с. 25]. Для обеспечения возможности учета факторов, влияющих на эффективность производства, при принятии конкретных организационно-технологических решений, надо знать причину возникновения и природу каждого из них (факторов).

Сложность проблемы повышения эффективности сельскохозяйственного производства заключается в том, что в конкретных временных условиях факторы, влияющие на него, действуют не по отдельности, а в различных их комбинациях, образуя разнообразные формы взаимозависимостей и взаимодействия [5, с. 15]. При этом исследование влияния каждого из них на эффективность производства невозможно как без их разграничения [9, с. 40], так и без учета взаимосвязи.

Приведем три закона, определяющие характер влияния факторов [12, с.11]:

Закон минимума, в соответствие с которым экономическая эффективность определяется фактором, имеющимся на данном производстве в минимуме. Т.е. при избытке одних ресурсов и недостатке других, на эффективность большее влияние окажет именно недостаток. *Для повышения эффективности производства, необходимо увеличивать количество именно недостающих ресурсов.*

Закон взаимозаменяемости факторов выражается в том, что некоторые группы факторов, взаимно компенсируют друг друга. При этом состав каждой группы и характер взаимодействия входящих в нее факторов должны быть изучены более детально, причем необходимо не только исследование состава данных групп факторов, но и определение количественных пропорций их взаимозаменяемости [12, с. 11]. К этому мы бы добавили, что данные группы факторов должны исследоваться по каждой культуре и для различных условий выращивания отдельно.

Закон оптимума выражается в том, что для получения максимально высокой эффективности нужно достичь оптимального сочетания значений обуславливающих ее факторов. Такое сочетание будет особенным для каждого хозяйства, что зависит от условий и организации производства. Одна из задач практической деятельности экономистов состоит именно в установлении действия этого закона в конкретных условиях хозяйствования.

Список литературы:

1. Еременко, О.В. Оценка эффективности инвестиционной деятельности предприятия / О.В. Еременко, И.А. Григорьев // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. – 2013. – №1-2. – С.31-32.

2. Золотарев, А.А. Факторы повышения эффективности интенсификации в растениеводстве / А.А. Золотарев, Е.В. Овчинникова // Аграрная наука. – 2008. – №12. –С. 2-3.

3. Каблучков, Е.Ю. Направления повышения эффективности производства кукурузы в системе кормопроизводства в Курской области / Е.Ю. Каблучков // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2013. – №2. – С. 34-37

4. Кованов, С.И. Экономические показатели деятельности сельскохозяйственных предприятий: Справочник / С.И. Кованов, В.А. Свободин. – М.: Агропромиздат, 1991. – 304 с.

5. Курбанов, З.М. Повышение эффективности производства кукурузы (На материалах Республики Дагестан) :дис. ... канд. экон. наук /З.М. Курбанов. – М.: ВНИИЭСХ, 2005. – 152 с.

6.Минаков, И.А. Экономика сельскохозяйственного предприятия / И.А. Минаков, Л.А. Сабетова, Н.И. Куликов. – М: КолосС, 2004. – 528 с.

7. Руденко, Д.В. Методика выбора метода прогнозирования развития сельского хозяйства региона / Д.В. Руденко // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2014. – №1. – С. 52-54.

8. Рудых, А.С. Методика оценки экономической эффективности кормопроизводства в современных условиях / А.С. Рудых // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2013. – №2. – С. 137-140

9.Сигидов, Ю.И. Организационные и экономические проблемы повышения эффективности сельскохозяйственного производства / Ю.И. Сигидов. – Краснодар. – 2001. – 414 с.

10. Храбсков, Е.Н. Управление производством зерна с учетом рисков / Е.Н. Храбсков // АПК: Экономика, управление. – 2011. – №2. – С. 26-30.

11. Шатохин, М.В. Государственное регулирование сельского хозяйства / М.В. Шатохин, И.А. Золотарева, О.В. Телегина, Ю.Л. Петрачкова. – Курск, 2013. – 96 с.

12. Яковлев, В.Б. Анализ эффективности сельскохозяйственного производства / В.Б. Яковлев, Г.Н. Корнев // М.: Росагропромиздат. – 1990. – 270 с.

E.Y. Kabluchkov, Lecture, Regional Open Social Instirute (Kursk) (e-mail: evgeniy.kabluchkov@rosi-edu.ru)
I.V. Shalimov, Lecture, Regional Open Social Instirute (Kursk) (e-mail:shalimov89@mail.ru)

METHODOLOGICAL BASIS IN STUDY OF ECONOMIC EFFECIENCY FACTORS IN AGRICULTURE

The article aims at consideration of some theoretical problems connected with the research of economic efficiency factors in agriculture; it also presents an attempt to classify these factors and formulate their cooperation laws.

Key words: *economical effectiveness in agriculture.*

УДК 338.43

А.А. Золотарев, канд. экон. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: alan.kursk@yandex.ru)
О.В. Телегина, канд. соц. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: Teloks@yandex.ru)

И.В. Шалимов, старший преподаватель, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: shalimov89@mail.ru)

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ – ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрены направления, формы и методы аграрной политики, оказывающие влияние на повышение конкурентоспособности продукции сельского хозяйства и АПК в целом.
Ключевые слова: *конкурентоспособность, аграрная политика, государственная конкурентная политика, сельскохозяйственное производство, сельскохозяйственная продукция, АПК.*

***

В настоящее время, в условиях повышения степени открытости экономики России, повышении ее активности в международных экономических отношениях, возникла острая необходимость повышения конкурентоспособности отечественной продукции сельского хозяйства. Основными ориентирами роста конкурентоспособности являются: с одной стороны снижение себестоимости в сочетании с регулированием роста цен, с другой стороны повышение качества продукции, диверсификация производства с целью импортозамещения части продукции. Роль государства при этом должна оставаться высокой, поскольку с помощью государственных инструментов возможно существенное воздействие и на себестоимость, и на качество, и на цены, и на процесс диверсиификации производства (рисунок 1).

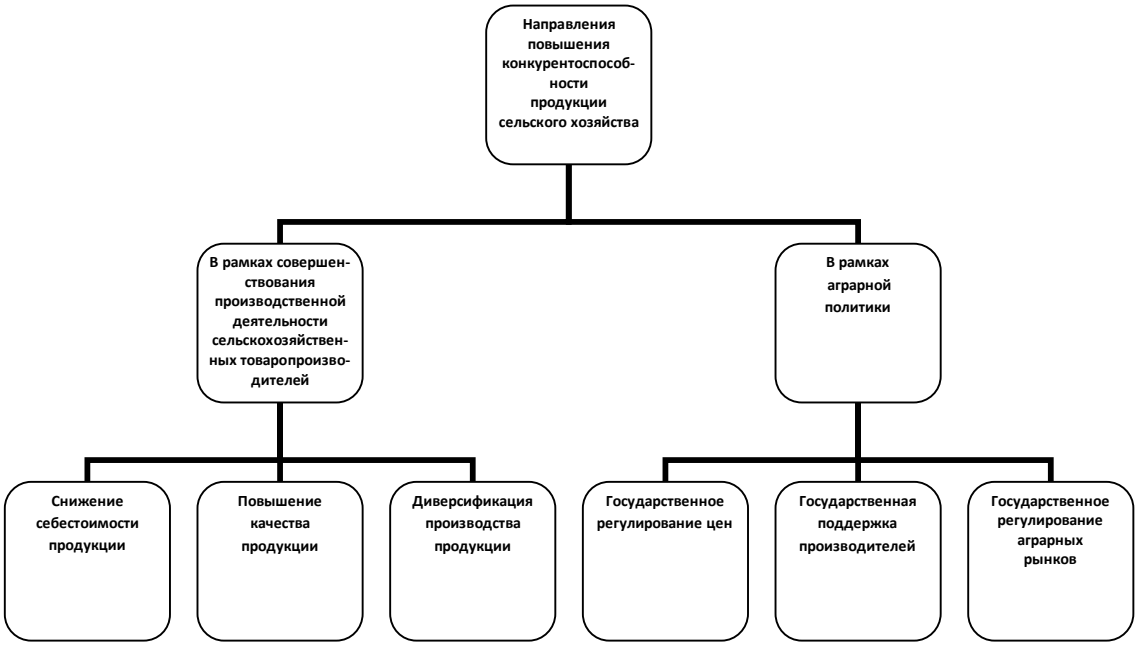


Рисунок 1 - Основные направления повышения конкурентоспособности продукции сельского хозяйства на уровне предприятия, региона и государства

При разработке мер по повышению конкурентоспособности продукции сельского хозяйства необходимо учитывать степень воздействия внутренних и внешних факторов, и также возможность их сочетания. Особая роль в формировании и повышении конкурентоспособности продукции в современных условиях отводится экономической политике предприятия и аграрной политике государства [7]. Политика предприятия должна быть направлена ресурсосбережение в процессе производства, оптимизацию производственных затрат, оптимизацию сочетания отраслей и подотраслей сельского хозяйства, диверсификацию производств с учетом современных требований рынка, растущих потребностей населения в отечественной продукции, динамики цен, экономических преимуществ, обусловленных природно-климатическими условиями.

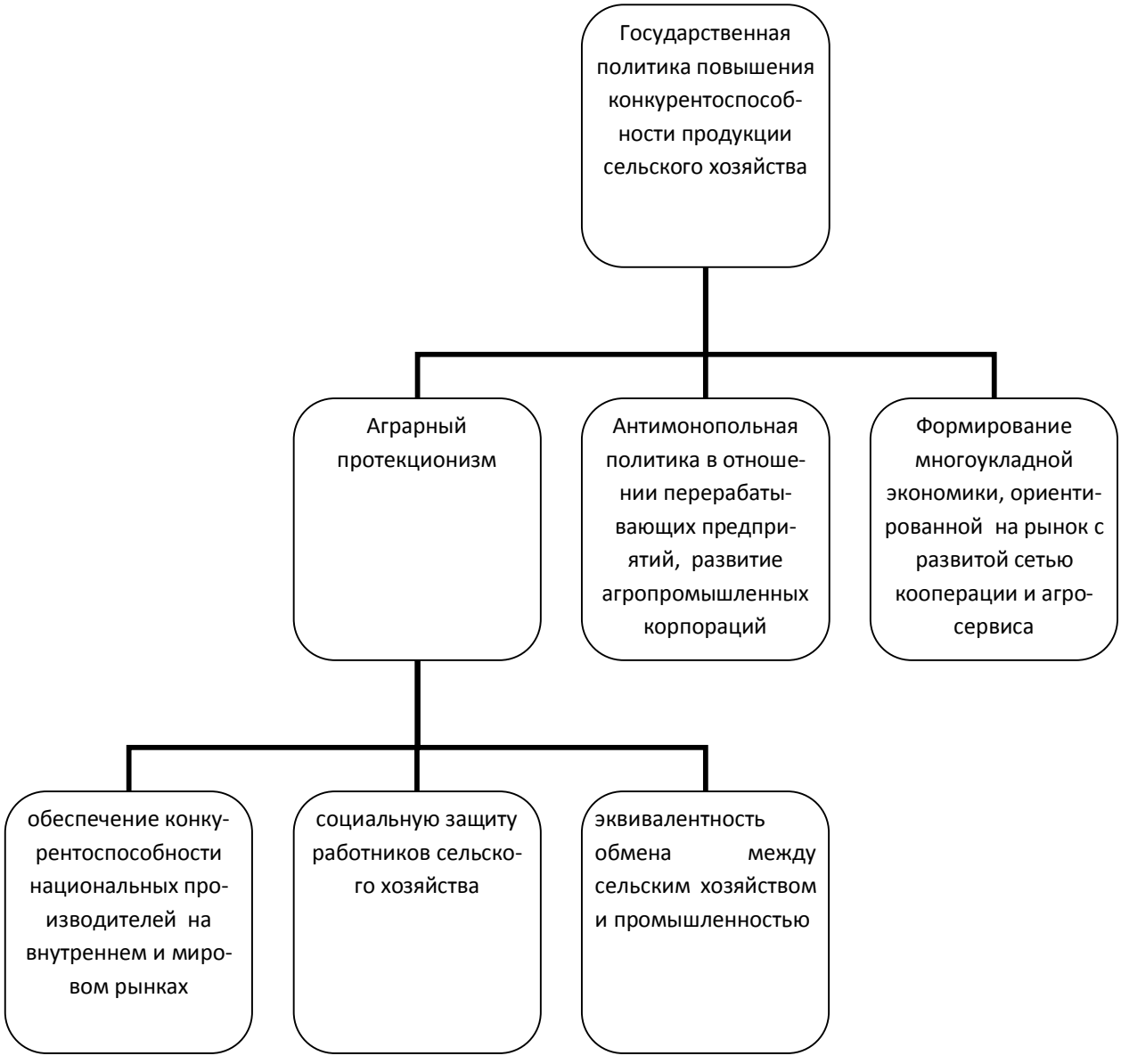


Рисунок 2 - Меры государственной конкурентной политик

Государственная конкурентная политика должна включать меры аграрного протекционизма, антимонопольного регулирования в отношении перерабаты-

вающих предприятий АПК, в том числе путем стимулирования развития агропромышленных корпораций, развития многоукладной экономики путем поддержки коллективных и индивидуальных производителей, развития кооперации и агросервиса (рисунок 2).

В свою очередь, использование методов аграрного протекционизма в современных условиях, ограничено политикой ВТО, в особенности прямых методов воздействия. Поэтому акцентировать внимание на более масштабном использовании косвенных мер регулирования сельскохозяйственного производства и АПК в целом. Наиболее приемлемые, на наш взгляд меры - ценовое регулирование и косвенная финансовая поддержка товаропроизводителей аграрного сектора экономики. Основной целью использования указанных мер, является обеспечение эквивалентного товарного обмена между сельским хозяйством и промышленностью, повышение доли отечественных производителей на внутреннем и мировом рынках, рост социальной защиты работников сельского хозяйства.

В рамках ценовой политики целесообразно сочетание поддерживающие цены с разнообразными формами и методами их контроля, активное применение таких инструментов государственной аграрной политики, как государственные закупки, товарные интервенции (рисунок 3).

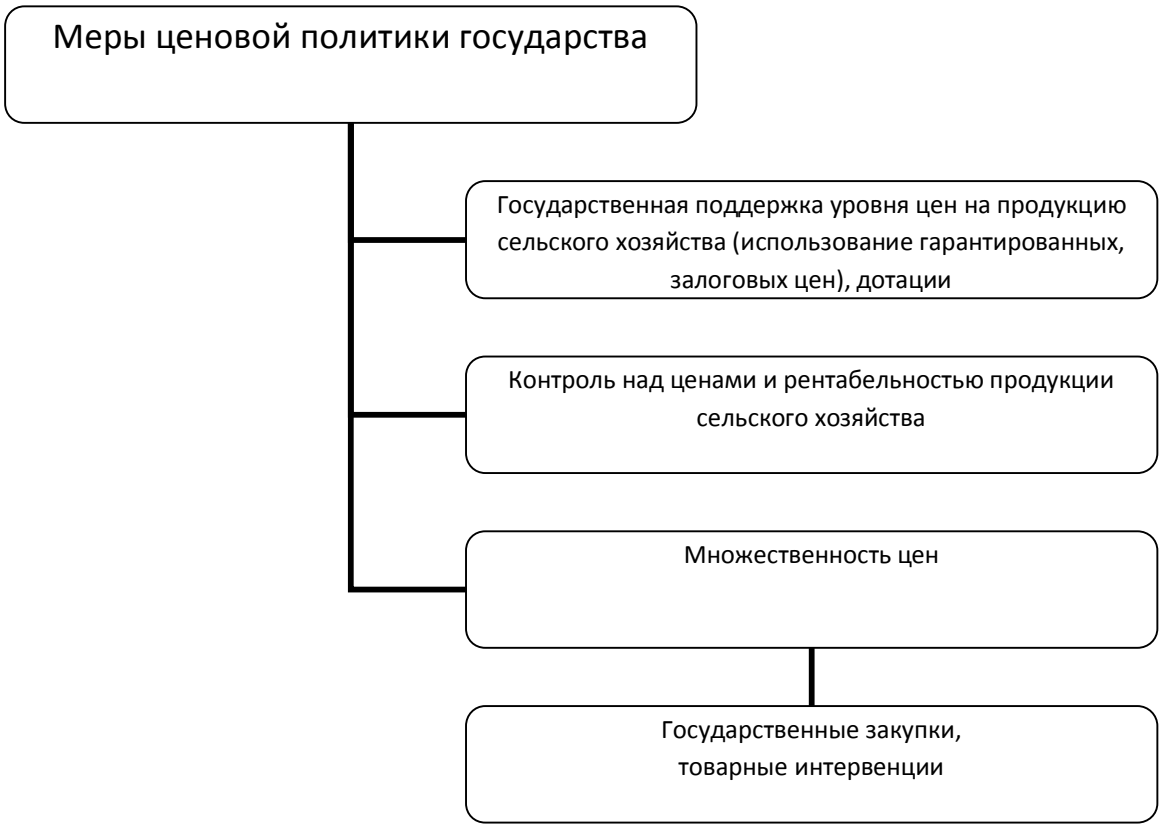


Рисунок 3 - Меры государственной ценовой политики

В зависимости от ситуации на рынке, от вида продукции целесообразно использовать: свободные, гарантированные, залоговые цены. Гарантированные и залоговые цены необходимо доводить до производителя заранее и корректировать их в зависимости от роста цен на материально-технические

ресурсы и услуги для сельскохозяйственных товаропроизводителей

Рисунок 4 – Меры финансовой поддержки сельского хозяйства

Финансовая поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей должна предусматривать поддерживающие и стимулирующие меры (рисунок 4). Она должна предусматривать не только компенсацию затрат на приобретение необходимой для сельскохозяйственного производства промышленной продукции, но и создание

специальных государственных фондов финансовой поддержки сельского хозяйства для целевого ее использования; поддержку развития племенного животноводства и птицеводства, элитного семеноводства; субсидирование инноваций; стимулирование инвестиционной деятельности, развитие предприятий разных форм хозяйствования.

При проведении кредитной политики необходим акцент на стимулирование развития производства в сельском хозяйстве, создание новых производственных объектов для АПК и обеспечение приоритета в экономике страны, повышение доступности кредитов для товаропроизводителей с учетом сезонности их производства в сельском хозяйстве, развитие ипотечного и залогового кредитования.

Немаловажным фактором повышения конкурентоспособности продукции предприятий АПК является развитие производственной, социальной и рыночной инфраструктуры, что, несомненно, должно быть частью аграрной политики государства [5].

Таким образом, конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках, безусловно, зависит от направлений, форм и методов аграрной политики. Важнейшим аспектом является и формирование конкурентной стратегии на уровне государства, регионов и предприятий. Аграрная политика, направленная на повышение конкурентоспособности, должна дифференцироваться в зависимости от конкурентных преимуществ продукции и ее производителей, ситуации на рынке и динамики ее развития. Основными направлениями аграрной политики должны стать: стимулирование производства отечественной продукции АПК с учетом рыночной конъюнктуры, поддержка уровня доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Список литературы:

1. Векленко В.И., Золотарев А.А. Совершенствование направлений аграрной политики в регионе // Вестник КГСХА. - № 7, - 2014. - С. 25-29.

2. Каблучков, Е.Ю. Направления повышения эффективности производства кукурузы в системе кормопроизводства в Курской области / Е.Ю. Каблучков // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2013. №2. С. 34-37

3.Руденко, Д.В. Методика выбора метода прогнозирования развития сельского хозяйства региона / Д.В. Руденко // Научный альманах Центрального Черноземья. –№1. – 2014. – С. 52-54

4. Рудых, А.С. Основные тенденции и факторы устойчивости кормопроизводства в Курской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - №9. – 2014. – С. 34-36.

5. Орлова, Л.В. У России до сих пор нет четкой аграрной политики// Аграрное обозрение, № 5, 2014.

6. Телегина О.В., Шалимов И.В. Глобализация экономики и ее влияние на Россию/ О.В. Телегина, И.В. Шалимов // Научный альманах Центрального Черноземья. –№ 3. – 2014. – С. 96-97

7. Эпштейн, Д.Б. Рыночный фундаментализм и аграрная политика в России / Д.Б. Эпштейн // Экономист. – 2009. – № 7. – С. 47- 50

8. Шатохин М.В., Золотарева И.А., Телегина О.В., Петрачкова Ю.Л. Государственное регулирование сельского хозяйства. – Курск: Изд-во Деловая полиграфия, 2013. – 96 с.

A.A. Zolotarev, Candidate of Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: alan.kursk@yandex.ru)

O.V. Telegina, Candidate of Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: Teloks@yandex.ru)

I.V. Shalimov, University Professor,, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: shalimov89@mail.ru)

COMPETITIVE RECOVERY OF DOMESTIC PRODUCTS AS THE MOST VITAL LINE OF AGRICULTURAL POLICY

In the article the major branches, forms and methods of agriculture policy, influencing the raise in competitive power of agricultural production and agricultural sector in general are examined.

Key words: *competitive power, agricultural policy, state competitive policy, agricultural production, agricultural sector.*

УДК 378.1

Д.В. Руденко, канд. экон. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail:rudndan@yandex.ru)

МЕХАНИЗМ СНИЖЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

В статье представлен механизм снижения финансовых рисков на предприятии, основанный на процессе управления рисками с участием систем риск-менеджмента и риск-контроллинга.
Ключевые слова: *финансовые риски, риск-менеджмент, риск-контроллинг.*

***

Механизм снижения финансовых рисков на предприятии должен включать в себя следующие этапы.

1. Формулировка стратегии управления рисками. Направленность системы риск-менеджмента на реализацию антикризисной стратегии предприятия обеспечивается формулированием соответствующей ему стратегии управления рисками.

2. Выявление рисков. При выявлении рисков риск-контроллинг ответственен за анализ внешней и внутренней среды предприятия с помощью предложенного им инструментария, составление отчетов по рискам, непосредственно отражающих выбранную стратегию управления рисками предприятия. Риск -менеджмент, в свою очередь, анализирует представленную ему риск - контроллингом информацию и выбирает для дальнейшей оценки те риски, которые представляют наибольшую угрозу деятельности предприятия.

3. Оценка рисков. Задача риск-контроллинга на данном этапе состоит в выборе наиболее обоснованных методов и инструментов оценки рисков, проведении данной оценки, интерпретации полученных результатов. Риск-менеджмент в процессе оценки вносит организационные коррективы и дополнения при появлении новых обстоятельств, касающихся оцениваемых рисков.

4. Выбор методов воздействия на риск. Риск-менеджмент, опираясь на рекомендации риск-контроллинга, выбирает методы, реализация которых позволит минимизировать возможный ущерб в будущем.

5. Составление первичного отчета о рисках. После того, как риски выявлены, оценены и выбраны меры по их минимизации, формируется отчет о рисках предприятия. В данном отчете дается описание угроз деятельности предприятия, типов присущих ему рисков, приводится оценка потенциального воздействия всех ключевых рисков на деятельность предприятия.

6. Принятие рискового решения. На основании полученного от риск-контроллера отчета о рисках риск-менеджер принимает соответствующее решение по управлению риском на предприятии.

7. Воздействие на риск. Осуществляется непосредственное воздействие на риск методами, выбранными на четвертом этапе.

8. Повторный отчет о рисках. По мере реализации мероприятий, направленных на снижение риска, и контроля результатов риск-контроллером в отчет вносятся дополнительные сведения об остаточной вероятности наступления рискового события, его остаточном воздействии и остаточном показателе риска.

9. Контроль результатов. На данном этапе контролируются фактически достигнутые и запланированные нормативные значения по каждому рисковому показателю [4, с.31].

Таким образом, механизм снижения финансовых рисков на предприятии, основанный на процессе управления рисками с участием систем риск-менеджмента и риск-контроллинга включает в себя перечисленные этапы, которые представлены на рисунке 1 [1, с.11]

Итак, основная идея концепции риск-контроллинга заключается в повышении эффективности управления стратегическими и тактическими рисками на предприятии посредством создания методической и информационно - аналитической системы, представляющей собой синтез элементов планирования, учета, контроля и анализа в сфере управления рисками.

Использование инструментов и методов риск-контроллинга способствует оптимизации алгоритмов управления рисками: сокращается число шагов реализации алгоритма (рис. 2) [1, с.12]

Представленная модель взаимодействия риск-менеджмента и риск - контроллинга позволяет системно подойти к сущности, функциям и инструментарию риск-контроллинга в целях формирования целостной системы управления рисками на предприятии.

Предлагается следующий алгоритм выбора модели риск-контроллинга для предприятия:

1) определение фазы развития предприятия с целью выработки оптимальной стратегии управления рисками;

2) оценка уровня гибкости менеджмента и его готовности к изменениям на основе результатов анкетирования по группам: высший менеджмент, средний менеджмент, менеджмент низового звена, рабочие и служащие;

3) определение уровня стабильности организационного развития предприятия на основе оценки его технического и финансового потенциала, риска дестабилизации деятельности с использованием положений теории нечетких множеств и программного продукта MATLAB;

4) использование разработанной матрицы выбора модели риск - контроллинга для определения подхода к построению системы риск-контроллинга на предприятии;

5) корректировка модели в зависимости от фазы развития предприятия и внешних условий;

6) оценка степени внедрения риск-контроллинга с использованием модели роста стоимости бизнеса, снижения риска банкротства и системы взаимосвязанных показателей.

Таким образом, с помощью предложенного алгоритма повышается оперативность принятия рисковых решений, экономятся связанные с данным процессом ресурсы; система риск-менеджмента фокусируется на главном – на постановке целей и задач в области управления рисками, организационных вопросах и принятии окончательных решений. Кроме этого, риск-контроллинг играет роль некоего аудитора в системе управления рисками, обеспечивая получение результатов на независимой основе.

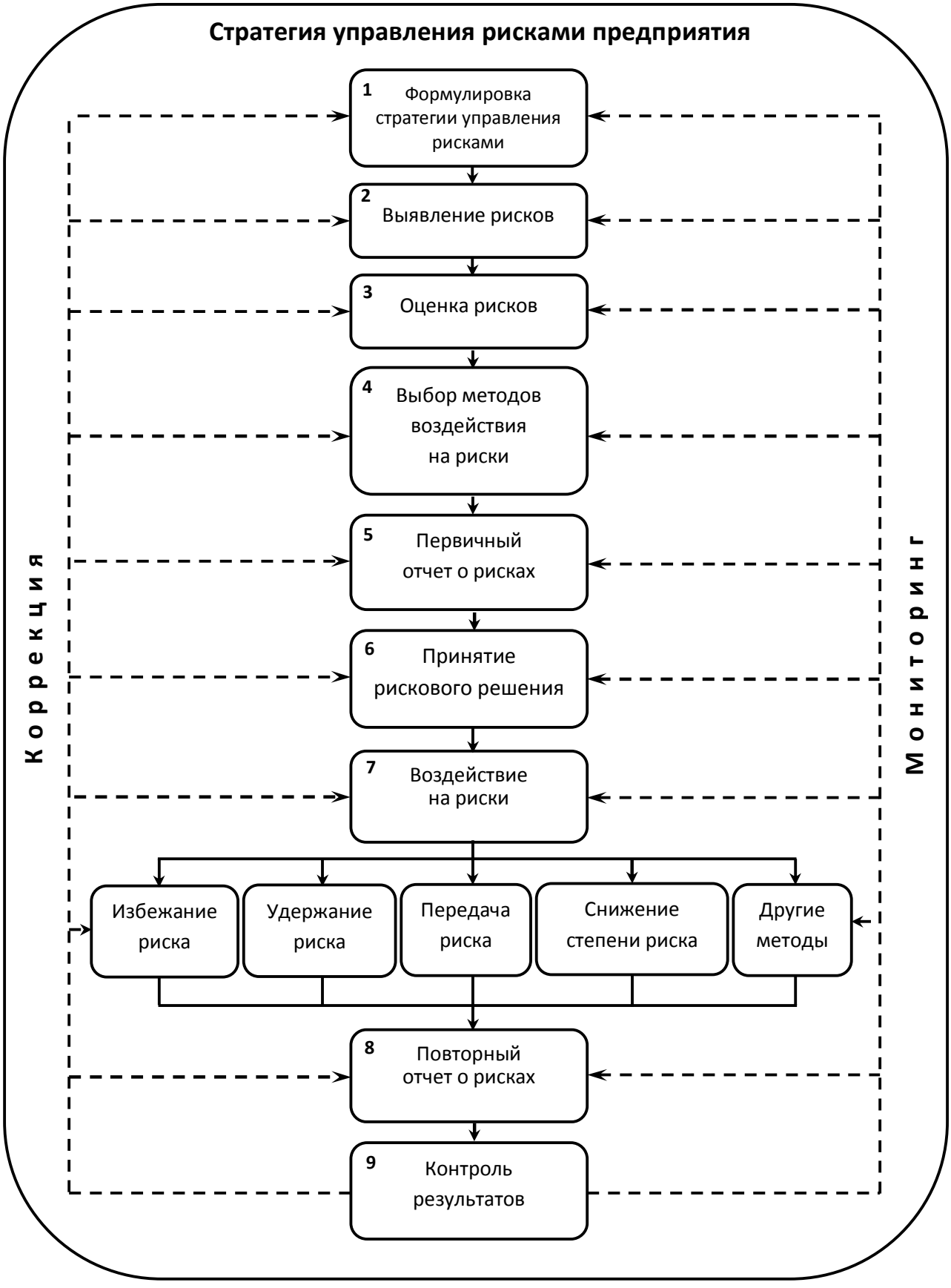


Рис. 1 – Механизм снижения финансовых рисков

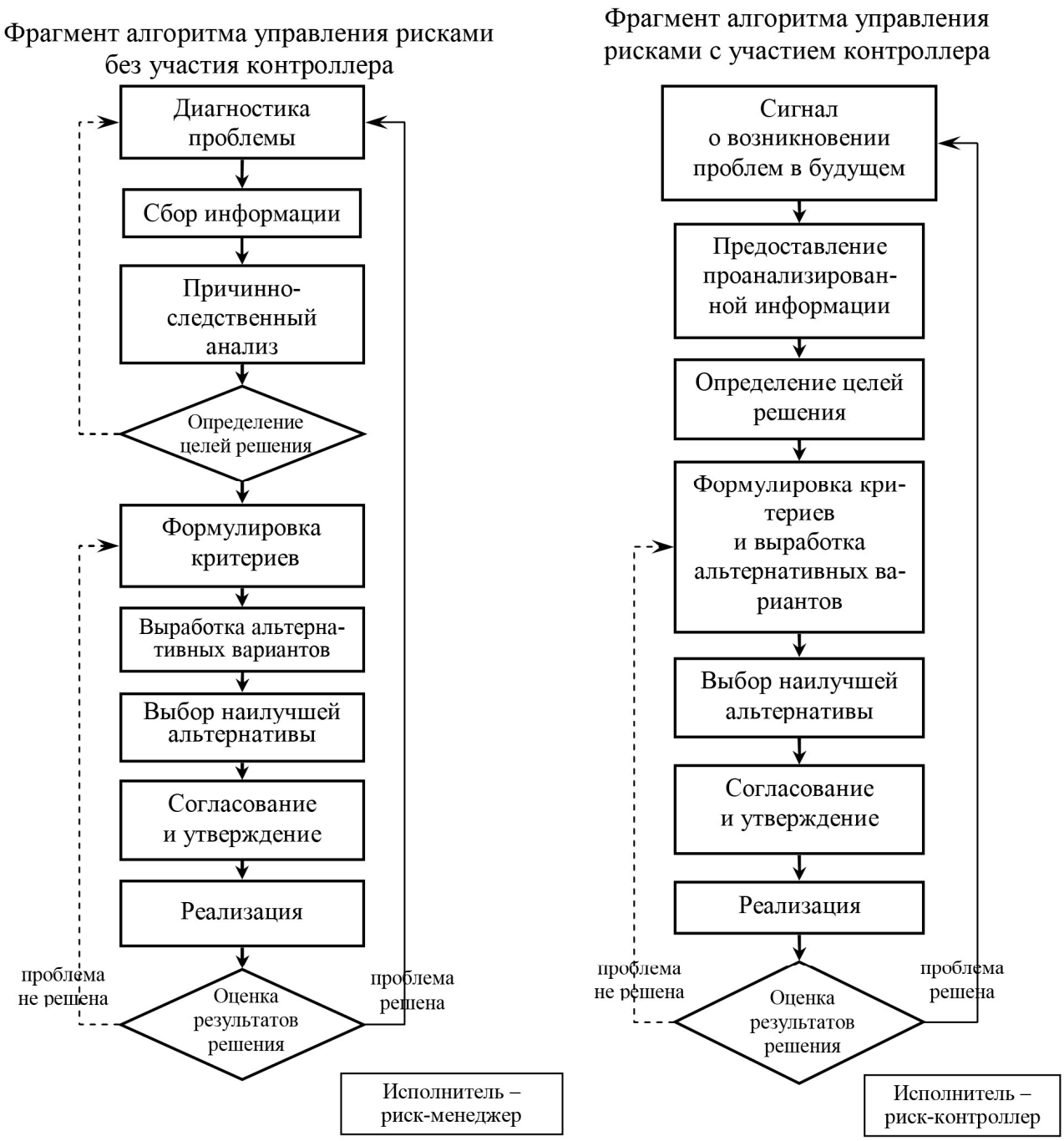


Рис. 2 – Оптимизация алгоритма управления рисками на предприятии

Список литературы:

1. Ваганова А.С. Научно-методические аспекты риск-контроллинга на промышленных предприятиях / Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Нижний Новгород. – 2010. – 24 с.

2. Векленко В.И., Каблучков Е.Ю. Эффективность производства кукурузы в Курской области / Научный альманах Центрального Черноземья. – 2014. - № 1. – с. 19-24.

3. Руденко Д.В. Фундаментальные подходы к определению методов прогнозирования развития сельского хозяйства региона / Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2013. - №8. - с. 185-191.

4. Холодова М.А. Основы управ-

ления рисками в финансовых институтах. Учебное пособие / М. А. Холодова; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Курский гос. технический ун-т». – Курск, 2009 – 114 с.

D.V. Rudenko, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: rudndan@yandex.ru)

THE MECHANISM OF FINANCIAL RISKS

The article presents the mechanism of financial risks lowering based on the process of risk handling using the system of risk-management and risk-controlling.

***Key words**: financial risks, risk-management, risk-controlling.*

УДК 336.71:004.9

М.А. Холодова, канд. экон. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: marykholodova@rambler.ru)

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РАСЧЕТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

В статье представлены результаты исследования рынка банковских продуктов и услуг, связанных с использованием современных электронных технологий. Рассматривается российский и зарубежный опыт использования расчетов с применением современных электронных технологий

***Ключевые слова:** интернет-банкинг, электронные платежные системы, расчеты с использованием электронных технологий*

***

Постоянное увеличение конкуренции в сфере банковского обслуживания, а также иностранные санкции против ряда российских банков заставляют коммерческие банки искать новые пути повышения плотности и качества взаимодействия с клиентами. Новые условия деятельности требуют не только активного использования традиционных банковских решений, но и внедрения передовых достижений науки и техники, реализованных в различных методах дистанционного банковского обслуживания.

Растущая популярность интернет-банкинга как в зарубежных (индустриально развитых) странах, так и в Российской Федерации лишний раз подтверждает наличие устойчивого и платежеспособного спроса на этот нетрадиционный вид банковских услуг. Высокий интерес к интернет-банкингу обусловлен, прежде всего, более привлекательными условиями по сравнению с предлагаемыми в традиционных банках. Поскольку затраты на организацию банковского обслуживания через интернет считались несоизмеримо малыми, «онлайн»-банки (виртуальные банки) большинства индустриально развитых зарубежных стран изначально предложили своим будущим клиентам более высокие процентные ставки по депозитам.

На сегодняшний день банки предлагают достаточно широкий спектр услуг, объединенных общим термином – дистанционное банковское обслуживание (ДБО).

По мнению Коробовой Г.Г. дистанционное банковское обслуживание –

это предоставление возможности клиентам совершать банковские операции, не приходя в банк, с использованием различных каналов телекоммуникации [1, с. 36].

Наиболее востребованный и распространенный на сегодняшний день вид ДБО в мире – интернет-банкинг.

Второй по популярности вид услуг ДБО – мобильный банкинг, являющийся логическим продолжением интернет-банкинга. Полноценный сервис подразумевает, что мобильный телефон является таким же средством платежа, как и банковская карта. Однако на данный момент во многих странах функционирует неполный вариант мобильного банкинга, так называемый SMS-банкинг с информационным уровнем доступа, позволяющий получать по SMS выписки об операциях по счетам, осуществлять наблюдение за счетом и пр. В некоторых случаях возможен операционный доступ – оплата ограниченного числа услуг и товаров. При этом мобильный банкинг, как правило, доступен лишь владельцам дебетовых или кредитных карт банка.

Рынок мобильного банкинга весьма перспективен, технологически он не отличается от интернет-банкинга, но несет в себе принципиально новое и важное качество – мобильность. И несмотря на тяжелое финансовое положение, банки США и Европы продолжают инвестировать в развитие мобильных услуг, понимая, что в скором времени потребители, в особенности молодежь, будут рассматривать наличие мобильного банкинга как обязательный критерий выбора того или иного финансового института.

Российский рынок дистанционного банковского обслуживания пока что значительно отстает от рынка Европы и США. По приблизительным оценкам, в настоящее время общее число российских пользователей интернет-банкинга составляет всего лишь 1,2-1,5 млн. человек, из них 90% – физические лица [2, с. 56].

В ближайшие годы рост рынка будет обусловлен как распространением банковских продуктов среди населения, так и развитием сервисов дистанционного обслуживания.

Пока же ситуация на российском рынке ДБО значительно отличается от стран Европы и США. Если в мире системы «Банк-Клиент» занимают последнее место по востребованности, то в России такая услуга лидирует, за ней следует «Интернет-Клиент», а телефонный банкинг выполняет информационные функции и, как правило, является частью фронт-офиса банка. На эту услугу приходится основная нагрузка по удаленному информированию клиентов. Что касается интернет-банкинга, то у большинства участников рынка, активно использующих системы класса «Банк - Клиент», интернет-банкинг пока выполняет роль своеобразной справочной службы, в которой можно узнать баланс по счету или карте и получить выписку с историей операций. В типичной на сегодня модели интернет-банкинга активные услуги представлены минимально и, как правило, ограничиваются возможностью перечисления средств между своими счетами и платежами в адрес интернет-провайдеров, сотовых операторов, служб ЖКХ.

Консервативный подход к новым технологиям взаимодействия с клиентами в основном проявляют небольшие банки, но есть в этой категории и крупные розничные игроки, которые разделяют операционный и информационный уровень доступа и по способу подключения, и по стоимости обслуживания, и по уровню защиты («Банк Москвы», «Райффайзенбанк», «МДМ-банк» и другие).

Кроме того, в некоторых банках помимо ежегодной платы за пользование системой интернет-банкинга необходимо приобретать специальные устройства, без которых нельзя проводить операции, – чаще всего USB-токены (банк

«УРАЛСИБ», банк «Восточный экспресс», «Связь-банк»).

Что касается мобильного банкинга, то у большинства российских банков он по-прежнему ограничен рассылкой SMS об операциях по счету и не позволяет дистанционно управлять счетами. Также с помощью SMS можно направить в банк запрос, в ответ на который клиенту сообщат остаток на счете или другую интересующую его информацию, например сумму минимального платежа по кредиту.

Но есть банки (в частности, «ВТБ-24», «Альфа-Банк», «Сбербанк», «Банк Москвы» и др.), позволяющие клиенту с помощью мобильного телефона производить различные платежи и переводить деньги со счета на счет.

Единственным региональным банком Курской области является ОАО «Курскпромбанк». Соответственно актуальным является проведение SWOT-анализа деятельности этого банка на рынке банковских карт.

Таблица 1 Матрица SWOT-анализа деятельности ОАО «Курскпромбанк» на рынке банковских карт

Сильные стороны (Strengths)	Рыночные возможности (Opportunities)
- предоставление банком широкого спектра видов услуг, основанных на современных электронных технологиях; - позитивный имидж банка среди населения; - доступная рекламная информация (рекламные щиты, телевизионная реклама; клиенты банка); - проведенный авторами анализ деятельности банка с позиции геомаркетинга выявил достаточное количество банкоматов и удачное их размещение;	- совершенствование банковских продуктов и услуг; - появление новых технологий для взаимодействия банка и клиентов с карточными счетами; - рост рынка электронных технологий и банковских карт,
Слабые стороны (Weakness)	Рыночные угрозы (Threats)
- наличие перерыва, совпадающего с перерывом клиентов, что значимо для клиентов, желающих оформить карточный счет, а также для клиентов, нуждающихся в консультации специалистов банка;	- санкции иностранных государств против российских банков - возможность второй волны финансового кризиса; - внедрение на рынок иностранных банков; - высокий уровень конкуренции на рынке современных электронных технологий

На первом этапе анализа были оценены собственные силы банка. Это позволило определить каковы его сильные стороны и недостатки.

Далее была проведена оценка рынка, которая позволила оценить ситуацию вне банка и понять, какие у него есть возможности, а также каких угроз следует опасаться (и, соответственно, заранее к ним подготовиться).

На втором этапе SWOT-анализа было проведено сопоставление сильных и слабых сторон с рыночными возможностями и угрозами.

Здесь следует отметить силы, позволяющие с наибольшей выгодой ис-

пользовать возможности, позитивный имидж банка в совокупности с новыми технологиями позволят увеличить ресурсную базу банка.

Анализ показывает, что использование передовых технологий в обслуживании клиентов позволит ОАО «Курскпромбанк» рационально распределить свои ресурсы, минимизировать издержки, усовершенствовать обслуживание клиентов, повысить качество предлагаемых банковских услуг и конкурентоспособность. Повышение конкурентоспособности ОАО «Курскпромбанк» одно из важных направлений повышения конкурентоспособности региона [3, с. 76].

Таким образом, на сегодняшний день российский рынок ДБО имеет большой потенциал для роста. Однако в отличие от своих западных коллег в настоящее время лишь несколько банков ведут активное продвижение услуг ДБО, хотя основная тенденция западного рынка – совершенствование и дополнение действующих сервисов интернет-банкинга характерна и для российского рынка.

Список литературы

1. Банковское дело: Учебник / Под ред. д-ра экон. наук, проф. Г.Г. Коробовой. - М.: Юристъ, 2010. - 751 с.

2. Пашкова А.В. Дистанционное банковское обслуживание в России и странах Европы и США//Банковский ритейл.-№2.-2014.- С. 53-74.

3. Шатохин М.В., Золотарева И.А., Телегина О.В., Петрачкова Ю.Л. Государственное регулирование сельского хозяйства. – Курск: Изд-во Деловая полиграфия, 2013. – 96 с.

4. Рудых А.С. Основные тенденции и факторы устойчивости кормопроизводства в Курской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - №9. – 2014. – С. 34-36.

5. Векленко В.И., Золотарев А.А. Совершенствование направлений аграрной политики в регионе // Вестник КГСХА. - № 7, - 2014. - С. 25-29.

M.A. Kholodova, Candidate of Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: marykholodova@rambler.ru)

THE ANALYSIS OF THE FUNCTIONING OF THE PAYMENT SYSTEM WITH THE USE OF MODERN ELECTRONIC TECHNOLOGIES IN COMMERCIAL BANKS

In article results of research of the market of bank products and the services connected with use of modern electronic technologies are presented. The Russian and foreign experience of use of calculations with application of modern electronic technologies is considered

Keywords: *Internet banking, electronic payment systems, calculations with use of electronic technologies*

УДК 378.1

И.С. Пудякова, кандидат географических наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail:Ipudyakova@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. РЫЛЬСКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматривается туристический потенциал Рыльска – малого исторического города, расположенного в Курской области. Автор показывает, что развитие туризма здесь связано с решением целого ряда проблем.

Ключевые слова: *туристские ресурсы, рекреационный потенциал территории, культурно-историческое наследие, виды туризма.*

***

Проблемы развития туризма в малых исторических городах России все чаще обсуждаются на различных конференциях, семинарах и межрегиональных туристических форумах. Историко-культурный потенциал, которым обладают малые исторические города страны, является главным их богатством, и, следовательно, ведущим фактором, способствующим развитию в них туристической отрасли. Поэтому использование культурного наследия в качестве «ресурса» позволит малым историческим городам выйти на принципиально новый этап организации социально-культурной среды и экономической жизнедеятельности населения.

Малые города Курской области практически незаметны на российском туристском рынке. Во многом это связано с недостаточной рекреационно-географической изученностью данной территории. В последнее время этот пробел начал восполняться. Так, активизировалось исследование культурно-исторического наследия области и ее отдельных районов, примером чему служат, например, труды А.В. Апанасенка о местной религиозной культуре [2]. Среди публикаций, характеризующих природный потенциал территории, можно выделить работы И.В. Подлесных [4]. Ряд ученых Юго-Западного государственного университета и Курского государственного университета изучает культурно-исторический потенциал региона. Однако общий объем этих исследований на сегодняшний день довольно скромен. В этих условиях представляется перспективным изучение региональных проблем развития туризма на микроуровне – на примере малых городов и их окрестностей, пока слабоизученных.

Одной из жемчужин Курской области является г. Рыльск – малый исторический город, имеющий значительный туристский потенциал. Наличие большого количества туристских ресурсов дает возможность развивать здесь следующие виды туризма: религиозно-паломнический, познавательный, экологический, рыболовный и охотничий. К сожалению, в настоящее время трудов, посвященных проблематике туризма в Рыльском районе, нет. В связи с этим, мы в своей работе попытаемся оценить рекреационный потенциал данной территории и выделить основные проблемы, сдерживающие развитие туризма.

Город Рыльск расположен на юго-западной окраине Среднерусской возвышенности, на правом берегу реки Сейм в 124 километрах от Курска. Его население – девятнадцать тысяч человек. Сейчас это районный центр Курской области, который по своему экономическому и культурному значению выделяется среди других районных центров области.

Ресурсами для религиозно-паломнического туризма являются многочисленные соборы, храмы и церкви. Это – Покровский собор, построенный в 1822 году на улице Ленина по заказу купцов Шелеховых, Успенский собор, сооруженный в 1811 году на средства местного купца Филимонова, Николаевская церковь – на улице Островского, возведенная в 1817 году.

Из сохранившихся церковных зданий следует отметить Вознесенскую церковь на углу улиц Луначарского и Ленина. Здание церкви было построено в 1866 году.

Наиболее законченным архитектурным ансамблем прошлого является Никольский монастырь, расположенный на западе от центра города. По своему характеру он относится к доклассической архитектуре рубежа XVII-XVIII вв., сохранившиеся главные здания были созданы в 30-х - 50-х годах XVIII века. Заметно влияние украинской архитектуры (однокупольность, граненость объемов, характер деталей), а также приемов, заимствованных у деревянного зодчества [5].

Развитию культурно-познавательного туризма в Рыльске способствует наличие таких ресурсов, как уникальная городская архитектура, памятные места, связанные с жизнедеятельностью известных горожан.

С городом связано имя известного мореплавателя Григория Шелехова, которого также называют «Колумбом российским». Он вышел из среды Рыльского купечества (1747-1795 гг.). В 1957 году на площади Свердлова ему был установлен памятник.

В честь Г.И. Шелехова названы залив в Охотском море, бухта и река на Курильских островах, озеро на американском континенте, пролив, отделяющий о. Кадьяк от материковой части Северной Америки, бухта на острове Крузово в архипелаге Александра, станция, город и поселок в Иркутской области [3].

В Рыльске с именем мореплавателя связано несколько памятных мест. В первую очередь это два его дома, которые являются настоящими шедеврами архитектуры XVIII века. Они резко выделяются среди других построек Рыльска, как по своему необычному плану, так и по декоративному оформлению.

В сквере, при Доме пионеров сохранились три древних сооружения, которые связываются с именем рыльского князя Василия Шемяки.

Здания были построены не ранее первой четверти XVIII века и, по-видимому, на месте существовавших древних строений. Такое предположение связано с существованием хода-тайника, соединявшего эти здания. Тайников-ходов в Рыльске обнаружено несколько, причем некоторые из них тянутся на значительные расстояния. Они неоднократно обнаруживались в связи с обвалами, происходившими после проливных дождей.

Одним из домов Шемяки, который известен также под названием «жилой воеводский дом»,является небольшое двухэтажное здание с мезонином. По наружным формам оно относится к началу или середине XVIII века. Планировка дома типична для жилых зданий XVII века. Помещения дома перекрыты плоскими сводами, украшенными лепкой в стиле первой половины XVIII века.

Другой дом Шемяки, известный также под названием «воеводская канцелярия», представляет собой небольшое одноэтажное здание с подвалом и толстыми кирпичнымистенами. Оно относится к типу известных на Украине «камениц» XVII - XVIII вв., используемых для различных служебных целей как склады, канцелярии, арсеналы и пр. Особенность рыльской «каменицы» состоит в том, что она перекрыта мощными сводами, пяты которой размещены на уровне подоконников.

Еще один жилой воеводский дом, тоже «дом Шемяки»,представляет собой одноэтажное каменное здание без подва-

ла, все помещения которого перекрыты сводами [3].

На административной площади этими тремя строениями была представлена не существующая ныне двухэтажная каменная соборная церковь, возведенная в 1769 году на месте деревянной церкви, выстроенной князем Василием Шемякой, которая сгорела в 1720 году. Перед площадью размещалась городская торговая площадь, на которой имелось обязательное для того времени лобное место. В дальнейшем административная площадь была отделена торговой оградой с каменными воротами и большим двухэтажным домом с четырёхколонным портиком и полуподвалами. Здание было построено в 1783 году одним из местных купцов Ф.А. Выходцевым. В настоящее время в нем размещается Дом пионеров.

На улице Розы Люксембург находится дом, в котором жил Петр I, когда возвращался после Полтавской битвы. Дом подвергался значительным изменениям, в частности, была уничтожена старинная наружная лестница. Он является самым старинным сооружением из всех сохранившихся в Рыльске.

Из памятников гражданской архитектуры привлекают внимание два больших корпуса бывших торговых рядов, которые в планировке города играют существенную роль. Торговые ряды на Советской площади построены на рубеже XVIII-XIX вв. купцом Филимоновым.

В Рыльске сохранился памятник гражданского деревянного зодчества. Это большой одноэтажный купеческий деревянный дом с большим количеством резных украшений. Он находится на углу улиц Луначарского и Урицкого. Здесь сейчас расположено отделение больницы [6].

В 20-ти километрах от Рыльска в селе Ивановское гетманом Мазепой в 1768 году были возведены каменные палаты типа украинских «камениц», конюшен. В них более 20-ти лет назад местные власти решили возродить племенное коневодство, создать свой конезавод, наладить воспроизводство лошадей элитных верховых пород. По приглашению местных властей в село приезжает известная конезаводчица Н. Соколова с целью организовать колхозную конноспортивную детскую школу и племенную конеферму.

В настоящее время на племенной ферме выращивается тракененская порода верховых лошадей, вывезенная в качестве трофея русскими солдатами из Германии в 1945 году. Но организовать конноспортивный клуб или хотя бы прокатный пункт пока не удалось. Для того, чтобы это все могло воплотиться в жизнь, нужны инвесторы и материальная помощь [6].

Настоящим сокровищем Рыльского района является дворцово-парковый ансамбль Марьино, названный так по имени жены одного из князей Барятинских.

Князья Барятинские были одними из самых богатых. Александр Барятинский прославился тем, что, будучи наместником царя на Кавказе и командующим русскими войсками на «линии», в 1859 году осадил сопротивлявшийся аул Гуниб, взяв в плен вождя горцев Шамиля. Будучи сосланным в Калугу, Шамиль бывал в Марьино в качестве гостя-пленника, о чем свидетельствуют мемориальные доски во дворце.

Дворец Марьино был заполнен произведениями искусства, вывезенными из-за границы. Руками крепостных десятилетиями устраивался парк с прудами, каналами, мостамии парковой культурой. Объемно-планировочная композиция дворца не схожа ни с одним известным ансамблем дворцово-парковой архитектуры. Отличительной особенностью этой композиции является контраст объемов – мощного, монументального главного корпуса и пониженныхбоковых флигелей сложной конфигурации. Открытые лестницы и площадки заднего фасада дворца выходят в парк, и благодаря этому декоративная архитектура здания сливается с природным окружением.

В теплое время года огромное впечатление производит обширный вековой парк с системой прудов и каналов, с повисшими над ними многочисленными мостами разнообразной формы. В различных местах возвышаются сооружения в виде ротонд и беседок, декоративные вазы и другие элементы убранства парка. Среди них выделяется большая бронзовая фигура орла, сидящего на искусственной скале на берегу пруда. Эта скульптура символизирует военные подвиги на Кавказе Александра Барятинского. Орел – это побежденный князем Барятинским неукротимый Шамиль [3].

Рыльский краеведческий музей – старейшее культурно-просветительное учреждение района. Был учрежден 19 марта 1918 года, открыт для посетителей – 15 июня 1919 года. В 14-ти залах в хронологической последовательности отражена история края. Фонды музея (около 30-ти тысяч предметов) обладают уникальными коллекциями: скульптуры, старинных книг, нумизматики, живописи XVIII-XX вв. и пр. С первых дней существования и до настоящего времени музей является центром духовной, просветительной жизни не только Рыльска, но и Рыльского района [1].

Особенностью топографии Рыльска является в его западной части довольно высокая гора с крутыми, практически отвесными склонами, называемая горой Ивана Рыльского. Высота ее над уровнем Сейма до 50-ти метров, а длина по продольной оси – до 300 метров.

Святой Иван Рыльский жил в Болгарии в IX веке. Связи Древней Руси с Болгарией существовали и нашли отражение в топонимике, то есть наименованиях городов, рек и местностей России.

На плане г. Рыльска, составленном в XVIII веке, гора с находящимися на ней строениями называется «замком». Здесь стояли три церкви, самые старые в городе, воеводская канцелярия и другие здания. В настоящее время эти строения не сохранились.

Еще одно интересное место расположено близ села Капыстичи Рыльского района – это городище «железного века» (2-я половина I тыс. до н. э.). На восточной окраине села сохранился высокий курган эпохи бронзы (конец III-II тыс. до н. э.). На древнем селище помещики Воропановы обосновали свою родовую усадьбу [3].

Ресурсами для рыболовного, охотничьего и экологического туризма могут являться живописнейшие места в пойме реки Сейм, леса, степи и меловые горы.

В селе Капыстичи расположено озеро Малино. Оно является комплексным памятником природы естественного происхождения, который представлен озером-старицей, окруженным лугами и лесным массивом. Это водно-болотное угодье служит местом обитания многих видов рыб, птиц и животных.

Среди достопримечательностей окрестностей г. Рыльска выделяется местность под названием Синайка. Это вытянутый с юга на север холм высотой около 30-ти метров с крутыми, почти отвесными склонами. На востоке он обрывается в сторону Сейма, на севере и западе – в сторону балки. С южной стороны Синайки имеется ров искусственного происхождения, отделяющий холм от остальной части береговой гряды. Его глубина около 10-ти метров. Со стороны рва на холме заметны остатки дугообразного вала.

Недалеко от села Боровского расположено место отдыха рылян – Бакиткина дача. Это прекрасный песчаный пляж с низменными берегами и спокойным течением реки Сейм. [3].

Таким образом, проведя оценку туристических ресурсов г. Рыльска и его окрестностей, можно сделать вывод о том, что район, расположенный в живописной местности с благоприятной экологической обстановкой, имеет большой потенциал для развития туризма и отдыха. Он обладает туристско-рекреационными ресурсами, которые

могут быть использованы в различных видах туристической деятельности: культурно-познавательной, религиозно-паломнический и др.

Однако, несмотря на то, что Рыльская земля имеет значительный историко-культурный и природно-рекреационный потенциал, развитие туризма здесь сопряжено с рядом трудностей.

Хотелось бы сначала отметить проблему, которая касается не только исследуемой территории, но и всех регионов Российской Федерации в целом. Она связана с недостатком инвестиций и просчетами в проведении государственной политики по поддержке туризма, отсутствием полноценного сотрудничества муниципалитетов с бизнес - сообществом [7].

Одна из главных проблем, конечно же, касается недостаточно развитой туристической инфраструктуры. У города Рыльска она сегодня находится на начальной стадии развития. Три небольших кафе в центре города. Муниципальная гостиница давно закрыта. Единственным средством размещения здесь является общежитиеучилища гражданской авиации.

Так же актуальна для Рыльска проблема отсутствия квалифицированных кадров, которые были бы способны работать в сфере высоких технологий туристического обслуживания.

Информационная неосвещённость турпродукта, отсутствие рекламы туристских ресурсов города в средствах массовой информации также сдерживают развитие туризма в регионе. Нет специализированного туристического сайта города, на котором была бы размещена информация о достопримечательностях, видах туризма, праздниках и т. д. На официальном сайте муниципального образования «Рыльский район» таких материалов не представлено[1].

Существенной проблемой является отсутствие на туристическом рынке Рыльска предложений для детей и молодежи. В основном, все туры, предлагаемые в настоящее время в исследуемый город, связаны с паломничеством.

Также развитие туристического бизнеса в Рыльске сдерживает неконкурентоспособный сервис. В первую очередь – это транспортный сервис. Автопарк в Курской области достаточно старый и изношенный. В связи с этим, поездка в Рыльск занимает большее время, чем на современном комфортабельном транспорте.

Как показали проведенные исследования, туристический потенциал города Рыльска достаточно высок. Однако развитие туристической отрасли в районе затруднено рядом проблем, решение которых способно изменить ситуацию в лучшую сторону.

Список литературы:

1. www.rylskraion.ru – официальный сайт администрации Рыльского района Курской области [дата обращения 05.10.2014 г].

2. Апанасенок А.В. Старообрядчество Курского края в XVII – начале XX века. –Курск, 2005. –197 с.

3. Просецкий В.А. Рыльск– Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1977. – С. 155-160.

4. Подлесных И.В. Перспективы развития этнотуризма в Курской области на примере Суджанского района //«Региональный туризм: проблемы и перспективы развития» сборник научных статей I научно-практической конференции в рамках III региональной туристской выставки «Туризм и отдых – 2013» 19 апреля 2013 г. – Курск, 2013. – С. 21-23.

5. Пудякова И.С. Город Рыльск как объект религиозно-паломнического туризма в Курской области [Электронный ресурс]//Традиционные ценности в условиях глобализации. Материалы IX Всероссийских научно-образовательных Знаменских чтений. –Курск, 2013.

6. Пудякова И.С. «Новые» туристические ресурсы Курской области //Стратегия развития индустрии гостеприимства и туризма. Материалы 4-й Международной интернет-конференции. – Орел, 2011. – С. 393- 400.

7. Пудякова И.С. Региональные проблемы развития туризма (на примере города Суджи Курской области). / Научный альманах центрального Черноземья: теоретический и научно-практический журнал. − Курск, Изд-во Финансового университета при Правительстве РФ, 2013. – С. 51-54.

I.S. Pudyakova, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: Ipudyakova@yandex.ru)

SPECIFICITY OF TOURISM DEVELOPMENT IN SMALL TOWNS OF RUSSIA (ON THE BASIS OF RYL`SK, KURSK REGION

The work discusses the tourism potential of Rylsk - small historic town located in the Kursk region. The author shows that the development of tourism here demands the solution of a range of problems.
***Key words**: tourist resources, recreational potential of the area, the cultural and historical heritage, types of tourism.*

УДК 636.085/.087

А.С. Рудых, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: a.s.rudykh@mail.ru)

ПОВЫШЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОИЗВОДСТВА КОРМОВ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье проанализировано влияние затрат на удобрения на урожайность кормовых культур в различных для производства кормов условиях. Выявлены кормовые культуры, которые обеспечивают наибольшую прибавку урожайности при внесении удобрений в годы с неблагоприятными условиями.

***Ключевые слова**: урожайность кормовых культур; устойчивость кормопроизводства; благоприятность экономических и погодных условий.*

***

Нормальная работа животноводческих предприятий, обеспечение высокого уровня экономической эффективности отрасли животноводства во многом зависят от устойчивости кормопроизводства, что связано с получением стабильных урожаев кормовых культур, снижения влияния на них экономических и погодных условий.

Для повышения устойчивости кормопроизводства необходимо:

- снизить колебания продуктивности кормовой площади;
- увеличить продуктивность кормовых, зернофуражных культур, а также естественных кормовых угодий за счет рационального использования имеющихся в распоряжении сельскохозяйственных предприятий ресурсов;
- сократить потери при хранении резервных фондов кормов.

Решить первую проблему, как показали наши исследования, в некоторой степени можно за счет совершенствования структуры кормовых посевов, использования определенного набора кормовых и зернофуражных культур, правильной эксплуатацией естественных сенокосов и пастбищ, что является важным средством стабилизации кормопроизводства и всего сельского хозяйства.

Повышение урожайности кормовых культур достигается, как правило, через совершенствование систем земледелия при одновременном использовании всех ее составляющих (использование удобрений, севообороты, своевременная обработка почвы, защита растений от сорняков, болезней и вредителей и т. д.).

Рациональное использование севооборота (т. е. чередования отдельных культур, образующих замкнутый цикл) обеспечивает более полное использование основных элементов питания, содержащихся в удобрениях, растениями и увеличение плодородия почвы. Отметим, что при правильном разделении севооборотов по своему назначению необходимо учитывать, что для снижения автотранспортных расходов поля севооборота для получения кормов, используемых в зимний период, необходимо размещать ближе к местам закладки сенажа, силоса, корнеплодов. Поля севооборота для дополнительной подкормки сельскохозяйственных животных зелеными кормами в пастбищный период, наоборот, располагать возле мест летнего размещения скота.

Основа развития животноводства – устойчивая кормовая база, достигаемая за счет повышения устойчивости кормопроизводства и созданием резервных фондов кормов. По нашему мнению, полностью нивелировать влияние погодных и экономических факторов на урожайность кормовых культур в ближайшей перспективе невозможно. Поэтому необходимо создавать определенные страховые запасы кормов. При этом нецелесообразно использовать общие нормативы при определении резервных фондов кормов, так как их объемы зависят от уровня колебаний урожайности

кормовых культур. Следовательно, для каждого сельскохозяйственного предприятия необходимо определять свои оптимальные нормы, образующие резервные фонды кормов. Если они ниже этой нормы, то образуется недостаток кормов, а если выше, то корма используются нерационально, поскольку увеличатся затраты на их хранение и потери питательных веществ.

Кормопроизводство является основой достижения стабильного производства продукции животноводства и обеспечения населения необходимыми продуктами питания. Повышение устойчивости производства кормов способствует достижению указанной цели. Существенное влияние на урожайность кормовых культур и устойчивость производства кормов в современных условиях оказывают минеральные удобрения. Использование дополнительных подкормок кормовых культур минеральными удобрениями в неурожайные годы позволяет снизить недостаток кормов. Проанализируем влияние затрат на удобрения на урожайность кормовых и зернофуражных культур в неблагоприятных для производства кормов условиях.

Для этой цели проведем группировку сельскохозяйственных предприятий Курской области, занимающихся производством кормов, по уровню затрат на удобрения в расчете на 1 га кормовой площади. Совокупность хозяйств разделена на 3 большие группы, для каждой из которых определена урожайность кормовых и зернофуражных культур в неблагоприятных, близких к нормальным и благоприятных условиях производства. Результаты проведенных расчетов представлены в таблице.

Результаты расчетов свидетельствуют о том, что в неблагоприятных условиях в группе хозяйств с большими затратами на удобрения, вносимыми на 1 га кормовой площади, урожайность яровых зерновых на 6,5 ц/га, сена многолетних трав на 5,6 ц/га, зеленой массы однолетних трав на 35,8 ц/га, а зеленой массы кукурузы на 59,9 ц/га выше, чем в группе хозяйств с низкими затратами на удобрения. Это несколько ниже, чем разница в урожайности рассматриваемых групп в благоприятных условиях, однако значение прибавки урожайности в неблагоприятных условиях значительно выше (табл.1).

Таблица 1.

Урожайность кормовых культур при разном уровне затрат на удобрения в сельскохозяйственных предприятиях Курской области

Показатели	Группы хозяйств по затратам на удобрения, вносимые на 1 га кормовой площади, руб.		
	I (до 300)	II (300-600)	III свыше 600
Урожайность в неблагоприятных условиях, ц/га:			
яровых зерновых	11,4	14,1	17,9
сена многолетних трав	9,3	10,6	14,9
зеленой массы однолетних трав	53,5	67,3	89,3
зеленой массы кукурузы	107,1	124,7	167,0
Урожайность в условиях, близких к нормальным, ц/га:			
яровых зерновых	18,9	19,9	25,2
сена многолетних трав	10,5	11,4	17,4
зеленой массы однолетних трав	61,9	65,7	104,5
зеленой массы кукурузы	120,7	142,4	185,7
Урожайность в благоприятных условиях, ц/га:			
яровых зерновых	23,4	27,1	30,8
сена многолетних трав	14,4	17,0	20,5
зеленой массы однолетних трав	65,8	79,4	117,0
зеленой массы кукурузы	171,1	183,6	199,1

Зависимость урожайности кормовых и зернофуражных культур в неблагоприятных условиях от затрат на удобрения мы оценили с помощью корреляционно-регрессионного анализа по материалам совокупности сельскохозяйствен-

ных предприятий Курской области, занимающихся производством кормов.

Проведенные расчеты показали, что зависимость между затратами на удобрения и урожайностью большинства кормовых и зернофуражных культур в неблагоприятных условиях имеет среднюю тесноту связи. Наиболее высокую прибавку урожайности в неблагоприятных условиях обеспечивают многолетние и однолетние травы на зеленую массу, наименьшую – зернобобовые культуры и кукуруза на зерно. Следовательно, в неблагоприятных условиях внесение дополнительных удобрений наиболее целесообразно под сеяные травы на зеленый корм.

Компенсировать недостаток кормов в годы с неблагоприятными условиями можно и за счет резервных фондов. Однако длительное хранение кормов приводит к возрастанию потерь питательных веществ. Уменьшение этих потерь позволило бы при тех же площадях и урожайности увеличить кормовые ресурсы, что будет способствовать повышению эффективности кормопроизводства. Изучение справочной литературы показало, что наименьшие потери кормовой ценности отмечаются при длительном хранении сенажа. Поэтому страховые запасы целесообразно формировать в основном за счет данного корма.

Правильное решение проблемы повышения устойчивости кормопроизводства должно быть осуществлено при совместном рассмотрении и экономической оценке всех возможных путей. Только так можно осуществить обоснованный выбор того или иного направления или их сочетания с целью повышения устойчивости кормопроизводства.

Для определения целесообразности того или иного метода или их сочетания необходимо сопоставить затраты на прибавку урожайности кормовых и зернофуражных культур от внесения дополнительных удобрений в неурожайных условиях и потери кормов при хранении резервных фондов.

Исследования показали, что дополнительные затраты на удобрения для повышения урожайности кормовых культур в неблагоприятных условиях выше, чем потери при хранении резервных фондов кормов, выраженные в стоимостной оценке. По сену из многолетних трав превышение затрат на удобрения составило в 2,5 раза, сену из однолетних трав – в 1,7 раза, по сенажу из сеяных трав – в 2,2 раза, силосу из кукурузы – в 1,8 раза. Следовательно, создание резервных фондов кормов, предназначенных для кормления сельскохозяйственных животных в зимний период, экономически более оправдано, чем восполнение недостатка кормов за счет дополнительных подкормок кормовых культур минеральными удобрениями в неблагоприятных условиях.

Список литературы:

1. Векленко, В.И. Основные факторы эффективности кормовой базы молочного скотоводства в Курской области / В.И. Векленко, Н.С. Прусов, Е.Н. Ноздрачева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2013. – №3. – С. 10–13.

2. Векленко, Е.В. Организационно-экономические меры повышения эффективности производства кукурузы на силос и зеленый корм / Е.В. Векленко, Е.Ю. Каблучков //Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2014. – №4. – С. 35–37.

3. Михайлов, О.В. Капитализация финансовых ресурсов в основные средства сельскохозяйственных предприятий Курской области / О.В. Михайлов, В.И. Гуров, Л.М. Фомичева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2013. – №2. – С. 19-21.

4. Рудых, А.С. Повышение экономической эффективности и устойчивости кормопроизводства: Автореф. дис. … к-та эк. наук. – Курск, 2010. – 24 с.

A.S. Rudykh, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: a.s.rudykh@mail.ru)

GROWTH IN SUSTAINABILITY OF FODDER PRODUCTION AT AGRICULTURAL ENTERPRISES OF KURSK REGION

The article analyzes the impact of the cost of fertilizer on forage crops productivity under different production conditions. Forage crops, which provide the greatest increase in productivitywith fertilizer application in years with unfavorable conditions are defined.

***Key words**: forage crops productivity; sustainable fodder production; favorable economic and weather conditions.*

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

УДК 340.1

А.И. Хорошильцев, кандидат юридических наук**,** доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (г. Курск) (e-mail: hor@kursknet.ru)

ВЛАСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Автор статьи показывает, что власть является объектом юридического познания, а ее концепты важны для исследования права. Высказывается идея о необходимости формирования юридической теории власти и юридической кратологии как системы знаний о власти в ее связанности с правом.

Ключевые слова: *власть, право, концепты власти, юридический континуум, юридическое познание.*

***

Современная юридическая наука находится в состоянии поиска мировоззренческих и методологических ориентиров. В связи с этим важно обратить внимание на концепты власти как на инструменты юридического познания. Такая роль названых концептов вытекает из антиномического отношения права и власти [5], о котором в свое время говорил Б.П. Вышеславцев[1] и которое служит отражением юридического континуума свободы. [6]. Само же антиномическое отношение права и власти предполагает их противоположность и вместе с тем целостность функционирования, из чего вытекает взаимная методологическая значимость концептов права и власти.

Юридическое познание предполагает узнавание власти с помощью понятия права и узнавание права посредством концепта власти. При этом концепт права служит системообразующим фактором для методологии познания власти, а концепт власти – для методологии познания права. В тоже время способ использования концептов власти аналогичен способу применения концептов права в юридическом методе познания, о котором академик В.С. Нерсесянц писал: «Юридический метод является способом юридического познания и выражения действительности, исходящим из понятия права. Специфика юридического метода состоит в том, что это, по своему познавательному смыслу и природе, – понятийно-правовой метод, способ правового моделирования познаваемой действительности, способ познания действительности с позиций и в границах понятия права…Юридическому методу присущ правовой взгляд на мир, правовое видение действительности… Формулой юридического мира является понятие права». [2, 65]

Иными словами, этот способ познания предполагает видение мира через призму и в границах понятия права.

Аналогичный способ познания применяется юридической наукой и в целях правопонимания. Но инструментами в этих случаях служат не понятия права, которые оказываются еще не сформулированными, а концепты власти. Исследователи «обнаруживают» право, используя понятия власти в качестве инструмента познания. В этих условиях

понимание права зависит от понимания власти. Данную зависимость можно проследить на примере основных школ правопонимания.

Естественная (философская) школа, как известно, исходит из того, что право присуще человеку в силу его природы. Такое видение права открывается через призму понятия естественной власти, т.е. власти природы в самом человеке и в отношениях между людьми. Осознавая свою власть, ее приделы человек обнаруживает свое естественное право, в объемах которого он волен проявлять активность. Социологическая школа правопонимания формируется под влиянием концепта социальной власти. Здесь правом служат те общественные отношения, которые проявляют социальную власть, т.е. власть, функционирующую в обществе. Наиболее ярко зависимость понимания права от концепта власти видится в позитивизме. Позитивное понимание права связано с концептом государственной власти. Здесь границы права очерчены понятием государственной власти. Право – это закон, а закон – это установление власти. Юридическое видение права посредством понятия закона – это его видение через призму понятия государственной власти, которая создает закон и обеспечивает его реализацию. Государство и его власть формируют свое право как закон, предлагая обществу юридическое видение мира посредством этого инструмента. Право в его позитивном понимании «обременено» понятием государственной власти. Право здесь видится только как продукт государственной власти. Позитивизм «одевает» право в «одежды» государства и государственной власти, скрывая при этом от исследователей его нагую суть и придавая ему иной статус. В этом случае на пути юридического познания всегда будут стоять понятия государства и власти, государственной власти. Не случайно классовая теория рассматривает право как волю господствующего класса, как его власть, возведенную в закон. Для того чтобы в законе «рассмотреть» право с него надо снять «одежды» государства и государственной власти, необходимо обнажить его. В сфере познания путь для этого один – надо понять власть, государственную власть и само государство. В ином случае, то есть в случае, когда рассматривается само позитивное право с его атрибутами и права, и власти, мы должны по отношению к нему применять видение мира не только посредством понятия права, но и посредством понятия власти, государственной власти. Именно так видел право в интересуемом нас контексте В.С. Нерсесянц, который отмечал, что «искомой истиной и предметом юридической науки является право как закон, как принцип и правило должного порядка действительности (или, что то же самое, – правопорядок действительности, правовая действительность)».[2, 65].

Применение концептов власти в юридическом познании права имеет и практическое значение. Носители разных видов власти ориентированы на различные виды права. Законодатель как творец позитивного права в большей степени ориентирован на право естественное, в котором он находит потенциалы для формулирования позитивно-правовых конструкций. Правоприменитель жестко «связан» нормами позитивного права, а для граждан в их повседневной жизни важно право, которое реально осуществляется в отношениях между людьми.

В качестве выводов сформулируем следующие суждения:

1. концепты власти так же важны и необходимы для юридического познания, как и концепты права;
2. право познается посредством знаний о власти, а власть – посредством знаний о праве;
3. юридическая действительность открывается посредством знаний о праве, власти и целостности их функционирования как юридического континуума свободы.

Из этих сформулированных суждений напрашивается еще один, не менее, а, может быть, и более значимый вывод: власть представляет собой такой же по своей значимости объект юридиче-

ского познания, как и право. А это, в свою очередь предполагает формирование и юридической теории власти и юридической кратологии как системы знаний о власти в ее связанности с правом. [7]. Попутно следует отметить, что в современной отечественной науке усилиями, прежде всего, В.Ф. Халипова[3;4] заложены основы общей кратологии, как науки о власти и данное обстоятельство внушает дополнительный оптимизм по поводу перспектив формирования не только общей, но и юридической кратологий.

Список литературы:

1.Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения / Б.П. Вышеславцев. М.: Астрель, 2006. – 1037 с.

2.Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М.:Норма, Инфра-М, 1998. – 288 с.

3. Халипов В.Ф. Основы кратологии. М.: Луч, 1995. – 304 с.

4. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: Учебное пособие. – М.: Ось-89, 2002. – 448 с.

5. Хорошильцев А.И. Антиномия и антиномическое отношение права и власти // Журнал «Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2011. №2. С. 98-103.

6.Хорошильцев А.И. Юридический континуум свободы: понятие и общая характеристика // Юристъправоведъ. №2, 2010 г. С. 68-71.

7.ХорошильцевА.И. Юридическаякратология: теоретические основы. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 512 с.

A.I.Khoroshiltsev, Regional Open Social Institute, Department of State Law, Associate Professor, Ph.D. in Law (Kursk) (hor@kursknet.ru)

POWER AS METHODOIOGICAL CONCEPT OF LEGAL COGNITION

The author believes that power is the subject of legal knowledge, and its concepts are important for the study of law. There is an idea about the necessity of legal theory and legal kratologia as a system of knowledge about power in its association with law.

Key words: *power, right, power, legal concepts of continuum, legal knowledge.*

УДК 347.9

В.Н.Сафонов, д-р юрид. наук, профессор, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: vnsafonov@gmail.com)

О СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН (МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ ПОДХОДЫ)

В статье анализируются гарантии и способы защиты социально-экономических прав, прежде всего, судебной защиты на основе международного опыта и российской действительности.
Ключевые слова: *судебная защита, социально-экономические права граждан, юридические гарантии, судебная практика в зарубежных странах, конституционная обязанность государства.*

***

В науке нерешенным остается вопрос о социально-экономических правах граждан (право на социальное обеспечение и на участие в системе социального страхования, право на пенсию, право на образование, на услуги здравоохранения и др.), и, прежде всего, о судебной защите этих прав на основании прямого действия конституционных норм. Ставится под сомнение конституционная сущность прав, их равенство по юридической силе с личными (гражданскими) правами. Можно ли требовать в судебном порядке от органов государства социальных мер, или это прерогатива политических сил, находящихся у власти?

Всякое субъективное право имеет социальную ценность лишь постольку, поскольку его можно реализовать и защитить (потому оно и право). Обязано ли государство принять меры по обеспечению «достаточного и достойного уровня жизни и свободного развития человека»?[1,с.367]. Соответствует ли это общемировой конституционной традиции?[2,с.392-393].

Целью данной статьи является анализ гарантий и способов защиты социально-экономических прав, прежде всего, судебной защиты. В системе гарантий наиболее эффективным средством считается защита в судебном порядке – право гражданина, индивида на судебное обжалование.

Понимание природы социально-экономических прав не нашло вполне законченного формулирования в правовых системах. Рассматриваемые права в соответствии со старой либеральной традицией являются «негативными правами естественно-правового происхождения», обеспеченными конституционными судебными гарантиями в форме запрета государственного вмешательства и запрета отчуждения этих прав. В первую очередь это относится к праву собственности.

Противники социальных прав часто приходят к выводу о «второстепенном», неподлинном характере таких прав. Эти авторы утверждают, что это не права, а притязания на часть «чужого имущества», которое получатели пособий получают в результате перераспределения и изъятия не своих доходов. По их мнению, эти права противоречат основным принципам права, поскольку нарушают юридическое равенство, принципы правовой справедливости и свободы. Изъятие части доходов более обеспеченных слоев, есть изъятие собственности, что нарушает основное право на свободную предпринимательскую деятельность, на экономическую свободу. Исходя из этого, по мысли противников социальных прав и социального государства, эти права не могут быть обеспечены судебной защитой в качестве основных (фундаментальных) конституционных прав. Это означает, что «они не пользуются судебной защитой»[3.с.135]. Такие права мыслимы, с точки зрения оппонентов социальных прав[4,с.7], не в качестве субъективных прав, а в качестве стандартов, установленных законодателем исходя из имеющихся ресурсов. Следовательно, и в суде они могут быть

защищены исключительно на основе конкретной нормы, примененной к индивидуальному субъекту, получателю конкретного пособия. Для защиты большой группы, всех пенсионеров, конституционные положения в суде применены быть не могут, поскольку повышение размера пенсии относится к полномочиям правительства. Следовательно, право на пенсию не относится к группе основных конституционных прав, конституционно обеспеченных судебной защитой.

Сторонники признания социально-экономических прав в качестве основных прав отмечают, что эти права подлежат судебной защите на основании конституционной обязанности органов власти. Отечественные авторы отмечают[5,с.173], что положение статьи 18 Конституции России о непосредственном действии прав человека распространяется на все без исключения конституционные права. Для обеспечения социальных прав государство не может и не должно воздерживаться от вмешательства в отношения собственности. Реализация этих прав решающим образом зависит от государства. Следует учитывать, что в России социальные права традиционно обладают повышенной ценностью, и людей больше волнуют вопросы заработной платы, пенсий, пособий, безработицы и жилья. Такое понимание социальных прав предполагает закрепление за государством корреспондирующих им юридических обязанностей[19]. Отсюда и главный тезис сторонников «позитивной» концепции социально-экономических прав граждан – это конституционная обязанность государства. В Конституции РФ содержится перечень социальных прав и закреплен принципы прямого действия конституционных норм, судебной защиты провозглашенных прав и свобод[6,с.445].

Знакомство с международным опытом показывает, что для США и европейских стран характерно различное отношение к социально-экономическим правам. Взгляды в духе правового либерализма и отрицания конституционного значения социально-экономических прав граждан в большей степени распространены в праве США [15, с.208]. Социально-экономические права граждан в США не являются прямо закрепленными в Конституции США. Их развитию и легитимации способствовала правотворческая деятельность судей Верховного суда США. К социально-экономическим правам традиционно относятся: право на образование, здравоохранение, социальные услуги, трудовые права.

Американские юристы именуют эти права не конституционными правами, а «правами на основе закона», «права, указанные в законе» (entitledrights). Однако Верховный суд США по вопросу о конституционности этих прав занимал неоднозначную позицию.

С конца XIX по начало XX вв. формула надлежащей процедуры использовалась Судом в основном для защиты права собственности, действуя в ущерб другим правам граждан. Однако в 60–70-х гг. XX века положение о надлежащей процедуре применялось Верховным судом США и для защиты прав получателей социальных пособий, определяя эту категорию граждан как обладателей специфической собственности.

Американский суд с 1970 года признал право на судебную защиту получателей социальных пособий. Суд восстановил нарушенное право (на пособие) не только на основании нарушения закона, но и на основании нарушения связанных с ним прав на жизнь, собственность и свободу[7]. Тем самым Верховный суд США склонялся к концепции неделимости всех видов прав и незыблемости права на судебную защиту.

Одним из сторонников Ф. Рузвельта по вопросу конституционного обоснования социально-экономических прав граждан был Ф. Франкфуртер. При его участии принимались ключевые решения Верховного суда США в период председательствования Э. Уоррена. Американский автор Р. Кортнер, в исследовании, посвященном клаузуле надлежащей процедуре оценивает взгляды Ф. Франкфуртера следующим образом [21,p.6].

Ф. Франкфуртер полагал, что Конституция США регулирует вопросы взаимоотношений, в которых одной стороной выступает федеральное правительство. Это могут быть отношения между федеральным правительством и гражданином, между конституцией штата и федеральной конституцией. Ф. Франкфуртер не конструировал новое доктринальное основание для конкретного вида прав, однако считал, что клаузула о надлежащей процедуре имеет самостоятельную юрисдикцию.

Данная позиция создавала основу для активного вмешательства федерации в компетенцию правительства штатов, используя прецедентное право. Такая точка зрения связывала надлежащую процедуру с реализацией социального законодательства, формируя возможность легитимации новых прав.

Судья Верховного суда США У. Бреннан видел иной путь конституционной легитимации социального законодательства. Защиту социально-экономических прав можно обеспечить путем инкорпорации положений федеральной конституции в конституционное право (и в правовые системы) штатов. В силу верховенства американской федеральной Конституции, инкорпорация (проецирование, распространение на право штатов, включение в право штатов) прав, свобод, положений о равной защите законом и надлежащей правовой процедуре из Конституции США в право штатов не ослабляет, а напротив, усиливает федерацию, обеспечивает сохранение и развитие американских свобод[21,p.300].

Бреннан строил свои убеждения на идеях Мэдисона, утверждая, что тот в свое время выступал за применение положений текста Конституции США в правовой системе штатов.

Подход Бреннана, с 1962 г. стал основой реализации доктрины надлежащей процедуры: регулирование внутриштатных вопросов происходило через применение выборочных положений Билля о правах, в том числе применялось положение и о надлежащей процедуре. Такая концепция получила название «селективный инкорпоративизм»[20,p.419].

Позиция Бреннана не была однозначным ориентиром для развития права. Суд разделился на два блока: «инкорпоративистов» и «антикорпоративистов». Инкорпоративисты считали, что права и свободы граждан регулируются текстом Конституции США, который не может быть предметом свободного толкования, экспериментирования. К концу 50-х гг. к блоку инкорпоративистов присоединился Э. Уоррен, который отказывался от инкорпорации XIV поправки в правовые системы.

Несмотря на влияние Э. Уоррена, позиция «антикорпоративистов», которую разделяло половина состава Суда (4 из 9 судей при двух неопределившихся) продолжала играть значимую роль в развитии американского права.

В 1960–70-х гг. в реализации надлежащей процедуры в сфере социально-экономических прав преобладал подход, именуемый как сочетание взаимной исключительности и возможности сочетания функций в отношении инспекционных полномочий. Это означает дополнение подхода выборочной исключительности новым способом регулирования социальной сферы – совпадением полномочий штатов и федерального правительства (кооперативный федерализм)[20,p.151].

Если ранее центральное правительство и штаты имели свои инспекционные полномочия взаимно признаваемые, то после периода «Нового курса» допускалось взаимное присвоение полномочий друг друга. Хотя в большинстве случаев в сферу действия другой стороны вторгалось федеральное правительство, а не штаты.

Оценка правотворческой деятельности Верховного суда США в сфере развития социально-экономических прав граждан в 1930–70-х гг. показывает эффективность и целесообразность использования конструкции надлежащей правовой процедуры. Одним из решений, демонстрирующих подобного рода эф-

фективность, является решение по делу Goldbergv. Kelly (1970 г.)[22]. Оно признается «революционным» в американской юридической литературе, «основополагающим» с позиции применения формулы надлежащей правовой процедуры к новым правам, в частности к праву на социальное благосостояние.

Начиная со времени правления Ф. Рузвельта, Суд рассматривал социальные пособия различных видов как пособия, которое можно ограничить или отменить, поскольку оно имеет статус не права, а «привилегии».

Верховный суд США в решении по делу Goldbergv. Kelly (1970 г.) вопреки данному подходу постановил, что получатель, в случае досрочного прекращения органом социальной защиты выплаты пособий, имеет право обращаться в суд за защитой нарушенных прав, и суд обязан рассмотреть такое обращение в соответствие с установленной процедурой. До этого решения считалось, что суд должен рассматривать дело только в случае явной «дискриминации», когда нарушена клаузула о равной защите законом. Настоящим решением на основе доктрины надлежащей процедуры была установлена конституционность права на обращение в суд по вопросу не соблюдения органом исполнительной власти обязанности обеспечивать пособиями соответствующие категории граждан.

Данное решение наглядно демонстрирует позицию Суда в сфере защиты социально-экономических прав граждан, показывает возможность судебной защиты этих прав через их косвенное признание как конституционных и фундаментальных.

Обосновывая свое решение, Суд применил аналогию между правом на жизнь и на собственность и правом на получаемый доход в виде социальных выплат. Лишение соответствующего социального пособия без судебного разбирательства в надлежащем порядке тождественно лишению жизни, поскольку данное пособие обеспечивает существование человека[22].

После прецедента «Goldbergv. Kelly» суды использовали сходную аргументацию для обоснования судебной защиты социально-экономических прав граждан США. Защищались права, производные от права на жизнь – право на выживание, право на существование. Тем не менее, Суд окончательно не признал прямо такие права в качестве конституционных.

Правовое обоснование решения по этому делу сводилось к тому, что конституционным, фундаментальным право на получение пособий можно считать только в том, случае, если исполнительные органы внезапно прекратили его выплату, т.е. фактически лишили граждан источника существования, создавая, таким образом, угрозу для жизни. С этой точки зрения пособие можно считать как жизненно необходимое, а право на получение пособия – это право на жизнь и на собственность. Аргументы меньшинства судей, входящих в состав Верховного суда США, о том, что Суд не полномочен вмешиваться в полномочия Конгресса по регулированию социальной сферы, не нашли поддержки и были отвергнуты. Представители большинства отстояли позицию того, что пособие дает возможность сохранить и защитить право на жизнь, жизненное существование через пособие по вспомоществованию для бедняков – основной источник поддержания жизни.

Дело Goldbergv. Kelly не завершает этап легитимации социальных прав. Суд сохранил за собой возможность менять акценты и приоритеты данного толкования. В период «неоконсервативного наступления» линия, выработанная Судом по указанному делу, неоднократно ставилась под сомнение. Однако окончательно отвергнуть ее, лишив тем самым получателей пособий права на судебную защиту своих прав и интересов, Суд не мог, так же как и федеральная власть не решилась на кардинальный пересмотр всей системы социального страхования.

И в Федеративной Республике Германии конституционные формулировки не позволяют говорить о призна-

нии социально-экономических прав в качестве фундаментальных. Однако подход к социальным правам здесь иной. В этой стране утвердился подход, согласно которому конституционный принцип социального государства "заставляет толковать право на социальное обеспечение таким образом, что субъект социального обеспечения (федеральный центр и земли) должен осуществить данную правовую обязанность»[8, с.113]. Такая концепция социальных прав сводится к тому, что их реализация является конституционной обязанностью государства. Следовательно, можно говорить об обеспеченности прав судебной защитой на основании отраслевых законов и о конституционной ответственности государственных субъектов принимать необходимые меры.

Государство не только в Германии, но и в России через законодательство, административную и судебную практику должно обеспечивать защиту социальных прав [17, с.173]. С позиций юридического позитивизма такой подход к правам соответствует пониманию конституционализма и основывается на бесспорном признании конституционной обязанности государства принять соответствующие законы. Всякое субъективное право имеет социальную ценность лишь постольку, поскольку его можно реализовать и защитить (потому оно и право).

Но практическое осуществление принципа социального государства в РФ сталкивается с серьезными препятствиями. Лишь частично они связанны с недостатком ресурсов и отсутствием политической воли, особенностями государственно-политического режима. Существует точка зрения, что эти права не поддаются точному правовому определению и, следовательно, не порождают прямых обязанностей государства по их обеспечению. Законодатель формулирует соответствующие установления крайне абстрактно, оставляя исполнительной власти возможность внесения изменений социальных обязательств государства[16,с.36]. В свою очередь, из этого проистекает проблема эффективности судебной защиты этих прав.

Решение задачи реального воплощения принципа социального государства и обеспечения судебной защитой социальных прав зависит среди других причин и от теоретической разработки проблемы социально-экономических прав и способов их защиты. Отсутствие теоретической ясности в трактовке социальных прав, их роли и месте в системе российского конституционализма остается серьезной проблемой.

Каковы способы решения проблемы судебных гарантий социально-экономических прав граждан по Конституции РФ в которой сделан акцент на правах и свободах естественного происхождения? [6]

В соответствии с новой доктринально-теоретической трактовкой социально-экономических прав в трудах Е.А. Лукашевой, Н.С. Бондаря и Н.В. Колотовой [9,с.271] и других авторов сформулированы основные положения новой концепции. Е.А. Лукашева обозначила ее как» естественно-правовой подход», как концепцию «позитивизации естественных прав»[10,с.134], а Н.С. Бондарь, как соединение «социально-политических и юридических начал конституционализма»[11,с.544.]. Авторы приводят ряд тезисов.

Во-первых, природа этих прав отличается двойственностью, следовательно, их защита должна осуществляться как защита прав естественного происхождения (что соответствует их конституционно-правововому содержанию), и как защита позитивно закрепленных прав (в законодательстве в соответствии с Конституцией).

Во-вторых, признание этих прав не означает и не должно привести к ограничению других конституционных прав. На современном этапе социального государства возникла необходимость расширения перечня социальных прав с включением гарантий для широких слоев собственников.

В-третьих, порядок и процедуры судебной защиты должны соответст-

вовать принципам равенства перед законом, равенства всех форм собственности, сочетанию диспозитивных и императивных начал, публичного и частного права.

В-четвертых, большое значение имеет принцип неделимости прав человека, который требует, чтобы социально-экономические права трактовались не только в узком смысле (право, вытекающее из отраслевых нормативных актов, как право на конкретные пособия или на льготы, устанавливаемые в виде исключительно для нуждающихся). Необходимо относится к этим правам в их широком значении, признать их в качестве основных и соответствующих интересам всего общества, соответствующих принципу всеобщего равного применения. Эти права одновременно являются гарантиями на достойную жизнь, на жизнь, свободу и собственность.

По мнению Н.С. Бондаря «Признание социально-экономических прав конституционно равноценными с личными и политическими правами предполагает их судебную защиту, в том числе в рамках конституционного правосудия. Эти права сочетают экономическую свободу и общесоциальные интересы»[11, 544].

Такой подход реализуется Конституционным судом РФ в решениях по ряду вопросов социальной защиты. Они рассматривались Конституционным судом РФ в порядке конкретного, а не абстрактного контроля по жалобам граждан и их объединений. Но и перед Конституционным судом РФ возникают проблемы: поскольку социально-экономические права закреплены в декларативной форме, постольку конституция относит к компетенции не суда, а законодателя решение конкретных вопросов. Следовательно, принцип прямого действия конституции не всегда работает; социальные права, как и в зарубежных странах, осуществляется опосредованно, через систему гарантий, закрепленных в законодательстве.

Осуществление конституционных прав и свобод предполагает для граждан возможность требовать от других лиц и органов действий, соответствующих содержанию реализуемых ими прав. Требование, жалоба, обращение к государственным органам является правомерным и обоснованным, поскольку именно государство должно создавать условия и предоставить необходимые средства для реализации социальных прав.

Актуальным в области защиты прав человека остается вопрос о юридических гарантиях, средствах и механизмах защиты прав и свобод индивида от произвола компетентных (властных) органов и должностных лиц. В этой связи остается актуальной задача защиты рассматриваемого вида прав в рамках гражданского и административного процесса с применением конкретных процедур и видов судопроизводства. В частности, в Европе соответствующие права защищаются в системе административной юстиции [18,228]. В тех случаях, когда несправедливость вытекает из произвольных и дискриминационных действий со стороны государства или иных коллективных субъектов, существуют весомые причины для оспаривания в суде действий исполнительной власти и государственных служащих по реализации положений законодательства.

Основанием защиты социальных прав является признание прямого действия конституционных принципов о равенстве перед законом и доступности судебной защиты для всех.

Однако проблема толкования Конституции дополняется проблемой несовершенства законодательства о социальном обеспечении (а в определенном смысле является и следствием неопределенности конституционных норм). Это проявляется в наличии нечетких и противоречивых положений, которые неоднозначно толкуются в правоприменительной практике. Нередко это приводит к произвольному применению норм и тем самым - к нарушению социальных прав граждан. Такого рода нарушения устраняются с помощью выявления конституционно-правового смысла норм,

определяющих условия реализации права[12,165].

Уровень судебной защиты – основной показатель места судебной власти в обществе, показатель демократизации самого общества. Судебная власть по природе является оппонентом управления, а иногда и законодателю[13,404]. Будучи изначально незаинтересованным, компетентным объективным органом, наделенным принудительной силой, суд отлично приспособлен для механизма снятия общественных противоречий, социальных компромиссов. Из трех ветвей власти судебная – наиболее правовая, а область защиты прав человека оказывается той сферой, где возможности судебной власти выступают наиболее отчетливо.

С проблемой судебной защиты тесно увязывается и принцип защиты доверия, регулирующий отношения государства и граждан. Речь идет о доверии граждан к государству его действиям, которые она оформляет в виде законов, постановлений и реализует через систему специальных институтов и механизмов [14, 414]. Защита доверия выступает как способ ограничения свободы государства в пользу граждан, легитимация принципа ответственности государства за нарушение или несоблюдения прав человека. Государство обязано неуклонно соблюдать установленные законом или иными нормативными актами параметры доверия в случае их невыполнения или нарушения – возмещать нанесенный гражданам моральный и материальный ущерб.

Список литературы:

1.Арановский В.К. Государственное право зарубежных стран. М., 1999.

2.Арановский В.К. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.

3.Конституционное право зарубежных стран. Учебник для вузов / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М., 2009.

4.Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7.

5.Зорькин В.Д. Справедливость и социальные права: проблемы реализации / Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2002. С.8; Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С.173.

6.Конституция РоссийскойФедерации(с внесенными в нее поправками от 30.12.2008)/"Собрание законодательства РФ", 26.01.2009, N 4.

7.Сафонов В.Н. Конституция США и социально-экономические права граждан. М.: Издательство Норма. 2007.

8.Галлиган С. Судебная практика по административному праву. М., 2002.

9.Права человека и правовое социальное государство в России граждан / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма-Инфра-М, 2007.

10.Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002.

11.Бондарь Н.С. Судебный Конституционализм в России. М.: Норма; Инфра-М, 2011.

12.Лившиц. Р.П. Теория права. М., 1994.

13.Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства. СПб.: Издательство «Юридический Центр Пресс». 2003.

14юАбросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М.: Институт права и публичной политики. 2002.

15.Хартия Европейского Союза об основных правах. Комментарий / Под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Юриспруденция, 2001.

16.Гражданин, закон и публичная власть / Под ред. Ю.А.Тихомирова, М.: Норма, 2005.

17.Конституционный принцип социального государства и его применение конституционными судами: сборник

докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2002.

18.Конституционное право: новейшие зарубежные исследования Сб. науч. тр. / Отв. ред Андреева Г.Н. М.:РАН ИНИОН, 2005.

19.Права человека: Итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002.

20.Cases and Materials on Constitutional Law / Comp. D. Crump, E Gressman, D. Day. N.Y.; Matthew Bender, 1998.

21.Cortner R. The Supreme Court and the Second Bill of Rights The 14th Amendment and the Nationalization of Civil Liberties. Madison, 1982.

22.Goldberg v. Kelly, 397 U.S. 254 (1970).

V.N. Safonov , Doctor of Sciences, Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: vnsafonov@gmail.com)

ABOUT JUDICIAL PROTECTION OF SOCIAL AND ECONOMIC RIGHTS OF CITIZENS (INTERNATIONAL EXPERIENCE AND RUSSIAN APPROACHES)

This article analyzes thewarrantyand how to protectsocio-economic rights, above all, judicial protectionbased on international experienceandRussian reality.
Keywords:*legal protection, social and economic rights, legal guarantees, the level of judicial protection, the constitutional obligation of the state.*

УДК 323.2

Бубнов А.Ю., канд. филос. наук, доцент, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова (Москва) (alexandr-bubnov@mail.ru)

ДИСКУРС РИСКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу проблемы риска в формировании идеологических дискурсов политических сил. Рассматриваются трактовки проблемы риска в политической теории, в частности анализируются виды рисков в демократических и автократических режимах. Описывается использование проблемы риска в политической коммуникации, как элемента конструирования идеологических дискурсов, и способа формирования политической повестки власти и оппозиции.
Ключевые слова: *риск, политический риск, политические идеологии, идеологический дискурс, политическая коммуникация.*

***

Общефилосовская и методологическая проблема риска имеет множество выходов и проекций.Проекция проблемы риска на политическую подсистему общества относится к числу важнейших. Здесь смыкаются новые и вечные проблемы общества. Рост знаний, превращение знания в рефлексивную силу, направленно преобразующую настоящее в идеальные проекты будущего, уменьшение спонтанности социальных преобразований под воздействием экспертных систем. И в то же время вечная проблема субъекта принятия решения, разделяющего риск, политической воли толкающей систему из неустойчивости к новому состоянию. Проблема экспертных систем вплетена в ткань традиционного для

политики спора о политических режимах, демократии и диктатуре, методах власти и достижении общественного блага. Целью данной статьи является экспликация, в первом приближении, роли проблемы риска в традиционной для политики сфере власти и управления общественными процессами.

Методология исследования риска в современном обществе, проблемное поле и основные понятия, представлена классическими работами Никласа Лумана и Энтони Гидденса. Н. Луман раскрывая социальный контекст возникновения понятия риск отмечает, что само понятие, отражающее новый взгляд на природу человека и проблему времени, сформировалось по видимому в эпоху Нового времени, вместе с революцией произведённой рационализмом и рождением индивида. «Со времени Бэкона, Локка, Вико растет уверенность, что можно манипулировать отношениями; широко распространено убеждение, что знание о чем-либо и возможность произвести это нечто коррелируют между собой. Эта претензия в известной мере проясняется благодаря понятию риска, а также – поиному – и благодаря только что изобретенному [в ту эпоху] исчислению вероятности» [2, 144].

С самого начала понятие риска несло в себе новое отношение к будущему, в котором власть судьбы и традиции, постепенно заменялась волей, заключённой в решении индивида и вооружённой рациональной калькуляцией последствий этого решения. Те трансформации общества, которые потребовали концептуализации в новом понятии, ознаменовали собой переход от общества традиции (премодена) к модерну. Представление о риске как феномене Нового времени разделяет и Э. Гидденс, который говорит о рождении новых форм деятельности, включающих в себя риск как центральный элемент. Игра на бирже или страхование существенно отличаются от индивидуального риска пуститься в опасное предприятие тем, что они представляют собой институциональный риск, риск как общепризнанную форму деятельности. Рыночная экономика в целом есть явление, основанное на конкуренции, а значит институциональном риске. Развивая представление о риске как одной из основополагающих черт современного общества, Гидденс говорит о «колонизации времени» в эпоху Модерна, подобно «колонизации пространства» начатой эпохой географических открытий [1, 109]. Таким образом, риск может быть только продуктом человеческого решения и проявлением новых ступеней свободы доступных индивиду.

В сфере политики этот переход яснее всего обозначен у Макиавелли. Следуя античным (преимущественно римским, восходящим к Цицерону) традициям, Макиавелли отказывается от средневекового восприятия судьбы и фортуны как слепой силы неподвластной человеку. Так крупнейший знаток творчества Макиавелли Квентин Скиннер отмечает, что тот говорит о Фортуне как о богине и женщине, которую мужчина может покорить своей доблестью (virtu) и дерзостью (даже наглостью). «Эта идея приводит Макиавелли к основному вопросу римских моралистов: что такое мы можем придумать, чтобы соблазнить Фортуну, чтобы она одарила нас своей улыбкой? Он отвечает точно теми словами, к которым прибегал ранее: делает акцент на том, что Фортуна – друг отважных, тех кто «менее осторожен, зато более напорист» [3, 54]. Рассуждая в «Государе» о влиянии Фортуны на деятельность политика Макиавелли предупреждает о переменчивом характере богини, которая так же быстро может охладеть к своему избраннику, как ранее всеми силами помогать ему.

Речь идёт о персонализированной удаче даруемой тому, кто сочетает в себе дерзость и добродетель. Делая дерзкую ставку в политике, принимая рискованное решение, можно обрести власть, но на следующем этапе всего лишиться.

Рассудительность и холодный расчёт государя должны компенсировать переменчивость удачи, без которой всё же нельзя обойтись в большой игре.

Ещё один важный аспект понятия риск, выделяемый как Луманом так и Гидденсом, значимость тех потерь, которые предстоят индивиду. Луман, пытаясь очистить понятие риска от дублирования феноменов, не являющихся формой социальной коммуникации (таких как опасность порождённая причинами фатального характера, например, природные катаклизмы), предлагает считать самую суть риска в следующей зависимости: нельзя приобрести что-либо значимое не рискнув чем-либо важным. Гидденс подчёркивает роковой характер изменений связанных с риском: «Роковые моменты грозят прорвать защитный кокон, обеспечивающий индивиду онтологическую безопасность, поскольку отношение типа «обычное дело», которое так важно для этого кокона, неизбежно разрушается. Это моменты, когда индивид должен пуститься в новое предприятие, зная при этом, что принимаемое решение или выбранный им специфический образ действия имеет необратимый характер …» [1, 110]. Таким образом, можно выделить три характерные особенности феномена и понятия риска: риск как явление и как институциональная деятельность есть продукт эпохи Модерна и следствие рождения индивида; риск возникает там, где человек вступает в область свободы относительно своего будущего и принятия решения; как жертвы, приносимые на алтарь риска, так и его последствия, носят для индивида важный, судьбоносный характер.

Исходя из общих признаков риска, рассмотрим риск как элемент политической практики и как идеологический дискурс управляющий общественными процессами. В современном гуманитарном научном языкедостаточно прочно укоренилось словосочетание политический риск, под которым в большинстве случаев понимается вполне конкретная вещь, а именно риски для бизнеса. Такое ограничение темы риска обычно выводит рассуждения в русло подсчетов возможных коммерческих убытков в связи со страновой нестабильностью, типом коррупции или предсказуемостью-непредсказуемостью политического режима. Экономоцентричный взгляд на проблему политического риска, между тем, оставляет без внимания тот факт, что сфера риска изначально принадлежит самой политике. Разве не рискует избиратель на выборах, или гражданский активист, протестуя против злоупотреблений власти? А сама власть, которая постоянно вынуждена брать на себя ответственность за решения, влияющие на судьбы огромного количества людей, и ставить на кон не только свою репутацию, но и возможно жизнь. Поскольку термин политический риск уже прочно занят экономикой, в противовес ему можно говорить о риске в политике, как особом явлении, обусловленном природой политического.

Политика, политическая деятельность является классическим примером риска решения. Луман вводит важное для понимания сущности риска решения различение риска и опасности: «Различение предполагает (и отличается тем самым от других различений), что существует неуверенность [Unsicherheit] относительно будущего ущерба. Здесь есть две возможности. Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т.е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такового ущерба находятся вовне, т.е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» [2, 150].

Риск в политике это всегда опасность, исходящая от решения, а не от рока. С этим связан весь пласт персонализма, диктатуры и проклятия власти. В самом общем смысле концентрация риска решения в руках персоны или группы порождает авторитаризм, а децентрализация риска решения является

основой демократии, что собственно и выводит нас на проблему экспертного знания в политике. Проблема экспертного знания в политике, неявно, в качестве бэкграунда, присутствует с момента перехода к реалиям общества Модерна. Макиавелли пишет свой трактат «Государь» как обобщение опыта управления динамичным обществом североитальянских республик, подразумевая, что тот кто прочтёт его книгу, преодолеет ошибки предшественников в построении системы централизованной власти.

Демократия как наиболее распространённая форма власти в современных обществах, является институциональной системой «риска избирателей». Избиратель в демократическом государстве берёт на себя функцию определять персональный состав власти, то есть он принимает решение о тех, кто будет принимать решения в отношении его самого. Поскольку в политической науке существует давняя традиция уподоблять политику экономике, а демократию рассматривать как рынок специфических товаров и услуг, природа этого риска не вызывает сомнения. Делая ставки на разные элитные группы, избиратель приобретает товар, качество которого он не может гарантировать. Принятые избранной властью решения могут быть отменены на следующем избирательном цикле, но последствия многих политических решений необратимы и поистине судьбоносны, следовательно, риск входит в базовый, негласный контракт системы демократических выборов. Более того, этот риск видится адептам демократии как неотъемлемое качество проявления свободы выбора, гарантия результатов выборов. При однопартийной системе (как было, допустим, в советской модели), минимизируется риск, а вместе с ним и демократия. Можно утверждать, что право на демократию и есть право на риск.

Однако, если сойти с позиций политической философии в область политической риторики, то понятие политического риска обретает негативные коннотации. Риск в политической полемике становится неизбежным злом, от которого хотят застраховаться. Расхождение в оценке источника такого риска может быть связано с консервативной или либеральной позицией. Так консерваторы видят главным источником риска некомпетентность избирателя, в условиях нарастания информационной сложности современного мира. А выходом элитарную модель демократии, где выбор избирателя ограничен пространством готовых решений. Элитарная модель, описанная в своё время Йозефом Шумпетером, по факту сложилась в большинстве развитых стран. В наиболее явном виде в англо-американской двухпартийной модели, где право гражданина формировать повестку, заменено выбором из двух повесток сформированных элитными группами. Подобная «защита от дурака» снимает риск с массы избирателей и нагружает им элитные группы, сбой в отлаженной системе взаимодействия и взаимного сдерживания которых, ставит политическую систему в катастрофические условия.

Либеральный подход, напротив, видит источник риска демократии в сговоре элит, чей корыстный интерес способен поставить под угрозу общественные интересы. И, следовательно, стремится перенести тяжесть политического решения вниз, к массам, начиная с анархизма и заканчивая теориями «демократии участия».

Таким образом, речь идёт собственно о признании экспертной системой в рамках новоевропейского «общества риска» голосующего обывателя или элитных групп.

Применительно к автократическим моделям можно говорить о полном отрицании массы (общественного мнения), как экспертной системы, о риске власти, как чистом примере решения порожденного единой волей. Здесь тяжесть решения целиком возложены на лидера, и риск зависит только от его

личных качеств. Можно, в этой связи, вспомнить теорию диктатуры Карла Шмита [4].

Шмитт пишет, что особенностью классической диктатуры (римского типа) является желание демоса в критической ситуации (военной угрозы или даже поражения) сосредоточить ответственность за принятие решений в единой инстанции: воле и сознании лидера. Подобная диктатура является защитным механизмом демократии в условиях резкого возрастания рисков. Такая диктатура, будучи по определению временной, слагает с себя полномочия вместе с исчезновением критической угрозы. Шмитт, в связи с этим, говорит об особом типе комиссарской диктатуры. Совсем другого рода диктатура возникает, когда власть обособляется от народа и видит источником своих решений не коллективную волю делегировавшего ей полномочия демоса, а саму себя. Суверенная диктатура или то, что сейчас принято обозначать как авторитарный режим, есть форма власти окончательно и бесповоротно оторванная от народа и взявшая все риски на себя. Слабость такого рода власти была почувствована теоретиками (а затем использована практиками) гражданского сопротивления. В ситуации нестабильности для смены власти достаточно поставить под сомнение способность центра суверенной диктатуры «догнать своих обидчиков» (пользуясь терминологией Элиаса Канетти), изолировав власть давлением извне (иностранных государств заинтересованных в смене режима) и изнутри (правильно организованной массовкой недовольных). Суверенная диктатура, будучи предельно управляемой экспертной системой, оказывается оторванной от источника силы преобразующей решение в новую реальность.

Из осмысления опыта революций, краха традиционной государственности и новой революционной диктатуры, Шмитт выводит свою теорию решения [5]. Только единая личность наделённая правом свободного решения способна учредить новую политическую действительность волевым актом, своим решением утверждая новую правовую систему и те законы которым отныне следует социум. Сама же оставаясь вне созданной реальности, и сохраняя, следовательно, полную свободу действий в отношении неё. Действие в чрезвычайной ситуации не может быть судимо с традиционных правовых позиций, поскольку правовая система в этот момент разрушена. Оправдание диктатуры, которое следует из таких рассуждений крайне спорно, но имеет место в политических дискуссиях. Если обратиться к российской истории XX века, то можно интерпретировать власть большевиков на раннем этапе и позже власть Сталина, как вариант комиссарской диктатуры. Диктатуры, которой была делегирована воля народа (пусть и без формальных процедур) для проведения ускоренной модернизации в преддверии мирового конфликта (что может рассматриваться как растянутая по времени чрезвычайная ситуация). Тоталитарный режим, таким образом, может рассматриваться, как форма комиссарской диктатуры в условиях ускоренной и неорганичной модернизации. Такая точка зрения неприемлема для классического либерала и демократа, но парадоксальным образом используется ими же для оправдания расстрела Борисом Ельциным 3-4 октября 1993 года Верховного совета. Действительно можно считать, что Ельцин действовал в ситуации пата, когда старая система власти была неспособна продолжить реформирование России, а бездействие грозило реваншем прокоммунистических сил и остановкой либеральных реформ.

Таким образом, лидер действует в ситуации риска решения, апеллируя к катастрофическим последствия в будущем, но он же отбирает право на риск у народа. Мы так и не узнаем лучшим или худшим стало бы решение, принятое

посредством демократических процедур. Ангажированность дискурса о диктатуре целиком завязана на содержательную часть тех решений, которые принимаются, и зависит от того чьи интересы воплощает, либералов или консерваторов, реформаторов или реваншистов. Так же очевидна манипулятивная роль дискурса катастрофических последствий в случае принятия или непринятия решений, регулируя градус страха общества перед будущим можно продавливать и оправдывать любые решения. Диктатура в любом случае это шантаж риском. Возвращаясь к демократии как праву народа на риск, важно отметить и другой, несколько парадоксальный ракурс, который стремится нивелировать диктатура. Право на свой традиционный образ жизни, право не изменяться под воздействием угроз, не поддаваться призывам: трансформируйся и выживешь.

Здесь мы подходим к ситуации обозначенной Луманом как наблюдение второго порядка (наблюдение наблюдения). Проблема риска как некая объективная данность по мере освоения общественным сознанием (наблюдатель первого порядка) трансформируется в знание о риске, и для наблюдателя второго порядка (элита) превращается в инструмент управления обществом с помощью дискурсивных стратегий. Иными словами, знание о риске становится фактором, порождающим риски. Если говорить только о дискурсивном использовании риска в политических коммуникациях, то здесь нужно вспомнить о рефлексивных парах, или, прибегая к лумановским категориям, о различении различений, то есть понятиях, которые через свою противоположность высвечивают искомое явление. Луман пишет: «Весьма распространено представление, что понятие риска следует определять как противоположность понятию надежности(Sicherheit)… . В политической риторике это имеет то преимущество, что, высказываясь против слишком рискованных предприятий, можно одновременно продемонстрировать, что именно тебе особенно дорога надежность как общепринятая ценность. А это быстро (слишком быстро) приводит к представлению, будто подлинно здесь именно желание надежности и только при данной ситуации в мире … приходится пускаться на риск» [2, 148]. Дискурс стабильности использует понятие риска, отталкиваясь от него. Это и классическая риторика государственных мужей, столыпинское «им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия», с многочисленными повторами, и пиаровское «коней на переправе не меняют». Надёжность, противостоящая риску, апеллирует к естественному консерватизму обычного человека и может быть в силу этого, как естественным лозунгом политика на выходе из эпохи перемен, когда большинство устало от непредсказуемости будущего, так и оправданием несменяемости бюрократического правления.

Вместе с тем более глубокая политическая мысль говорит нам о том, что есть ситуации, когда за искомую надёжность надо заплатить неизбежным риском. И что только через такой риск рождается подлинная стабильность. Такая форма политической коммуникации была популярна в России в конце 80-х начале 90-х, когда политики убеждали избирателя пожертвовать стабильностью советского образца в пользу стабильности европейской и американской. Говорилось и подразумевалось, что через недолгий период хаоса и неизбежных издержек, страна перейдёт от советской умеренной бедности к потребительскому раю. В тени подобных рассуждений оставалась проблема жертв и потерь такого перехода. Пропагандисты стремились сосредоточиться на противостоянии пустые-полные прилавки, как бы подразумевалось (для широких, неискушённых в политике масс), что вместе с новыми приобретениями капитализма и все остальные достижения советской стабильности останутся (в первую очередь об-

щественные фонды потребления). Таковы по своему духу тогдашние программы перехода к рынку, будь то «500 дней» Явлинского или «шоковая терапия» Гайдара. Жестокий обман постсоветского человека в этом вопросе надолго дискредитировал дискурс «жертвы за стабильность», и сделал господствующей формой коммуникации в 2000-е классическое противопоставление надёжности и риска. Хотя с точки зрения политической метафизики, жертва, которая приносится на алтарь более высокого состояния, необходимое условие. Вместе с уровнем ожидаемого выигрыша, растёт и плата за проход. Так осуществлялась модернизация обществ в Новое время. Так жертвовали ради победы в отечественной войне. От манипуляции на эту тему, от убаюкивающих историй, подлинный исторический риск общности решившейся на прорыв в своё будущее отличает осознанность и целенаправленность усилий.

Оборотной стороной риска решения будет риск отказа от решения (отказ от решения тоже решение). Это проявляется в традиционном для оппозиционной критики дискурсе «упущенных возможностей». Власть, обладая инициативой и имея возможность действовать, всегда уязвима для подобного рода информационных атак, поскольку предпочитает говорить о том, что было сделано. Публикация альтернативного списка из того что не сделано, хотя могло и должно, способно поколебать доверие к дееспособности истеблишмента. Правящая верхушка вынуждена отбиваться, либо проблематизируя предъявляемые оппозицией возможности, либо упреждая обвинения и идя на поводу общественного мнения (в демократических обществах, где власть более связана необходимостью игры с общественным мнением). Луман, в частности, говорит о примерах, когда, риск реальный, первого порядка, может игнорироваться (преуменьшаться или преувеличиваться) ради риска предупреждения. В политике риск не принятия решения политически выше риска прямой угрозы типа природной катастрофы, ибо катастрофу можно оправдать роком, а бездействие власти ничем. При этом риск предупреждения может быть выше исходного риска. Он приводит пример с эвакуацией лапландцев вертолётами от сравнительно эфемерной угрозы (в связи с близостью зоны проведения ракетных экспериментов), притом, что риск падения вертолёта и гибели людей был существенно выше [2, 157].

Если оппозиции удастся сформировать соответствующую повестку, то власть автоматически вынуждена реагировать, даже против своей воли. Речь идёт об опосредованном воздействии на власть, через общественное мнение, что становится возможным в случае формирования идеологического консенсуса в обществе по ряду частных вопросов. Этот способ действия оппозиции существенно более сложен, но и более эффективен, чем лобовая критика. Власть также сама может заиграться с некой повесткой, исключительно в электоральных, предвыборных целях, не учитывая, что эта повестка может вознести к власти на следующем этапе их противников.

Список литературы:

1.Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1994, № 5. С. 107-134.

2.Луман Н. Понятие риска / THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1994, № 5. С. 135-160.

3.Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение. – М.: Астрель, 2009. – 460 с.

4.Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. – 326 с.

5.Шмитт К. Политическая теология. М:. Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.

Bubnov A.Y., Candidate of Sc., Docent, Moscow State Humanitarian University (Moscow) (alexandr-bubnov@mail.ru)

THE RISK DISCOURSE IN POLITICAL IDEOLOGY: THEORETICAL AND COMMUNICATIVE ASPECT

The article is devoted to analysis of the problem of risk in shaping the ideological discourses of political forces. The Author discusses interpretation of risk issues in political theory, in particular analyzes the types of risks in democratic and autocratic regimes. Describes the use of risk issues in political communication, as part of the design of ideological discourses and the ways of formation of the political agenda of the government and the opposition.
***Key words**: risk, political risk, political ideology, ideological discourse, political communication.*

ИСТОРИЯ

УДК 271.2

А.В. Апанасенок, доктор исторических наук, профессор, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail:apanasenok@yandex.ru)
И.С. Пудякова, кандидат географических наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail:ipudyakova@yandex.ru)
Е.С. Апанасенок, аспирант ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail:berezka-87@mail.ru)

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА КУРЯН В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ: XX – НАЧАЛО XXI в.

В статье рассматривается состояние традиционной православной культуры г. Курска на разных этапах истории XX – начала XXI в. Опираясь на архивные данные, авторы анализируют степень приобщенности курян к каноническим православным практикам в разных исторических условиях. В работе делается вывод о том, что процесс постепенного отхода городского населения от церковных устоев начался до революции 1917 г. и был ею скорее ускорен, нежели инициирован. Первая мировая война, Гражданская война, Великая Отечественная война повышали уровень религиозности населения и степень его приобщенности к традиционным православным практикам, однако общий тренд в XX – начале XXI в. оказался связан с постепенным отходом от устоявшейся православной обрядности.

Ключевые слова: *история православия, конфессиональные практики, городская среда, модернизация, государственная политика, статистка*

***

Изучение истории религии в России стало в последние десятилетия достаточно популярным в академической среде. В то же время, многообразие и сложность вопросов, встающих перед исследователями в рамках данной проблематики, определяют значительное количество научных проблем, требующих своего разрешения. Так, общеизвестно, что на протяжении XX в. (и особенно в советский период) ряды православных верующих сильно поредели, практически забытыми оказались многие традиции. Эти процессы изучались исследователями преимущественно в связи с особенностями государственной политики, имевшей с 1917 г. до конца 1980х гг. антирелигиозный характер. Однако, очевидно, что объяснение причин конфессионального упадка, равно как и последующего «ренессанса» религиозных традиций не может сводиться лишь к анализу внутриполитических трендов и факторов идеологии, а требует рассмотрения в более широком ключе, с учетом многообразных факторов общественной модернизации. Исследование по-следних представляется крайне важным как для истории религии (в первую очередь, пра-вославия) в России, так и для понимания принципов функционирования традицион-ной культуры вообще

Адекватное научное отражение эволюции рели-гиозной культуры даже в рамках отдельно взя-того региона – сложная задача, требующая масштабных исследований. Их естественным каркасом могут служить данные о «внешних» проявлениях религиозности населения на раз-ных хро-

нологических отрезках. Эти данные, будучи сопоставляемы, дают возможность судить об основных трендах развития конфессио-нальной культуры. Предлагаемая работа пред-ставляет собой попытку сравнить в самых об-щих чертах особенности религиозной культуры жителей г. Курска - типично-провинциального города центральной России – на разных этапах истории XX – начала XXI в. Авторы опираются на многообразные данные, почерпнутые из до-кументов Курской духовной консистории, кан-целярии Св. Синода, органов исполнительной власти советского и постсоветского периодов.

Отчеты благочинных г. Курска, до 1917 г. еже-годно подававшиеся в Курскую духовную кон-систорию, отчеты курских архиереев в Св. Си-нод, публикации дореволюционных авторов в местной прессе свидетельствуют, что до 1917 г. Курск вполне соответствовал статусу центра традиционно-православного российского ре-гиона. Как впоследствии писал советский функ-ционер, «влияние церковников здесь было сильное. Достаточно напомнить такие факты: традиционное празднование перенесения чудотворной иконы Курско-Коренной /»Знамение»/ во главе с духовенством из Курска в «Коренную пустынь» (м. Свобода в 30 км от Курска) еже-годно привлекало тысячные толпы паломников со всех концов России и особенно из Курской губернии» [5, оп. 2, д. 8, л.61].

В Курске накануне революционных событий 1917 г. было 24 церкви и 2 монастыря [5, оп. 2, д. 8, л.61]. В двух городских благочиннических округах в общей сложности было 48 священнослужителей (при 30 диаконах) [2, оп. 2, д. 542, 573]. Население города накануне Первой мировой войны составляло около 80 тыс. человек, 95 % из которых по статистике составляли православные. То есть, на один православный храм приходилось 3–3,5 тыс., на одного священнослужителя – 1,51,7 тыс. православных горожан. Основная масса жителей так или иначе посещала храмы: лиц, принципиально не ходивших в церковь, судя по отчетам курских архиереев, в начале XX в. насчитывались единицы. Правилом для большинства было еженедельное посещение службы при эпизодических посещениях по будням. Случаев отказов от крещений младенцев в семьях людей, числящихся прихожанами православной церкви, обычно не фиксировалось [12, оп. 442, д. 2158, л. 1229].

Высокий уровень приобщенности к приходским практикам в дореволюционном Курске, впрочем, не означал полного благополучия местной церковной жизни. Еще до революционных событий 1917 г. современниками отмечался некоторый кризис конфессиональных традиций в городской среде. Курские архиереи, говорившие о регулярном посещении богослужений верующими, в начале XX в. были вынуждены отмечать либо формальное отношение, либо постепенный отход образованных слоев общества от церковных устоев: «интеллигенция относится скептически к этим истинам, а в жизни своей редко сообразуется с требованиями религии», − констатировал, например, курский архиепископ в 1906 г. [1, с. 123]. Также архиереям приходилось писать и об ослаблении влияния православных норм на повседневную жизнь горожан вне церкви: в периодике начала XX в. можно встретить ламентации о том, она «складывается обычно помимо пастырского влияния» [1, с, 124]. В качестве примеров клирики называли участившиеся случаи гражданских браков и кратковременных сожительств, открытые супружеские измены «без оглядки на церковь» и т.п. [12, оп. 442, д. 2158, л. 29].

Анализ отчетов благочинных по г. Курску накануне революции 1917 г. дает возможность констатировать определенный конфессиональный подъем.

В одном из таких отчетов (за 1916 г.) говорится: «По отзывам духовенства, храмы Божии, особенно со времени войны, прихожанами посещаются очень усердно и вообще замечается повышение религиоз-

ного настроения паствы» [2, оп. 2, д. 542. л. 1011]. Вероятно, на степени «церковного усердия» прихожан сказались трагические события мировой войны, связанные с гибелью и ранениями огромного количества подданных Российской империи и в том числе курян.

На довольно высоком уровне осталась конфессиональная активность жителей г. Курска и в 1920 г. Соответствующая информация собиралась Окружным ЗАГСом посредством опроса отдельных приходских советов действующих церквей. Например, членыприходского совета курской «градской» Вознесенско-Михайловской церкви сообщали: «Посещаемость храма прихожанами такова: в будничные дни – от 40 человек до 100, в воскресные дни – от 200 до 700 человек, а в двунадесятые и более чтимые праздники – храм бывает переполнен молящимися» [3, оп. 1, д. 341. л. 29]. Относительно курского Знаменского собора поступила такая информация: «Заключивших договор на пользование храмом 5500 чел. Посещающих церковь в будние дни – от 400 до 1000 человек, а в праздничные дни – до 8000 человек» [3, оп. 1, д. 341. л. 30]. Окружной отдел записей актов гражданского состояния выяснил, что в общей сложности семнадцать действующих церквей в Курске регулярно посещают 16800 чел. [3, оп. 1, д. 341. л. 52] (на тот момент в городе проживало 48850 человек [10, с. 148]), а в воскресные и праздничные дни все церкви «переполнены». Иными словами, примерно половина горожан (исключая маленьких детей, глубоких стариков, инвалидов) в 1920 г. ходила в храмы регулярно и подавляющее большинство – по праздникам. Первые послереволюционные годы, таким образом, не отразили предсказанного советской властью упадка религиозности.

Последующий период, как известно, оказался едва ли не самым драматическим в отечественной религиозной истории. Если 1920е гг. ознаменовались постепенно нарастающей атеистической пропагандой и ограничениями деятельности церковных институтов, то время с 1929 по 1941 г. оказалось связано с массовым закрытием храмов и репрессиями против священнослужителей. История этих процессов не является предметом данной работы, однако необходимо отметить, что все действовавшие в г. Курске православные церкви были закрыты в период с 1926 по 1938 гг. человек [5, оп. 5, д. 3, л. 83].

О том, насколько серьезным оказался удар по традиционной конфессиональной культуре, нанесенный довоенной политикой советской власти, а также модернизационными процессами (распространением «индустриальной» культуры, становлением системы советского образования) можно судить по фактам из религиозной жизни курян в 1940х – 1950-х гг. С 1943 г. начался процесс нормализации церковно-государственных отношений, сделавший возможными публичные проявления религиозности. За последними наблюдали местные уполномоченные специальных советов при Совете Министров СССР (Совета по делам Русской православной церкви, Совета по делам религиозных культов). На основании их данных можно получить представление о конфессиональной жизни жителей г. Курска в середине XX в.

Прежде всего, документы курского уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви дают представление о процессе возрождения церковной жизни в г. Курске после репрессий и закрытий храмов довоенного периода. Из них следует, что в период оккупации в городе было открыто одиннадцать православных церквей (две из них были закрыты в 19501951 гг.) [5, оп. 5, д. 3, л. 83]. Священники, работавшие до оккупации в различных гражданских учреждениях и организациях, «в большинстве своем остались на оккупированной территории и явились организаторами открытия церквей и возобновления служб в них»[5, оп. 2, д. 8, л.61]. В последние годы войны и первые послевоенные годы, в условиях либерализации государственной политики в отно-

шении религии плоды военного «ренессанса» оказались более чем очевидны. «В этот период, писал уполномоченный по делам РПЦ, обстановка исключительно благоприятствовала церковникам для широкого распространения своего влияния среди населения. Еще не прошло впечатление от участия церкви в патриотической работе в период войны. Культурно-просветительская работа не была надлежащим образом развернута вследствие того, что война принесла огромное разорение в первую очередь культурно-просветительским учреждениям, которые восстанавливались крайне медленно»[5, оп. 2, д. 8, л.62].

Уполномоченный отмечал, что представителям РПЦ «была предоставлена полная возможность расширять и укреплять свое влияние среди населения» и признавал быстрое восстановление старых церковных устоев: «быстро возрождались такие традиции, имевшие ранее широкое распространение, как например, организация крестных ходов, выходы к водным источникам… Хождение священников по домам в праздничные дни приняло широкие размеры. Ослабление научноатеистической и культурнопросветительской работы среди населения, приводило к тому, что даже среди некоторых слоев комсомольцев и коммунистов имели место факты совершения религиозных обрядов, особенно крещений детей … Этому способствовала и та путаница в головах отдельных товарищей, связанная с нормализацией отношений между церковью и государством, считавших, что раз советское государство допускает открытие церквей, службу в них, допускает соблюдение религиозных обрядов, то, следовательно, ничего особенного нет в том, что известные слоим населения подвержены религиозным предрассудкам»[5, оп. 2, д. 8, л.6364].

В 1945 г. в течение шести дней в г. Курске де-монстрировался фильм «Поместный Собор Русской Православной церкви». По справке, наведенной партийными функционерами у директора кинотеатра, предполагалось показывать этот фильм всего три дня, но ввиду большого количества посетителей показ пришлось продлить еще на три дня. В справке на имя секретаря курского горкома КПСС говорится: «Верующие были очень рады, что им пришлось посетить этот фильм»[5, оп. 1. д. 2, л.39].

По 1945 г. имеется интересная статистика, предоставленная в органы исполнительной власти благочинными города относительно совершенных в церквях за период январьапрель крещений, похорон и венчаний. Оказалось,

что из 512 родившихся младенцев было крещено 200, то есть 39%, из 631 умерших было похоронено по церковному обряду 178, то есть 28,2 %, из 185 пожениившихся пар венчалось в церкви 9, или 4,8% [5, оп. 1. д. 2, л. 40]. Вполне возможно, что эти данные занижены (такое практиковалось священнослужителями, чтобы не «раздражать» власть, а заодно и не показывать всех доходов).

Характеризуя ситуацию в 1951 г., уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви писал: «Во всех городских церквах службы проводятся в субботу вечером, в воскресенье утром, в воскресенье вечером и в большие церковные праздники и не во всех церквах проводятся ежедневные службы. Так например, в Николаевской церкви в г.Курске, в Михайловской, в Троицкой (две последние церкви расположены около городских базаров), в Вознесенской, в Всехсвятской и Никитской церквах (на кладбищах) церковные службы бывают ежедневно, если считать заказные обедни, молебны и панихиды. Но эти службы, кроме воскресных и праздничных дней, не привлекают много людей. В Успенской церкви в г.Курске, в Введенской и в Кафедральном соборе службы ежедневно не проводятся, но и не ограничиваются только воскресными и праздничными днями, а проводятся по 3-4 раза в неделю, а иногда и по 4-5 раз в неделю»[5, оп. 2, д. 8, л.67]. Значительная посещаемость храмов отражалась и на их

благосостоянии: тот же чиновник отмечал, что «доходы церквей позволяют тратить большие средства на ремонт зданий, оказывать денежную помощь духовенству и т.п.»[5, оп. 2, д. 8, л.69].

В 1954 г. в Курске было 9 действующих православных храмов, в которых служили 21 священник и 9 диаконов [Ф.5027, Оп. 5.Д. 3, Л. 77] . Население г. Курска в этот момент составляло около 170 тыс. человек. На один храм приходилось почти 19 тыс. горожан, на одного священнослужителя – около 8 тыс. горожан, то есть относительные показатели «обеспеченности» города храмами и клириками за сорок лет упали в шесть раз. Статистика посещаемости курских храмов показывает, что они оказывались переполнены по праздникам и довольно редко посещались в обычные дни. В среднем число посетителей церковных служб до 1958 г росло, однако этот увеличение примерно соответствовало росту численности населения в городе. О количестве «активных» верующих в этот период в какойто мере говорят данные о посещении курских православных храмов Курска в главные церковные праздники за период 1955-1959 гг. [5, оп. 5, д. 19, л. 114]

№	Праздник	Кол-во учтенных церквей	1955 г.	1958 г.	1959 г.
1	Рождество	8	7100	9200	9100
2	Крещение	9	8900	15300	14800
3	Пасха	9	19500	19100	8850
4	Троица	5	7900	7100	6100
5	Покров	7	Нет данных	3900	4150

Если полагаться на приведенные данные, православные храмы в 1958 г. даже по праздникам посещало лишь 7-10% населения. Впрочем, стоит отметить, что приобщенность городского населения к православным традициям проявляла себя в указанный период не только в посещении церквей. Часть населения, не посещавшая храмов в силу удаленности последних или отсутствия привычки, порой принимала священнослужителей или монахов (иеромонахов) дома. Об этом свидетельствует статистика основных треб, совершенных курскими священнослужителями во второй половине 1950-х гг. Например, согласно декларациям о доходах причта церквей г. Курска, поданных финансовым органам в 1957 гг., картина выглядела следующим образом: в названном году было совершено 1587 крещений, что составило 45% от числа всех родившихся в городе младенцев, 117 венчаний (5% от всех браков), 531 погребение (36% от всех похорон) [5, оп.5, д. 18, л. 115]. Таким образом, население в 1950е гг. стало даже чаще прибегать к помощи священнослужителей в ответственные жизненные моменты, чем это было в 1945 г. При этом уполномоченный Совета по делам РПЦ был склонен считать данные такого рода заниженными. «Конечно, эти количественные данные о совершенных обрядах преуменьшены, во-первых потому, что духовенство таким образом скрывает часть своих доходов от обложения налогом и вовторых - скрывает в тайне совершенные обряды», - писал он в одной из докладных записок [5, оп. 5, д. 13, л. 145]. Есть среди записок уполномоченных и объяснение того факта, что количество верующих, прибегающих к услугам священнослужителей дома, значительно больше количества верующих, посещающих церковь. «Следует отметить, писал уполномоченный в 1956 г. – что если среди мужской молодежи считается в общем зазорным ходить на службу в церковь, то принять предложение стать воспреемниками (кумовьями) при крещении детей даже среди комсомольцев на считается зазорным» [5, оп. 5, д. 13, л. 145].

Таким образом, масштабы возрождения традиционной церковной жизни в г. Курске в 1940-е – 1950-е гг. показали, что предшествующая анти-религиозная политика советской власти, а также объективные факторы общественной модернизации

оказали серьезное влияние на «расцерковление» населения: «активных» верующих осталось к середине века не более 10%, в большей или меньшей степени приобщенных к церковной жизни – около половины городского населения. В то же время, православие как культурная традиция продолжало оказывать серьезное влияние на жителей Курска.

В 1960-е – 1980-е гг. процессы «расцерковления» продолжали идти. При стабильном количестве православных храмов и священнослужителей в г. Курске доля населения, посещающего службы в храмах, постепенно падала, равно как и уменьшалось количество людей, обращавшихся к священникам за требами. Так, в 1988 г. в церкви венчались лишь 0,25% пар, отпевалось 32% умерших, было крещено 37% младенцев» [15, с. 166].

Конец 1980-х гг. ознаменовал собой очередной поворот в отношениях государства и церкви. В этой связи интересно обратиться к данным являвшегося тогда уполномоченным Совета по делам религий в г. Курске В.Л. Юрковекого. По инициативе его аппарата совместно с горкомом КПСС в городе в 1989 г. были проведены социологические исследования духовного мира личности. Методом анонимного анкетирования было опрошено полторы тысячи человек от 16 до 60 лет. По роду занятий это оказались люди разных профессионально-социальных категорий: рабочие, инженерно-технические и медицинские работники, служащие, учителя, учащиеся, пенсионеры и домохозяйки. Среди опрошенных 67% составили женщины. Анкета, прежде всего, помогла определить количественное соотношение между группами людей в соответствии с их убеждениями: неверующими назвали себя 40% опрошенных, безразличными к религии атеизму – 43%, склонными к религии – 10%, убежденными верующими – 7%. Среди верующих оказалось 89% прихожан РПЦ [15, с. 176]. Исследование также показало, что почти половина из числа безразлично относящихся к религии и атеизму мало знакома с основами наук о природе и обществе, каждый третий задумывался над вопросами существования Бога, загробной жизни, каждый пятый верит в зависимость участия человека от каких-то необъяснимых сверхъестественных сил, каждый четвертый был в прошлом верующим. Полученные данные говорили о том, что носителей традиционной конфессиональной культуры осталось мало – даже среди 7% убежденных верующих не все регулярно посещали православные богослужения [15, с. 177].

Об успехах процесса, называемого обычно «постсоветским церковным возрождением», можно судить по результатам социологических исследований, проведенных в Курске в 2006-2007 гг. Согласно им, в процентном соотношении к общей численности населения православные г. Курска составили 90 % [8, с. 127]. В ходе проведенного в мае – июне 2007 г. исследования «Социокультурный потенциал развития Курской области» на вопрос «Что Вы можете сказать о своей религиозности?» 50,8 % респондентов ответили, что они являются верующими людьми, 37,1 % – «скорее верующие, чем неверующие», 5,8 % – «скорее неверующие, чем верующие», 3,5 % – «неверующие», 2,1 % – «атеисты» [8, с. 128]. Однако, эти цифры вряд ли адекватно отражают скорость возрождения традиционной конфессиональной культуры. В данном случае речь идет скорее о так называемой культурной религиозности, когда человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя, возможно, и не разделяет ее вероучения, не участвует в обрядах и не входит в религиозную общину [14, с. 44]. Обсуждая приведенные данные, эксперты и специалисты в этой сфере дают разные объяснения тому, почему тот или иной человек «увлекся религией»: с одной стороны, к этому его подтолкнули жизненные неудачи или природная замкнутость, погруженность в себя; с другой стороны, толчком послужила пассивность, нежелание заниматься практиче-

скими делами; кроме этого, есть мнение, что человека заставляет обратиться к религии желание поддержать высокое мнение о себе как о человеке, имеющем высокие духовные интересы [8, с. 129].

Сопоставляя сведения о «внутренней религиозности» с данными о «религиозности внешней», нужно отметить, что в том же 2007 г. в Курске функционировало 36 православных храмов при 96 священнослужителях, то есть на один храм приходилось 12 тыс. жителей, на одного священнослужителя – 4,5 тысячи [8, с. 133]. Опрос 2007 г. показал, что доля традиционно ориентированных православных верующих составляет около 10 % (это респонденты, одновременно дающие положительный ответ на вопрос «верите ли вы в Богаенты, одновременно дающие положительный ответ на вопрос "лигиозностью в прямом смысле этого слова.ляет ее вероучения, не участв» (57 % опрошенных), идентифицирующие себя как верующих и как православных (53 %), по их словам, часто молящиеся (33 %), которые верят в загробное существование души (45 %), в воскресение из мертвых (40 %), в рай (52 %), в ад (46 %)). 30 % «православных верующих» заявили о вере в переселение души и 41 % - в астрологию. Посещение церкви не реже раза в месяц зафиксировано на уровне 21 % (среди верующих). Согласно подсчетам МВД, на пасхальные богослужения в православные храмы в 2005-2007 гг. приходило до 2 % населения [8, с. 138].

Таким образом, «обеспеченность» православных верующих г. Курска культовыми помещениями и священнослужителями в начале XXI в. увеличилась по сравнению с серединой XX в. примерно в два раза. Количество людей, считающих или желающих считать себя православными, также существенно выросло, однако уровень приобщенности городского населения к каноническим церковным традициям остался невысоким.

Обобщая данные, приведенные в работе в целом, можно сделать вывод, что государственная политика в отношении церковных институтов серьезно влияла на состояние конфессиональной городской культуры в течение XX - XXI в., однако ее влияние должно рассматриваться вкупе с влиянием других факторов, имевших объективный характер. Процесс постепенного отхода городского населения от церковных устоев начался до революции 1917 г. и был ею скорее ускорен, нежели инициирован. Драматические (либо трагические) события в отечественной истории – Первая мировая война, Гражданская война, Великая Отечественная война – повышали уровень религиозности населения и степень его приобщенности к традиционным православным практикам, однако общий тренд в XX – начале XXI в. оказался связан с постепенным отходом от устоявшейся православной обрядности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-31-01269

Список литературы:

1.Апанасенок А.В. Старообрядчество Курского края в XVII – начале XX века. Курск, 2005.

2.Государственный архив Курской области. Фонд 20. Курская духовная консистория.

3.Государственный архив Курской области. Фонд Р323. Курский губернский отдел управления.

4.Государственный архив Курской области. Фонд Р–3322. Исполнительный Комитет Курского Областного Совета депутатов трудящихся 1934-1945 гг.

5.Государственный архив Курской области. Фонд 5027. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви.

6.Емельянов С.Н. Власть и Церковь: эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управ-

ления в губерниях Центрального Черноземья . 1917-1922. Курск, 2001.

7.История Русской Православной Церкви в документах. 1900-1927. СПб., 2002.

8.Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Социокультурный портрет Курской области. Курск, 2008.

9.Народное хозяйство СССР в 1956 г. Статистический сборник. М., 1957.

10. Плющев В. Г. Из истории Курского края: Сборник документов и материалов. Курск, 1965.

11. Просужих П. И. Современное сектантство и его реакционная роль. Курск, 1951.

12. Российский государственный исторический архив. Фонд 796. Канцелярия Св. Синода.

13. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995.

14. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С.35–45

15. Юрковецкий В.Л. Церковь и государство. Эволюция взаимоотношений. Курск, 2000.

A.V. Apanasenok, Doctor of Sciences, Regional Open Social Institute (Kursk)
(email: apanasenok@yandex.ru)
I.S. Pudiakova, Candidate of Sciences, Associate Professor (Kursk) (e-mail:ipudyakova@yandex.ru)
E.S. Apanasenok, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: berezka-87@mail.ru)

ORTHODOX CULTURE OF KURSK DWELLERS IN THE MIRROR OF STATISTICS AND EVALUATES OF CONTEMPORARIES: XX – BEGINNING OF XXI CENTURY

The work discusses the condition of the traditional Orthodox culture of Kursk at different stages of the history of the XX - beginning of XXI century. Basing on archive data the authors analyze the degree of allegiance of Kursk population to the canonical Orthodox practices in different historical conditions. It is concluded that the process of the gradual retreat of the urban population from the Church's foundations began before the revolution of 1917, and it was rather accelerated by this event than initiated. The First world war, Civil war, Great Patriotic war has increased the level of religiosity of the population and the degree of allegiance to the traditional Orthodox practice, however, the general trend in the XX - beginning of XXI century was associated with a gradual departure from the established Orthodox rites.
Keywords: *history of Orthodoxy, religious practices, urban environment, modernization, public policy, statistics*

УДК 271.2

И.С. Дудина, аспирант, ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: ISDudina@fa.ru)

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ АКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОГО КРАЯ В 1900-е – 1960-егг.

В работе рассматривается эволюция отношения к православным религиозным практикам со стороны сельского населения Курского края в 1900-е – 1960-е гг. Автор анализирует факторы, сыгравшие ключевую роль в отходе значительной части верующих от традиционной церковной жизни в данный период.

Ключевые слова: *история России, православие, религиозная активность, церковные нормы, сельская культура*

***

Отношение к религии русского народа уже долгое время является предметом горячих споров философов, общественных деятелей, политиков. И в классике, и в современной публицистике можно прочитать как о «глубокой природной религиозности», так и вопиющих образцах «безбожия», появившихся в недрах отечественной цивилизации. Однако, необходимо помнить, что категоричные оценки чаще всего являются результатом эмоционального отношения к действительности; научный подход требует беспристрастного анализа природы тех или иных явлений культуры. Хорошо известно, что отношение к церковным традициям в России на протяжении последних ста лет не было стабильным: политические, социально-экономические, культурные факторы не раз корректировали место религии в жизни общества. В этой связи интересен вопрос о закономерностях эволюции народной религиозности. В данной статье автор рассматривает его, обращаясь к истории сельской религиозной культуры Курского края, известного своими православными традициями. Основной целью работы стало выявление взаимосвязи между изменениями в религиозном облике сельского мира и объективными процессами, имевшими место в российской деревне в 1900-е –1960-егг.

Анализ имеющихся данных по религиозной истории деревни позволяет выделить в ней несколько этапов, качественно различных с точки зрения приобщенности населения к церковной жизни. Первый из этих этапов приходится на дореволюционный период (до 1917 г.) и характеризуется стабильно высокой степенью участия крестьян в богослужениях и требоисправлении. Второй этап охватывает 1917-1929 гг. и может быть охарактеризован как время постепенного снижения церковной активности сельского населения за счет отказа определенной части молодежи от участия в приходской жизни в условиях строительства «нового социалистического общества». Третий этап приходится на 1929-1941 г. и связан с резким падением уровня воцерковленности сельского населения в связи с принудительным закрытием храмов, репрессиями против священнослужителей и развитием системы советского школьного образования в деревне. Четвертый этап охватывает военный и послевоенный периоды (1941-1953 гг.) и ознаменован определенным «ренессансом» конфессиональной жизни в силу временной остановки советской модернизации и смены социально-политических и культурных приоритетов в военные и первые послевоенные годы. Пятый этап (после 1954 г.) характеризуется постепенным снижением уровня воцерковленности сельского населения вследствие однонаправленного воздействия государственной политики и «городских» культурных норм, активно распространявшихся в данный период.

Социально-экономическая модернизация, осуществлявшаяся в Российской империи в конце XIX – начале XX в. предопределила определенную духовное раскрепощение населения и некоторое снижение его церковной активности. Однако, названные явления оказались свойственны преимущественно городскому населению, а сельскую местность затронули постольку, поскольку она была связана с городской средой. Имеющиеся исследования показывают, что случаи пренебрежительного отношения к богослужениям и отказа от посещения церкви в среде курских крестьян до 1917 г. были редкостью [6, оп. 2, д. 542. л. 9-11]. Как правило, они имели место в среде отходников, длительное время проводивших в фабрично-заводской среде [2, с. 56-59]. Эти случаи не оказывали определяющего влияния на общий духовный климат курской деревни, сохранявшей традиционный конфессиональный облик.

Революционные события и развернутая после них антирелигиозная агитация достаточно слабо отразились на степени приобщенности сельского населения к приходской жизни. Согласно данным, полученным в ходе работы с документами уездных исполкомов 1921-1922 гг. (отражающими результаты анкетирования, проведенного в соответствии с циркуляром НКВД) конфессиональная обстановка в селах курской губернии оказалась практически идентичной дореволюционной. Анкетные опросы (с ключевыми вопросами «посещаете ли вы церковь?» и «Как вы относитесь к возможности закрытия церквей?») выявили высокий уровень воцерковленности населения и негативное отношении к возможному закрытию храмов [3, оп. 1, д. 341]. Так, во Льговском уезде посещаемость церквей оказалась на уровне 95%, а в среднем по сельской местности в Курской губернии она составила 92% (обрабатывали анкетные данные сотрудники местного исполкома, которые явно не были заинтересованы завышать подобные цифры) [3, оп. 1, д. 341]. Наибольшие показатели частоты посещения храмов и молитвенных домов было зафиксировано в районах компактного проживания старообрядцев (например, в Уколовской волости Щигровского уезда в шести граничащих между собой деревнях – 2-ой Воробьевке, Донском, Никулино, Козминке, Чаплыгино и Сухой Неполке; в соседних Николаевской волости Щигровского уезда (с. Боево, д. Щурово) и Сергиевской волости Фатежского уезда (с. Дерлово, с. Шумское, с. Скородное), что не удивительно, поскольку старообрядческий мир еще до революции считался наиболее приверженным традиционным устоям [1, с. 122-123].

В 1923–1929 гг. большинство населения Курского края, которое продолжало следовать религиозному календарю и соблюдать церковные обряды, негативно относилось к антирелигиозной пропаганде местных государственно-партийных и комсомольских организаций. Верующие рассматривали их «безбожные» мероприятия как оскорбление своих религиозных чувств. Кроме того, непрофессионально организованная антирелигиозная кампания разжигала конфессиональную и национальную рознь, в частности антисемитизм. В связи с вышеназванными причинами до конца 1920-х гг. в Курской губернии атеистическое движение не получило широкого распространения (в него были вовлечены, главным образом, партийцы, комсомольцы и беспартийный актив) [4; 5].

Таким образом, несмотря на идеологическое наступление советской власти на религию, серьезных результатов пропагандистам в 1920-е гг. добиться не удалось: позиции традиционной конфессиональной культуры на территории Курской губернии в 1920-е гг. оказались мало поколеблены. Представители советской власти недооценили сложность решения вопросов, касающихся веры. Проведенное исследование показало, что общественное мнение в пользу атеистических мероприя-

тий государства к концу 1920-х гг. не было сформировано. В 1928 г. в разных районах, позже вошедших в состав Курской области, посещаемость церквей и молитвенных домов крестьянами в среднем составляла 85%, в старообрядческих населенных пунктах достигая 95-97% [3, с. 219-220]. Некоторое снижение доли воцерковленных селян по сравнению с 1922 г. оказалось предопределено отходом от Церкви части молодежи, связанной с комсомолом, ориентированной на получение советского образования и последующую интеграцию в слой «новой советской интеллигенции» или номенклатуры.

Серьезное снижение внешней церковной активности курского крестьянства пришлось на период принудительного свертывания конфессиональных практик в 1930-е гг. Отсутствие в большинстве населенных пунктов действующих церквей (активно закрываемых в это время), опасность, проистекавшая из частого общения со священнослужителями (признаваемых в большинстве случаев «вредными элементами») предопределили резкое падение уровня приобщенности сельских жителей к богослужебным практикам. Этот обстоятельство, однако, не отражало столь же резкого снижения уровня внутренней религиозности. Согласно данным 1937 г., больше половины представителей сельского населения Курской области в ходе переписи открыто признали себя верующими [3, с. 221]. Если учесть, что в условиях активных репрессий приобщенность к церковной культуре рассматривалась как признак «несознательности» и часто скрывалась, означенные данные можно считать явным признаком устойчивости конфессиональной самоидентификации. Тем не менее, в 1930-е гг. религиозность сельского населения отчасти приобретает латентные формы.

Рост числа людей, формально порвавших с церковью в 1930-е гг., в определенной степени имел социально-культурную подоплеку. Наибольшее количество сельских жителей, назвавших себя «равнодушными» к религии или атеистами, в 1937 г. было выявлено в тех населенных пунктах Курской области, где раньше начали действовать советские школы [3, с. 222]. Кроме образовательных и идеологических функций школа выполняла и функцию социальной адаптации к новым общественным реалиям, приобщая не только учеников, но и родителей к советской культуре. Посещение детьми советского образовательного учреждения делало их родителей более терпимыми к существующему строю и его основополагающим идейным установкам, формировало внутреннюю духовную лояльность. Поскольку советские школы организовывались прежде всего в крупных селах, связанных с промышленным производством (в Курской области – с предприятиями пищевой и легкой промышленности) можно констатировать явственное влияние индустриальной модернизации на уровень конфессиональной активности сельских жителей.

Военные и первые послевоенные годы (1941 - 1953 гг.) оказались ознаменованы определенным возрождением традиционных форм церковной активности селян. Этот процесс был вызван оккупацией, временным прекращением функционирования советских школ и идеологической «обработки» населения и приостановкой модернизационных процессов в целом (относительно первых послевоенных лет можно говорить об инерции конфессионального возрождения военного времени) [3, с. 223]. Относительно последующих десятилетий можно подчеркнуть тенденцию постепенного снижения уровня церковной активности сельского населения. Об этом также свидетельствуют данные Уполномоченного по делам РПЦ в Курской области 1975 г. по итогам двух прошедших десятилетий (с 1955). Согласно этим данным, в период с 1964 г. по 1969 г. можно было наблюдать довольно высокие (для советского времени) показатели крещений новорожденных (53,7 – 63%), что связано, вероятно, с некоторой либерализацией внут-

риполитического курса и идеологического давления в этот период. В целом же степень приобщенности сельского населения с 1955 г. по 1975 г. падала, что особенно наглядно видно в случае со статистикой церковных венчаний. Их ежегодное количество снизилось в 6,2 раза (с 618 до 99) за двадцать лет, при том что население области (в том числе и сельское) постоянно росло [11].

В 1968–1969 гг. Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и Курским обкомом КПСС были проведены социологические исследования в ряде сел Курской области по теме «Атеизм и духовный мир человека». В результате были получены следующие данные. Убежденных атеистов было 9,2 %, неверующих - 32,4 %, безразлично относящихся к религии и атеизму - 13,9 %. Эти три группы были объединены в более крупную - нерелигиозное население, - составившую 63,5 %. Доля колеблющихся между верой в Бога и неверием (фактически, верующих, боявшихся открыто признать свои чувства) составила 14,7 %. К верующим отнесли себя 28,3 %. Таким образом, в 1960-е гг около 42 % сельского населения могло быть отнесено к категории верующих. Анализ социально-демографических характеристик показал, что наиболее высокий уровень религиозности (59,4 %) был среди пенсионеров, домохозяек и инвалидов. Основу «религиозного населения» составили женщины (81,4 %), лица старше 50 лет (55,8 %), лица, не имевшие начального образования (63,1 %) [12, с. 152]. Естественно, данные такого рода нельзя считать полностью достоверными, поскольку многие сельские жители были заинтересованы в сокрытии своих религиозных чувств и практик. Однако, эта заинтересованность имела место и в 1930-е гг., но доля людей, признававших себя верующими, была значительно выше. Данное обстоятельство говорит как о снижении религиозной активности населения, так и возросшей латентности религиозной жизни.

Анализ причин деградации религиозной жизни в сельских сообществах верующих приводит к выводу о комплексном влиянии социальных и культурных факторов, связанных с продолжением советской модернизации деревни. Последняя приобрела решающее значение именно на этом этапе истории, став более значимым фактором, чем искусственное подавление религиозных практик государством.

Во-первых, в 1960-е гг. начала явственно ощущаться нехватка людей, которых можно было бы назвать носителями церковно-бытовых традиций. С каждым годом пожилых людей, воспитанных в досоветское время, становилось все меньше, на смену им начало приходить поколение, появившееся в 1920-е, 1930-е гг. Его представители выросли в условиях, когда традиционное религиозное воспитание и воцерковление часто оказывалось невозможным. Осталось достаточно мало священнослужителей, уставщиков и наставников – хранителей основ веры, поскольку многие из них были репрессированы в предшествующие десятилетия, а средний возраст оставшихся оказался весьма преклонным.

Во-вторых, разрушающее воздействие на традиционный уклад жизни в сельских приходах оказали урбанизационные процессы. В конце 1950-х – 1960-е гг. реальностью стал массовый отток сельских жителей в город, обусловленный как нуждами растущей промышленности, так и тяжелым положением в селе. Относительно 60-х – 80-х гг. XX в. можно говорить о набиравшем силу процессе «раскрестьянивания», выразившийся в массовом отъезде молодежи (в том числе старообрядческой) в город и имевшем значительные культурные последствия для религиозной жизни села. Драматическую роль в судьбе религиозной культуры курского села сыграл разрыв традиционных связей уезжавшей молодежи со священнослужителями, равно как и с сельскими

«старожилами». Согласно данным Уполномоченного по делам религиозных культов, в 1960 - 1970-е гг. в православной и старообрядческой среде обострился «конфликт поколений» между людьми старшего возраста и более молодыми жителями села, побывавшими в городской среде и получившими там образование. Отсутствие общения (пусть и временное) молодых людей с главными носителями традиций из православной среды оказывалось гораздо эффективнее массовой антирелигиозной пропаганды. Священники, уставщики, наставники играли огромную роль в сохранении верующими традиционного образа жизни. Именно они были главными хранителями, «ревнителями» старинных устоев и благочестия. На этих людей, знавших основные жизненные правила, смотрели как на обладателей всех тех качеств, которые необходимо приобрести следующему поколению. Духовные лица наблюдали за «правильностью» жизни своих подопечных, благословляя их на важные поступки или наоборот наказывая путем наложения епитимий. Они же часто занимались обучением местных детей. Отсутствие такого лица в жизни формирующейся личности автоматически приводило к последующему разладу в духовной жизни прихода или общины.

Урбанизация забрала из сельской местности наиболее активную часть населения. Возвращавшиеся на «малую родину» (после обучения в средних специальных или высших учебных заведениях, работы на предприятиях) уже в какой-то мере являлись носителями «городской» культуры. Тем более это относилось к специалистам, присылаемым в села по распределению (учителям, врачам, агрономам, инженерам, рабочим и т.д.). Приезжая, они привносили в сельскую жизнь новые культурные нормы, отношения, ценности, часто противоречащие традиционным конфессиональным устоям. Проводниками новой «городской» культуры также стали распространившийся сельские клубы, кинематограф, радио, несколько позже – телевидение.

Немаловажным социальным фактором размывания традиционной религиозной культуры и снижения конфессиональной активности сельской молодежи стала трансформация среднестатистической семьи. Как известно, семья – ведущий фактор формирования личности в традиционном обществе [10, с. 123]. «Большая» семья (т.е. состоящая из представителей трех поколений), распространенная в первой половине XX в., давала хорошие возможности для ретрансляции традиций. В то же время «современная» малая семья, сложившаяся во второй половине двадцатого столетия, обособила старших членов от младших и стала одним из факторов разрушения традиционной конфессиональной культуры.

Таким образом, исследование уровня и форм церковной активности сельских верующих Курского края на протяжении XX в. дает возможность констатировать значительную роль модернизационных процессов в истории трансформации народной религиозности. Признаки «расцерковления» под влиянием социально-экономических факторов можно констатировать уже в начале XX в., однако вплоть до 1930-х гг. они имели ограниченный харктер. С 1930-х гг. индустриализация, развитие советской системы образования и необходимость приобретения «советской» идентичности вкупе с репрессивным нажимом на церковь предопределили резкое снижение уровня «внешней воцерковленности» жителей села. В 1960-е гг. влияние модернизационных факторов усилилось в связи с массовым оттоком молодежи в город и приобретением ею городской идентичности.

Список литературы:

1. Апанасенок А.В. Старообрядческий мир в социально-культурной и религиозной истории Центрального Черноземья в XIX - начале XX века //

Вестник Челябинского государственного университета. - 2009, №28. - С.114-125.

2. Апанасенок А.В. Религиозные диссиденты в российской провинции: очерки истории духовных движений Курской губернии в конце XVIII - начале XX века. Курск, 2010. - 199 с.

3. Апанасенок А.В., Апанасенок Е.С. Традиции в эпоху модернизации: эволюция конфессиональных практик курского села в XX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 2-2. С. 217-224.

4. Бунин А.Ю. Деятельность православного духовенства Курского края в 1905-1929 гг. Автореферат диссертации… кандидата ист. наук. - Курск, 2005.

5. Бунин А.Ю. Православное сообщество Курского края в условиях советской антирелигиозной политики 1920-х - 1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. - 2012, №19. - С. 124-129.

6. Государственный архив Курской области. Фонд 20. Курская духовная консистория.

7. Государственный архив Курской области - Фонд Р-323. Курский губернский отдел управления.

8. Государственный архив Курской области - Фонд 5027. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви.

9. Емельянов С.Н., Ильина З.Д., Карнасевич В.Г. Православная культура и государство (духовные и материальные потери) // Курский край: культура и культурно-историческое наследие. Т. XV. - Курск, 2002. - С. 263-290.

10. Кравченко С.А. Принцип природосообразности в системе формирования этнического самосознания личности // Научный альманах Центрального Черноземья - 2013, №2. - С. 122-124.

11. Юрковецкий В.Л. Церковь и государство. Эволюция взаимоотношений. Курск, 2000 / Курский край. Научно-популярная серия в 20-ти томах. Т. 14.

12. Яковлев Н.Н. Духовный мир советского человека в зеркале научных исследований. - М., 1987. – 186 с.

I.S. Dudina, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk) (e-mail: Dudina-IS@yandex.ru)

TO THE PROBLEM OF RELIGIOUS ACTIVITY OF THE RURAL POPULATION OF KURSK REGION IN THE 1900S – 1960S

The paper discusses the evolution of the relationship of the rural population of Kursk region to the Orthodox religious practices in the 1900s - 1960s. The author analyzes the factors which have played a key role in abandonment traditional Church life by significant part of believers in this period.

Keywords: *history of Russia, Orthodoxy, religious activity, religious activity, the Church regulations, rural culture*

УДК 908(470.323)

И.А. Горелова, старший преподаватель, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт», (Курск) (igor@r46.ru)

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНОЙ КОМИССИИ ПРИ КУРСКОМ МУЗЕЕ В СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ. КАК ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ К МУЗЕЙНОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ

В статье рассматриваются вопросы организации и функционирования школьной комиссии при курском музее в середине 1930-х гг.: деятельности школьной комиссии - экскурсионное, проведение музейных уроков, создание объединения юных друзей музея, оборудование при музее кабинета школьника. Анализируется взаимодействие музея со школами. Подводятся итоги деятельности школьной комиссии в с. 1930-х гг.

Ключевые слова: *краеведение, школьное краеведение, музей, школьная комиссия при музее.*

***

Важность краеведческой работы в школах отмечалась еще в 20-е годы XX века. Проблемы школьного краеведения и музеев разрабатывались Звягинцевым Е.А. [5], Зеленко А.У. [6], Кругликовым П.И. [9] и др.

В середине 1930-х г. при областных краеведческих музеях создаются секции школьного краеведения.

На I Всероссийском музейном съезде отмечалась важность привлечения школьников к музейному краеведению, большое внимание уделялось организации в школах музейных уголков, приобщению учащихся к изучению своего края, привитию им навыков краеведческой работы.

Об организации краеведческой работы в организациях и школах Курской губернии в 1927-1928 гг. писали В.А. Ефремов [4, с.7-11], С.В. Курдяев [10] и В.Л. Маригодов [12, с.18-22].

В период Великой Отечественной войны интерес к данной тематике снизился и возобновился только в 1950-е гг. О школьных секциях, функционировавших при музеях, упоминается в исследовании М.С. Зенова [7].

В исследованиях 1960-1980-х гг. основное внимание уделяется работе партийных и общественных организаций по воспитанию населения на основе музейной работы [11, с.92–99] и проблемам музейного строительства в отдельных регионах.

В 1990-е гг. издано много работ по истории музейного дела в отдельных регионах страны. Но вопросы создания и функционирования отделов школьного краеведения при музеях в 1930-е гг. затрагиваются фрагментарно.

Исследования отечественных ученых в 2000-е гг. сосредоточились на социальных функциях музеев в послевоенный период.

Таким образом, краткий историографический обзор показывает, что проблема становления и функционирования отделов школьного краеведения во второй половине 1930-х гг. изучена недостаточно. Это определяет актуальность данной темы.

4 ноября 1934 г. член научно-методического совета Наркомпроса тов. Т.А. Кириллова в своем выступлении на собрании школьной комиссии при краеведческом музее отметила, что «школам необходимо пользоваться богатым краеведческим материалом по различным отраслям для повышения качества и активности обучения» [1; л.1]. Попытка привлечь школьников к изучению родного края осуществлялась еще в 1920-е гг. Курским губернским обществом краеведения, при котором функционировала юнсекция [2, с.107].

В 1934 г. было заявлено о создании школьной комиссии, в которую сле-

довало вовлечь методистов и различные организации, создать актив молодых краеведов. Основной задачей школьной комиссии была организация методической работы и создание документов методического характера. Планировалось развернуть исследовательскую работу вокруг краеведческого музея и курского архива, включив в нее педагога и школьника. Предлагались различные формы работы: открытые музейные уроки и конференции, работа с юннатами по охране богатств природы и привлечение школьников к составлению коллекций и гербариев, иссследование исторических и культурных памятников города и проведение мероприятий по их сохранению.

В состав школьной комиссии входили представители педагогического института, ОблОНО, ГорОНО, медицинского техникума, педагогического техникума, школ и научные сотрудники музея.

При школьной комиссии функционировали десять секций: историческая, химико-биологическая, географическая, литературная, искусствоведческая, политехническая, секции для детей первого, второго, третьего и четвертого годов обучения [1; л.12].

Деятельность школьной комиссии в 1934-1935 учебном году сосредоточилась на привлечении актива школьных секций краеведения к краеведческой работе.

Школьной комиссией была разработана тематика экскурсий, основанных на музейном материале. Отметим, что темы экскурсий рассматривались на семинарах с участием музейных работников и педагогов. Музейный материал соотносился с учебной программой. Проводились, основанные на изучении музейной экспозиции, семинары с целью повышения квалификации учителей. Предполагалось, что школьные учителя будут проводить экскурсии по музею для своих учеников.

Среди школьников были организованы группы друзей музея. Целью создания этих групп было привлечение учащихся к разнообразным формам музейной работы – исследовательской, экскурсионной, по охране памятников природы, по сбору коллекций, описанию колхозов, предприятий и т.д.

В 1934 г. при музее был оборудован кабинет школьника, ставший «методической копилкой» для учителей города. В нем был собран методический материал для уроков-экскурсий и музейных уроков. Музейными работниками и педагогами создавались методические разработки в помощь учителю городских и периферийных школ, руководства для ознакомления школьников с приемами и результатами исследовательской работы.

В 1934 г. школьная комиссия разработала типовой договор со школами. Согласно договору, музей предоставлял школе выставку-передвижку «Богатство Курской области», обеспечивал школы раздаточным материалом, оказывал посильную помощь кружкам краеведения в школе. Посещение музея для школьников было бесплатным [1; л.16]. В ответ школа обязывалась участвовать в изучении предприятий и отдельных явлений местной жизни. Показательна тематика разработок школьников: «Детский быт», «Революционные события», «Наша жизнь в пионерском лагере», «Как растет наш подшефный колхоз», «Как у нас ликвидировали церковь» и др. Материал, собранный школьниками, соединялся в отдельные журналы и хранился для преемственной связки с исследованиями последующих лет, а затем передавался школьному кабинету краеведческого музея.

Работа со школой оказалась результативной. Отмечался рост кружков школьного краеведения. Учащиеся принимали участие в фенологических наблюдениях, вечерах встреч с интересными людьми и очевидцами событий 1905 г. и 1917 г., участниками Гражданской войны, оказывали оформительскую помощь музею. Юные экскурсоводы под руководством музейных работников проводили тематические экскурсии в

музее.

23 апреля 1935 г. при Курском краеведческом музее были организованы кружки юннатов и юных историков [1; л.54]. На первом совместном заседании кружков были распределены темы исследовательской работы по секторам природы и истории, дано общее знакомство с задачами музея и музейной экспозиции, определены желательные темы ближайших экскурсий. За каждым из юных друзей музея была закреплена музейная витрина для изучения экспозиции и проведения самостоятельных объяснений.

С 1935 г. собрания юных друзей музея стали регулярными. На собраниях зачитывались очерки по истории города Курска, давались объяснения с осмотром карты и некоторых экспонатов. Юные друзья музея распределили между собой улицы города для выяснения на них зданий, представляющих архитектурный или исторический интерес. Силами ребят была оформлена выставка-передвижка «В помощь юному геологу-разведчику».

Вместе с сотрудниками комиссии юными друзьями музея были разработаны ориентировочные программы кружков юннатов и юных историков.

В ориентировочную программу работ кружков юннатов входили наблюдения за птицами, травянистыми растениями, луговыми злаками, деревьями, сельскохозяйственными культурами [1; л.66]. Актив кружка юннатов составляли 13 человек.

Ориентировочная программа работы кружка юных историков включала в себя выявление стоянок эпохи каменных и бронзовых орудий, могильников, городищ, фиксацию их местонахождения. Для составления археологической карты края планировалась организация раскопок с привлечением школьников. Юные историки собирали архивные документы, сохранившиеся при учреждениях, в бывших помещичьих домах, у частных лиц. Школьники выявляли здания, имеющие архитектурное или историческое значение, отыскивали и приносили в музей предметы старого быта, записывали сохранившиеся рассказы, песни, поговорки, собирали материалы для составления истории колхозов, заводов, экономической истории края, принимали участие в археологических разведках [1; л.72]. На 8 июля 1935 г. в кружке юных историков состояло 15 человек [1; л.72] В период летних каникул юные друзья музея тоже не оставались без дела. Для учащихся, не отъезжающих в лагеря, были организованы лекции и художественные утренники, определены персональные задания на лето. По сектору истории был разработан вопросник для летней экспедиционной работы по разделам археологии, истории революционных событий, истории колхозов, заводов и фабрик. Учащиеся старательно относились к поручениям [1; л.73].

10 июня 1935 года председатель школьной комиссии Облмузея, подводя итоги работы за полугодовой период, отмечал, «что музей приступил к плановой реализации постановления ЦК ВКП (б) о начальной и средней школе, в частности, содействия наглядности, доступности и конкретности преподавания в школе. Согласно плану, музеем проведены следующие мероприятия: составлен и разослан по школам темник на музейные экскурсии, который может быть использован для прохождения программ в оборудованном школьном кабинете, проводились музейные уроки (14 по биологии, 4 по истории искусств, 3 по истории). В помощь летней исследовательской работе и развертывании туристического похода музеем разработаны методический вопросник на естествоведческие, исторические и археологические темы, организована выставка-передвижка «В помощь юному геологу-краеведу» и в плане стоит организация показательных геологических экскурсий для пионервожатых и преподавателей» [1; л.78].

Таким образом, в середине 1930-х годов школьная комиссия при музее проводила активную работу с учащимися по следующим направлениям: экскурсионное, проведение музейных уроков,

создание объединения юных друзей музея, оборудование при музее кабинета школьника. Взаимодействие музея со школами привело к повышению интереса учащихся к исследовательской работе.

Список литературы:

1. Государственный архив Курской области Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 97.

2. Государственный архив Курской области Ф. Р-3139. Оп.1 Д. 124.

3. Горелова И.А. Деятельность Курского общества краеведов как попытка консолидации энтузиастов историков в 1920-е – 1930-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал № 2. Т. 4. История. – СПб., 2014. – С. 100-107.

4. Ефремов В.А. Сельскохозяйственные музеи и их организация силами низовых краеведческих ячеек // Известия Курского губернского общества краеведения. – 1927. – № 3. – С. 7-11.

5. Звягинцев Е.А. Родиноведение и локализация в школе. – М.-П., 1924. – 104 с.

6. Зеленко А.У. Школьный музей. – М., 1927. – 105 с.

7. Зенов М.С. Революционные и трудовые традиции – важнейшее средство идейно-политического воспитания учащихся в советской школе. – М, 1958. – 23 с.

8. Ильина З.Д., Кузьмина В.М. Из истории культуры Курского края: 1917-1930-е годы. – Курск, 2004. – С.74-75.

9. Кругликов П.Н. Школьный краеведческий музей и его работа. – М., 1927. – 44 с.

10. Курдяев С.В. Задачи и пути краеведческой работы в Курском округе. – Курск, 1930. – 16 с.

11. Курлат Ф.Л. Воспитание молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа // Музейное дело в СССР. Труды ЦМР СССР. – М., 1971. – С. 92-99.

12. Маригодов В.Л. Школа и краеведение //Известия Курского губернского общества краеведения. – 1928. – № 2. – С. 18-22.

13. Подымова Л.С., Алисов Е.А. Готовность субъектов образовательного процесса к педагогическому проектированию образовательной среды. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (92). С. 135-138.

14. Пудякова И.С. Региональные проблемы развития туризма (на примере города Суджи Курской области) // Научный альманах Центрального Черноземья. 2013. № 2. С. 51-54.

I.A. Gorelova, Lecturer, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: igor@r46.ru)

ORGANIZATION OF SCHOOL COMMITTEE ACTIVITY AT KURSK MUSEUM IN THE MID-1930S, AS THE EXPERIENCE OF ATTRACTING STUDENTS TO REGIONAL MUSEUM

The article deals with the matters of organization and functioning of the school Committee at Kursk Museum in the mid-1930s: the activities of the school Committee included the following: organization of sightseeing, running Museum lessons, the setting up a club 'young friends of the Museum', making of a Student`s Study-room in the Museum. The interaction between the Museum and schools are analyzed. The main results of those activities are summarized.

Key words: *regional studies, school at regional museum, Museum, school Committee at the Museum*

УДК 271.2

Е.С. Апанасенок, аспирант, ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: berezka-87@mail.ru)

АТЕИЗМ VS. ВЕРА: ВЛИЯНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ГОРОЖАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В 1920-е – 1980-е гг.

Статья посвящена анализу успешности агитационно-пропагандистских мероприятий, направленных на борьбу с религией в провинциальных советских городах с 1920 по 1989 г. Опираясь на сведения по городам Курского края, автор анализирует степень интенсивности антирелигиозной пропаганды на разных этапах советского периода, а также их эффект. Изученные материалы дали возможность констатировать, что агитационно-пропагандистские мероприятия по дискредитации религии, ни на одном из этапов советской истории не стали основным фактором разрушения традиционной конфессиональной культуры. Автор показывает, что относительно эффективными они оказывались лишь в тех случаях, когда сопровождались насильственным свертыванием религиозных практик.

***Ключевые слова**: советская история, религия, городская среда, церковная жизнь, атеистическая пропаганда.*

***

Атеистическая пропаганда стала одной из основополагающих характеристик советского строя. В имеющихся исследованиях по истории русской церкви в XX в. [3; 4; 13; 16; 17; 18] ее действие подразумевается авторами, однако степень эффективности анализируется редко. Недостаточно изучены и конкретные формы агитационно-пропагандистских мероприятий советского периода, направленных на борьбу с религией. В этой связи одной из задач историков религии в СССР является исследование успешности агитационно-пропагандистских мероприятий на разных этапах советской истории. Результаты такого исследования могут пополнить имеющиеся представления о сопротивляемости конфессиональной культуры по отношению к неблагоприятным внешним воздействиям. В данной работе предпринята попытка рассмотреть влияние антирелигиозной пропаганды на провинциальное городское население центральной России 1920-е – 1980-е гг., опираясь на данные по Курскому краю.

Документы Курского губернского отдела управления свидетельствуют, что кампания по антирелигиозной пропаганде в среде горожан началась в годы Гражданской войны. В сентябре 1919 г. при губернских, городских, районных и волостных народных комитетах были созданы отделы, координировавшие эту пропаганду [11, с. 25-26]. Впрочем, в условиях военных действий борьба с народным «опиумом» сводилась к периодическим «изобличениям» священнослужителей, не поддержавших советскую власть [5, оп. 1, дд. 276, 278, 297, 311]. После окончательного установления новой власти в 1920 г. первой задачей ее представителей на «религиозном фронте» стало выяснение «позиций церкви» в городской и сельской местности. Борьба с религией в городах считалась более важной, поскольку именно здесь, согласно партийной идеологии, должны были проживать наиболее «сознательные» и «передовые» граждане. Однако, проведенное исследование (с опросами приходских советов в г. Курске, а также исполкомов в уездных центрах) показало, что уровень воцерковленности населения городов Курского края велик, а к возможному закрытию храмов население относится однозначно негативно. Так, в г. Льгове посещаемость местных церквей оказалась на уровне

95% от всего населения, в других городах она также оказалась высокой. Примерно половина горожан (исключая маленьких детей, глубоких стариков, инвалидов) в 1920 г. ходила в храмы регулярно (в том числе по будням) и подавляющее большинство – по праздникам [5, оп. 1, д. 341, л. 2-52]. О церковном упадке в городах Курского края, таким образом, говорить не приходилось. Данные такого рода убедили действующую власть, что в городской среде антирелигиозная кампания не будет легкой. Именно в силу этого обстоятельства региональные отделения созданного в 1925 г. «Союза воинствующих безбожников» наиболее бурную деятельность развили в городах [7, оп. 1, д. 81.Л. 2-5].

Изучение сохранившихся источников показало, что пик активности в проведении антирелигиозной пропаганды приходился на религиозные праздники. Например, издавались специальные указания «О проведении Комсомольской Пасхи » или « антирождественской кампании» [5, оп. 1, д. 25]. В методическом письме о проведении антирождественской кампании курским кабинетом политпросветительской работы говорилось: «Основными установками антирождественской кампании в городе будет отказ от религиозных рождественских праздников и замена их днями индустриализации на тех предприятиях, которые еще не перешли на непрерывную неделю. В деревне антирождественская кампания должна пройти под знаком усиления темпа коллективизации сельского хозяйства, поднятия урожайности и организации бедных слоев на борьбу с кулачеством. В районах со старообрядческим населением центр тяжести антирелигиозной кампании должен пасть на 6 и 7 января» [7, оп. 1, д. 81, л. 1]. Показательны мероприятия, которые должны были стать непременным атрибутом проведения таких «комсомольских празднеств». Среди них - «клубные вечера» для обсуждения вопросов о несовместимости науки и религии, а также для изучения основ учения Дарвина; ставились инсценировки, высмеивающие «попов» и библейские сюжеты. При этом использовались «буффонады» и частушки. По итогам работы местных кабинетов политработы проводились «соревнования безбожников» [7, оп. 1, д. 81, л. 2-3]. Впрочем, названные соревнования не отличались значительными достижениями, тем более что агитаторы часто оказывались лишены необходимого культурного уровня. Их действия были грубыми, часто оскорбляли верующих. Например, из отчетов членов организации «воинствующих безбожников» следует, что в некоторых городах (Льгове, Рыльске) верующих (в основном старообрядцев) насильно задерживали и брили им бороды [1, с. 65]. Часто интеллигентные городские жители смотрели на атеистические мероприятия комсомольцев как «кривляния» [1, с. 66].

Вплоть до 1929 г. большинство городского населения Курского края не скрывало своего негативного отношения к антирелигиозной пропаганде местных государственно-партийных и комсомольских организаций. Верующие рассматривали их «безбожные» мероприятия как оскорбление своих религиозных чувств. Кроме того, непрофессионально организованная антирелигиозная кампания разжигала конфессиональную и национальную рознь, в частности антисемитизм. В связи с вышеназванными причинами до конца 1920-х гг. в городах Курской губернии атеистическое движение не получило широкого распространения: в него были вовлечены, главным образом, партийцы, комсомольцы и беспартийный актив). Более того, документы говорят о том, что атеистическая пропаганда и наступление на религиозные институты в целом в 1920-е гг. не исключали возможностей контрпропаганды со стороны представителей церкви. Так, в 1923–1929 гг. православное духовенство Курского края вело и внебогослужебную пастырско-проповедническую, и миссионерскую, и просветительскую деятельность. Некоторые курские клирики в проповедях и беседах с верующими призывали последних «защищать православие», в частности не допускать закрытие храмов

и монастырей, оспаривали «материалистическое» и «атеистическое» учения (Курск, Щигры). Религиозная пропаганда часто сочеталась с политической агитацией. Объектом последней в исполнении курского клира (спектр взглядов которого варьировался от монархических до социалистических), являлось государственно-политическое устройство страны и экономическая политика Советской власти (налоговое обложение, хлебозаготовительные кампании) которые рассматривались с церковной точки зрения [6, оп. 2., дд. 22, 24, 29].

Таким образом, несмотря на идеологическое наступление советской власти на религию, серьезных результатов пропагандистам в 1920-е гг. добиться не удалось: позиции традиционной конфессиональной культуры на территории Курской губернии в 1920-е гг. оказались мало поколеблены. Представители советской власти недооценили сложность решения вопросов, касающихся веры. Материалы исследования «для служебного пользования» 1928 г. показали, что в городах Курской области посещаемость церквей и молитвенных домов не сильно изменилась по сравнению с 1920 г.: «активными» верующие составляли более половины городского населения. Город в этом смысле не очень отличался от деревни [2, с. 218].

Менее эффективной, чем требовалось с точки зрения агитаторов-пропагандистов, атеистическая кампания оказалась и в 1930-е гг. Согласно данным 1937 г., 61% представителей городского населения в ходе переписи признали себя верующими. Кроме того, имеются сведения о пересылке горожанами друг другу сотен икон по почте [8, оп. 2, д. 18, л. 5]. Если учесть, что в условиях активных репрессий приобщенность к церковной культуре рассматривалась как признак «несознательности» и часто скрывалась, означенные данные можно считать явным признаком неэффективности антирелигиозной пропаганды.

К концу 1930-х – началу 1940 х. гг. властям удалось минимизировать церковную активность городских верующих, временно снизив посещаемость храмов до 5-10% в разных городах Курского края. Однако, этот эффект был достигнут не столько за счет пропаганды, сколько за счет закрытия храмов. По поводу г. Курска местный уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви позднее (в 1957 г.) писал: «все церкви и монастыри были закрыты в период 1926-1938 гг. Уже в 1940 – 41 гг. ни в одной церкви в городе служб не было. Верующее население города посещали службы в церкви в с. Лебяжье Стрелецкого района в 8 километрах от города» [10, оп. 5, д. 13, л. 76]. Несомненно, свою роль сыграли и массовые репрессии против священнослужителей, отпугнувшие многих верующих от активной церковной жизни [12, с. 264-265].

Военные и послевоенные годы ознаменовались резким спадом антирелигиозной борьбы. В условиях относительно либеральной политики в отношении религии церковная активность верующих резко возросла, что свидетельствовало о неэффективности предшествующих стараний поборников атеизма. Характеризуя этот период, уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви П.Володин писал: «в предыдущие годы (1945-1947 гг.) число посещавших церковные службы было значительно больше. Среди посетителей церквей было много интеллигенции, служащих, молодежи, а среди них много мужчин» [10, оп.2, д.8, л. 66]. Он же фактически признавал тщетность усилий партии по перевоспитанию собственных членов: «Ослабление научно-атеистической и культурно-просветительской работы среди населения, приводило к тому, что даже среди некоторых слоев комсомольцев и коммунистов имели место факты совершения религиозных обрядов, особенно крещений детей… Этому способствовала и та путаница в головах отдельных товарищей, связанная с нормализацией отношений между церковью и государством, считавших, что раз советское государство допускает открытие церквей, службу в них, допускает соблюдение религиозных обрядов, то, следовательно,

ничего особенного нет в том, что известные слои населения подвержены религиозным предрассудкам и ничего не противопоставлялось работе церковников» [10, оп. 2, д.8, л. 64].

Антирелигиозная пропаганда вновь начала набирать силу с 1948 г. В «Курской правде» появилась статья, в которой осуждалась теория безрелигиозного образования и утверждалось, что в социалистическом государстве образование должно быть антирелигиозным. В этом же году в Курске открылся филиал «Общества распространения политических и научных знаний» (преемника «Союза воинствующих безбожников»), а также «Дом научного атеизма» [19, с. 112]. Названные организации начали рассылать своих представителей в колхозы для чтения лекций и распространения атеистической литературы. Так, в 1950 г. в городах Курской области начали распространяться брошюры «Религиозные суеверия и их вред», «Реакционная сущность религиозных идеологий» [10, оп. 2, д.3, л. 59-65].

Возобновление кампании по насаждению атеизма хорошо отражает секретная записка курского уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви главе названного органа Г.Г. Карпову, отправленная в 1950 г. Там писалось: «В беседе со мной секретарь Обкома ВКП/б/ по пропаганде тов. Ковалев С.М. неоднократно указывал мне на то, что по Курской области имеется слишком большое количество церквей и молитвенных домов, и затем указывал на необходимость их свертывания. На приеме в третьей декаде марта месяца тов. Ковалев еще раз указал мне на это и сказал, что моя работа его не удовлетворяет, что я занимаю неправильную линию: вместо того, чтобы закрывать церкви я защищаю церковников. Тов. Ковалев упрекнул меня тем, что по Курской области на 1 января 1950 года насчитывалось 316 церквей и молитвенных домов, тогда как в соседних областях Орловской и Воронежской их насчитываются единицы, и указал, что нужны более решительные меры с тем, чтобы закрыть по меньшей мере одну треть имеющегося количества церквей… Как член ВКП/б/, я понимаю, что в Курской области слишком много действующих приходов, что надо свертывать их, но как свернуть, каким путем надо свернуть, чтобы не вызвать недовольства и нарекания среди верующих. Можно закрыть десять, пятнадцать, двадцать, но и то могут пойти нежелательные кривотолки, посыплются всюду жалобы, что в Курской области нажим - закрывают церкви. Я не хочу, чтобы нас еще за это били или отобрали партбилет. Я рекомендовал ему поставить этот вопрос в ЦК ВКП /б/. Он сказал, что за закрытие церквей бить не будут…» [10, оп. 2, д.5, л. 18-19].

В 1951 г. заведующий отделом пропаганды и агитации курского обкома ВКП (б) Бутцев отмечал «запущенность церковных дел» и в то же время отмечал наметившиеся успехи новой волны борьбы с религией: «У нас … налицо невмешательство со стороны власти, райисполкомов – развелось много церквей, попы распоясались и т.д. Мы только что добились некоторой активности со стороны районных организаций в этом отношении…» [10, оп. 2, д.8, л. 77]. Впрочем, возобновившаяся кампания встретила отпор со стороны верующих, что признавали и представители власти: «для 1951 и 1952 гг. был характерен подъем активности в общинах, вызванный массовым занятием церковных зданий… что вызвало многочисленные жалобы, поездки в Курск и Москву с протестами, в том числе и в правительственные органы. Нередко это деятельную помощь общинам в этом деле со стороны духовенства, которое, несомненно, использовало это для подъема активности и укрепления своего влияния. Эта активность выражалась в том, что чаще собирались собрания верующих, под жалобами собирались сотни и тысячи подписей и т.п.» [10, оп. 2, д.3, л. 63].

Более радикально за возобновление борьбы с «церковными пережитками» власти попытались взяться в 1954 г. 7 июля вышло Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». В нём отмечалось оживление деятельности «церкви и различных религиозных сект» и рост числа граждан, отправляющих религиозные обряды. В связи с чем партийным, комсомольским организациям, Министерству просвещения и профсоюзам предписывалось проводить антирелигиозную работу «систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям»[15, с. 502]. Однако, спустя четыре месяца (10 ноября 1954 г.) было принято новое постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Оно осуждало использование клеветы, оскорблений, административного вмешательства в деятельность религиозных организаций, «вместо развёртывания систематической кропотливой работы по пропаганде естественнонаучных знаний и идейной борьбы с религией» [15, с. 516]. В итоге развернувшаяся капания по борьбе с «религиозными пережитками» несколько сбавила ход, что дало возможность Д. Поспеловскому назвать период середины пятидесятых относительно «либеральным» для верующих [17, с. 279].

В полной мере антирелигиозная кампания развернулась после XX съезда КПСС, когда власть Н.С. Хрущёва укрепилась. Началом очередного нажима можно считать выход секретного постановления ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам „О недостатках научно-атеистической пропаганды“» от 4 октября 1958 г. Оно обязывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки» [15, с. 523]. В ходе исследования среди материалов фонда Уполномоченного по делам Русской православной церкви конца пятидесятых – начала шестидесятых годов был обнаружен ряд служебных записок, директивных писем, инструкций, которые были призваны мобилизовать комсомольские организации на антирелигиозную борьбу. В одной из этих инструкций указывалось, что мероприятия должны сопровождаться «специальными мерами по улучшению антирелигиозной работы, особенно в плане индивидуальной работы» [10, оп. 2, д. 22, л. 2-3]. В 1958 г. была развернута антирелигиозная кампания в районной прессе, что заметно даже на уровне заголовков статей («Святоши-убийцы», «Кровавые кресты», «Откровения семинариста после похмелья», «Вот они, истинно православные» и т.д.). Анализ архивных источников также показал, что на смену выражению «религиозные убеждения» в служебных документах пришло выражение «религиозные предрассудки» [10, оп. 2, д. 18-24].

Если до Великой Отечественной войны главным органом антирелигиозной пропаганды служил Союз воиснтвующих безбожников, то во время «хрущевского наступления» на религию его функции перешли к обществу «Знание». В компетенции общества «Знание» было проведение антирелигиозных лекций, обучение лекторов и подготовка методической литературы. Кроме того, региональные отделения организовывали просмотр населением фильмов антирелигиозной направленности. В Курске, например, неоднократно демонстрировался фильм «Тучи над Борском» В. Ордынского[10, оп. 5, д. 63,65].

Анализ местной прессы первой половины 1960-х гг. показывает, что для нее характерна была высокая эмоциональность, направленность не столько на доказательство истинности атеизма, сколько на возбуждение враждебности к верующим остальной части населения. В СМИ тех лет в отношении верующих

часто использовались такие эпитеты, как «мракобесы», «святоши», «фанатики» и т. д. Однако, и эта политика не стала панацеей в руках атеистов. Возобновление активной антицерковной пропаганды и административные преследования верующих послевоенных десятилетий по силе воздействия уступали репрессиям 1930-х гг., а потому сами по себе они не могли быстро разрушить церковную жизнь в тех районах, где оставались храмы (молитвенные дома) и священнослужители. Информация, которую в 1960-е гг. получали ответственные за «религиозный фронт» советские чиновники, этот тезис подтверждала. Например, в 1965 г. секретарь исполкома Ленинского райсовета депутатов трудящихся констатировал в служебной записке секретарю исполкома курского облсовета уменьшение количества молодежи (в первую очередь – школьников) на церковных службах, однако при этом признавал, что церкви «переполнены в праздничные дни» [10, оп. 5, д. 67, л. 57-58].

Изучение истории антирелигиозной пропаганды в городах Курского края показало, что менее агрессивной, но более планомерной и систематической атеистическая кампания стала после 1965 г. Так, если в 1957 г. в городах Курской области было прочитано 511 атеистических лекций, в 1962 г. – 1203, то в 1969 г. – 2914. В 1977 г. их число несколько уменьшилось, но при этом все равно оставалось внушительным – 2150 [19, с. 124].

Конец 1980-х гг. ознаменовал собой постепенный поворот в отношениях государства и церкви. В этой связи интересно обратиться к данным последнего из советских уполномоченных Совета по делам религий В.Л. Юрковекого. По инициативе его аппарата совместно с горкомом КПСС в г. Курске в 1989 г. были проведены социологические исследования духовного мира личности. Методом анонимного анкетирования было опрошено полторы тысячи человек от 16 до 60 лет. По роду занятий это оказались люди разных профессионально-социальных категорий: рабочие, инженерно-технические и медицинские работники, служащие, учителя, учащиеся, пенсионеры и домохозяйки. Среди опрошенных 67% составили женщины. Анкета, прежде всего, помогла определить количественное соотношение между группами людей в соответствии с их убеждениями: неверующими назвали себя 40% опрошенных, безразличными к религии атеизму – 43%, склонными к религии – 10%убежденными верующими – 7%. Среди верующих оказалось 89% прихожан РПЦ [19, с. 176]. Исследование также показало, что почти половина из числа безразлично относящихся к религии и атеизму мало знакома с основами наук о природе и обществе, каждый третий задумывался над вопросами существования Бога, загробной жизни, каждый пятый верит в зависимость участия человека от каких-то необъяснимых сверхъестественных сил, каждый четвертый был в прошлом верующим. При этом «безразличное» отношение к религии не было следствием атеистических мероприятий советской власти. Абсолютное большинство относящихся к названной категории ни разу или всего два-три раза в жизни слушало атеистическую лекцию, при этом более половины остались неудовлетворенными. На отталкивающий характер атеистических бесед и лекций, и прежде своего за счет резкой критики религии и церкви, указало подавляющее большинство верующих [19, с. 177].

Материалы, представленные выше, дают возможность констатировать, что агитационно-пропагандистские мероприятия по дискредитации религии, проводившиеся в провинциальных городах в течение советского периода, не стали основным фактором разрушения традиционной конфессиональной культуры ни на одном из этапов. Относительно действенными они оказывались в тех случаях, когда сопровождались насильственным свертыванием религиозных практик (закрытием культовых сооружений, устранением священнослужителей и т.д.); отдельно взятая же антирелигиозная пропаганда часто оказывалась скорее

данью советской идеологии, нежели действенным средством воздействия на конфессиональную культуру горожан. Будучи в большинстве случаев навязчивой и грубой, она чаще вызывала раздражение верующих, чем давала нужный советским пропагандистам эффект.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-31-01269

Список литературы:

1.Апанасенок А.В., Симоненков К.В. «Из огня да в полымя»: курские старообрядческие общины и власть в первой половине XX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2011, №2. С. 65-72.

2.Апанасенок А.В., Апанасенок Е.С. Традиции в эпоху модернизации: эволюция конфессиональных практик курского села в XX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 2-2. С. 217-224.

3.Васильева О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917 – 1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.

4.Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 гг. М., 1923. 253 с.

5.Государственный архив Курской области. Фонд Р-323. Курский губернский отдел управления.

6.Государственный архив Курской области. Фонд Р–325. Губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

7.Государственный архив Курской области. Фонд 1954. Курский окружной отдел образования.

8.Государственный архив Курской области. Фонд Р–3322. Исполнительный Комитет Курского Областного Совета депутатов трудящихся 1934-1945 гг.

9.Государственный архив Курской области. Фонд 5200. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов.

10. Государственный архив Курской области. Фонд 5027. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви.

11. Емельянов С.Н. Власть и Церковь: эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья . 1917-1922. Курск, 2001.

12. Ильина З.Д., Карнасевич В.Г. Культура и власть: из рассекреченных архивов Курского ОГПУ // КЛИО. СПб, 2000. № 2 (11). С. 260–265.

13. Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995. 139 с.

14. Книга памяти жертв политических репрессий по Курской области. Курск, 2004. Т.1. 514 с.

15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971.

16. Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. 485 с.

17. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995.

18. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. / Материалы по истории Церкви. Кн. 24. М., 2000. С. 112-153.

19. Юрковецкий В.Л. Церковь и государство. Эволюция взаимоотношений. Курск, 2000 (Курский край. Научно-популярная серия в 20-ти томах. Т. 14).

E.S. Apanasenok,graduate of Department of History and Socio-Cultural Service, South-West State University (Kursk)(e-mail: berezka-87@mail.ru)

ATHEISM VS. FAITH: THE INFLUENCE OF ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA ON TOWN-DWELLERS OF CENTRAL RUSSIA IN THE 1920-s – 1980-s

The work is devoted to analysis of the success of awareness raising events aimed at combating religion in the provincial Soviet towns from 1920 to 1989. Based on information from the towns of Kursk region, the author analyzes the degree of intensity of anti-religious propaganda at different stages of the Soviet period and their effect on the population. The studied materials had given the opportunity to state that propaganda activities to discredit religion didn't become a major factor in the destruction of the traditional religious culture at any stage of the Soviet history. The author shows that they were relatively effective only when accompanied by a violent collapse of religious practices.
Keywords: *Soviet history, religion, urban environment, Church life, atheistic propaganda*

УДК 93/99

А.В. Черников, канд. ист. наук, доцент, Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И.И. Иванова (Курск) (e-mail: alekseyy_chernikov@rambler.ru)

ОТ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА К АНТАНТЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается проблема возникновения русско-французского оборонительного союза и Антанты, высказывается мнение, что в отличие от Антанты русско-французский союз являлся фактором стабилизации международных отношений в конце XIX – начале XX вв.
Ключевые слова*: русско-французский союз, Антанта, Центральные державы, Тройственный союз*

***

Предыстория заключения франко-русского союза достаточно сложна и неоднозначна. Первым шагом, от которого можно вести отсчет великого раскола Европы, можно считать подписание австро-германского союзного договора 7 октября 1879 г. Австро-германский союз был направлен против России и заключался в следующем: в случае нападения какой-либо державы обе стороны были обязаны соблюдать благожелательный нейтралитет, за исключением тех случаев, когда к агрессору присоединялась Россия. Австро-германский союзный договор был сформулирован как оборонительный, но на самом деле он послужил первым шагом к Первой мировой войне и изменил расстановку сил в Европе. Однако он еще не привел к окончательному размежеванию сил – Бисмарк боялся, обозлив Россию, толкнуть ее в объятья Франции.

В Вене были заинтересованы в этом союзе гораздо больше. Учитывая эти обстоятельства, Бисмарк решил не идти на прямой разрыв с Россией. Берлин не хотел загребать своими руками жар для Вены. Кроме того, Великобритания не желала полного разгрома России и как следствие этого усиления Германии. Вена и Берлин предпочли пока договориться с Россией.

18 июля 1881 г. был подписан австро-русско-германский договор, являвшийся соглашением о нейтралитете. Договаривающиеся стороны были обяза-

ны соблюдать нейтралитет, если какая-либо из них окажется в состоянии войны с четвертой великой державой [4, с. 623]. Это означало, что Россия обязуется перед Германией не ввязываться в новую франко-германскую войну. Германия и Австро-Венгрия гарантировали то же самое в случае войны России с Англией.

Договор 1881 г. не привел к стабилизации международной обстановки, так же как и не мог сдержать агрессивные намерения Германии: теперь руки у Бисмарка в отношении Германии были развязаны. Опасность новой франко-германской войны стала реальностью. Россия ничего не выигрывала от союза: война с Англией, несмотря на воинственные заявления Лондона и Петербурга не могла стать реальностью – никто в России всерьез не собирался воевать с Англией. Лондон же, не имея союзников в Европе и не располагая мощной сухопутной армией, не рискнул бы начать войну (что позднее ярко продемонстрировал русско-английский конфликт 1885 г. на афганской границе). С другой стороны, данный союз мог оттолкнуть от Петербурга Францию – потенциального партнера России в Европе.

В геополитическом плане последствия этих войн были несоизмеримы. Русско-английская война при любом ее исходе не могла привести к серьезным изменениям в международной обстановке (максимум, что могло случиться – это передел колоний в Средней Азии, или на Ближнем Востоке). Наоборот, новое поражение Франции в войне с Германией привело бы к резкому изменению геополитической обстановки. Франция была бы окончательно вычеркнута из разряда великих держав, а Германия стала бы гегемоном Европы. Россия неизбежно либо превратилась бы в «младшего партнера» Берлина, забыв про свои интересы на Балканах и уступив лидирующие позиции в этом регионе Вене, либо вынуждена была бы вступить в борьбу с германо-австрийским блоком в одиночку, с минимальными шансами на успех. Великобритания также оказалась бы в полной изоляции, лицом к лицу с германской угрозой. Таким образом, новая франко-германская война, как следствие договора 1881 г., не только не стабилизировала обстановку в Европе, но неизбежно привела бы к серии новых глобальных войн.

Кроме того, в самой основе договора были заложены глубокие противоречия. Германия стремилась использовать этот договор только против Франции, а Россия – только против Англии. Более того «согласие трех императоров» могло держаться лишь до тех пор, пока не проснутся вновь австро-русские противоречия, несколько смягчившиеся после разрешения восточного кризиса 1875-1878 гг. Все это обуславливало недолговечность соглашения 1881 г.

Следующим шагом на пути к мировой войне стало создание Тройственного союза. Толчком к его заключению стал захват Францией Туниса в 1881 г. 20 мая 1882 г. был заключен союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, а 1883 г. к союзу примкнула Румыния. Союз носил откровенно агрессивный характер. Согласно договору два его участника – Германия и Австро-Венгрия обещали Италии военную помощь в случае нападения Франции. Такое же обязательство возлагалось на Италию в случае «невызванного прямого нападения» Франции на Германию. Что касается Австро-Венгрии, то она, так же как и по австро-германскому договору 1879 г. освобождалась от оказания Германии помощи против Франции. Все участники Тройственного союза обещали друг другу благожелательный нейтралитет в случае войны с любой другой великой державой кроме Франции, и военную помощь, если один из них подвергнется нападению со стороны двух великих держав [4, с. 631]. Практически пункт о нейтралитете означал, прежде всего, гарантию нейтралитета Италии для Австро-Венгрии в случае австро-русской войны.

Заключение Тройственного союза мгновенно изменило расстановку политических сил в Европе. Доминирующей силой в одночасье стала Германия. Четко

проявилось военное превосходство германского блока над каждой из остальных великих держав – Англией, Францией и Россией. Каждая из них в отдельности была не в состоянии вести успешную войну против союзников. Франция, разгромленная в 1871 г., еще не восстановила свою военную мощь в полном объеме. Кроме того, еще не изжит был «синдром поражения» 1871 г. Англия, имевшая сильный военный флот, не имела сухопутной армии для борьбы в Европе. Россия также не могла в одиночку принять вызов Тройственного союза: «Русское бездорожье обуславливало медленность мобилизации царской армии по сравнению с Германией и Австро-Венгрией: общая продолжительность мобилизации и сосредоточения царских войск в период 1881-1901 гг. составляла 32 дня, в то время как Германия могла закончить свою мобилизацию и сосредоточение на 12 день, Австрия на 16 день, что давало австро-германским армиям выигрыш времени от 16 до 20 дней [7, с. 129].

Более того, «положение Франции и России было тем более критическим, что как раз в 80 гг. обе эти державы были в самых натянутых отношениях с Англией: французы из года в год медленно, но неуклонно проникали в Центральную Африку…а русские войска стояли перед границей Афганистана, и угроза Индии казалась возможной, если не сейчас, то в будущем» [9, с. 51]. Поэтому обе державы вынуждены были сглаживать свои противоречия с Германией.

В большей степени это проявилось во французской политике. Не располагая союзниками, французское правительство стремилось избежать обострения отношений с Германией, рассчитывая оттянуть столкновение. Бисмарк, поощряя англо-французское соперничество в колониальных вопросах, поддерживая Францию, рассчитывал значительно осложнить ее отношения с Великобританией. Однако, это вовсе не означало, что он отказался от идеи окончательного разгрома Франции и сведения ее до уровня второстепенной державы. Разгром Франции был краеугольным камнем его политики, первым шагом к установлению германской гегемонии в международных отношениях. После этого он рассчитывал нейтрализовать Санкт-Петербург и диктовать свою волю Лондону. Но пока Франция не была разбита, он считал, что у него связаны руки, поэтому 80 гг. ознаменовались новой эскалацией напряженности.

Во Франции наблюдается рост реваншистских настроений. Все сильнее (хотя еще и не на официальном уровне) звучат призывы к возвращению Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых Германией в 1871 г. Русско-немецкие экономические противоречия и Болгарский кризис 1885 г. значительно ухудшили отношения Берлина и Петербурга. Со своей стороны Лондон активно подталкивал Бисмарка к решительным действиям против Петербурга, тем более что Австро-Венгрия была открыто враждебной России державой. Однако, готовя решающее столкновение с Францией, железный канцлер не решился на углубление конфликта с Россией. Напротив, он с не меньшим усердием трудился над тем, чтобы спровоцировать англо-русское столкновение, а самому остаться в стороне. В России же, особенно среди либеральных кругов, все настойчивее высказывалось мнение за сближение с Францией.

Между тем, вслед за Болгарским кризисом, Европу потряс новый, куда более глубокий кризис, поставивший ее на грань войны. 11 января 1887 г. Бисмарк произнес в рейхстаге антифранцузскую речь, в которой канцлер прямо заявил о возможности возникновения войны с Францией в ближайшее время: «Война с Францией может возникнуть через 10 лет, но она может возникнуть и через 10 дней» [6, с. 377]. Согласно планам немецкого командования гвардия и 15 (из 17) армейских корпусов должны были быть сосредоточены против Франции, и только 1 корпус должен остаться в Восточной Пруссии на русской границе[6, с. 378]. Немецкие войска имели численное и техническое преимущество над французами. Австро-Венгрия и Ита-

лия поддерживали Германию, Британия тоже стала на ее сторону. Близкая к правительству английская газета «Standard» писала: «Англия не может стать на сторону Франции против Германии, этим Англия спутала бы основные цели английской политики во всех частях земного шара» [4, с. 655].

Казалось, что война неизбежна и Германия близка к своей заветной цели – Франция осталась с ней один на один. Но тут вмешалась Россия. Предложенный Бисмарком проект договора с Россией был отклонен царем, Александр III дал понять, что не бросит Францию на произвол судьбы. Опасность заключения франко-русского договора и как следствие этого война на два фронта остановила канцлера. Военные приготовления в Германии были отменены. Бисмарк вынужден был заключить с русским правительством договор, известный как договор перестраховки: державы обязывались сохранить благожелательный нейтралитет по отношению друг к другу в случае войны с третьей державой, кроме случаев войны России с Австро-Венгрией и Германии с Францией [4, с. 658]. Однако этот договор был скорее актом взаимного успокоения, чем стратегической линией: германский блок оставался главной военной силой Европы, вследствие чего Россия и Франция продолжили сближение. Такое положение дел было чревато дальнейшей эскалацией напряженности.

В начале 90 гг. отношения России и Германии заметно ухудшились. Новый германский кайзер Вильгельм II отправил в марте 1890 г. в отставку Бисмарка. Железный канцлер, как выдающийся политик-реалист, был противником излишне жесткой линии по отношению к России, до того момента, пока не разгромлена Франция. Теперь же к руководству внешней политикой Германии пришли недалекие авантюристы, типа Вильгельма II. Германия отказалась возобновить договор перестраховки и стала проводить по отношению к России более жесткую линию. Русское правительство без промедления сделало свои выводы из отказа Германии возобновить договор перестраховки. «Франция и Россия оказались изолированными и разобщенными на разных концах европейского континента, лицом к лицу с могущественным Тройственным союзом и с еще более могущественной Англией. Все эти условия привели французское правительство к мысли о сближении и союзе с Россией, а Александра III заставили в конце 90 гг. на это откликнуться» [9, с. 52]. Кроме политических соображений огромную роль играли экономические интересы. Французская финансовая элита искала возможности выгодного размещения капитала за границей, а Россия представляла собой широкое поле деятельности.

И в Париже и в Петербурге понимали, что Франция и Россия являются стратегическими партнерами. Правда, в военном союзе Франция нуждалась больше России. Активно шло экономическое сотрудничество. С 80 гг. французский капитал начал вложения в русскую промышленность. Особый интерес французы проявили к металлургии и металлообработке, угольной промышленности юга России, машиностроению, банковскому делу. К середине 90 гг. французы вышли на первое место среди иностранных инвесторов. В промышленную сферу было вложено 2,24 млрд. руб., на долю Франции приходилось 33% от объема иностранных инвестиций в России [10, с. 193]. Кроме того, Париж и Петербург боялись оказаться изолированными перед лицом Германии.

Особую тревогу вызвало возобновление Тройственного союза, сопровождавшееся демонстрацией дружбы между его участниками и Англией. В 1891 г. французская эскадра прибыла с дружественным визитом в Кронштадт. Одновременно с Кронштадтской демонстрацией был заключен русско-французский пакт.

Однако заключение русско-французского союза проходило сложно и долго. Во Франции было немало противников заключения союза с Россией (явно в ущерб национальным интересам), которые пытались сорвать сближение двух стран под надуманным предлогом

притеснения евреев в России. Да и в окружении царя было немало сторонников сближения с Германией, которые стремились не допустить союза с Францией. К этой группе относился министр иностранных дел России Гирс, который по мере сил тормозил заключение союзного договора. Только летом 1892 г. в Россию прибыл заместитель начальника французского Генерального штаба. Во время его визита военная конвенция была подписана представителями генеральных штабов. После этого по приказу царя текст был послан на политическую апробацию министру иностранных дел.

Совершенно неожиданно ход событий ускорила сама Германия. Она совершила по отношению к России новые враждебные акты. Разразилась русско-германская таможенная война, которая должна была способствовать закабалению России германским капиталом. В том же году в Германии был принят закон о значительном усилении армии. 23 декабря 1893 г. Гирс был вынужден ответить французскому правительству, что Александр III одобрил проект русско-французской военной конвенции. 27 декабря 1893 г. – 4 января 1894 г. состоялся обмен письмами между министрами иностранных дел России Гирсом и Франции Монтебелло, по которому военная конвенция вступила в силу и приобрела окончательный характер.

Тем самым 4 января 1894 г. было окончательно завершено оформление русско-французского союза, который носил оборонительный характер.

Как же оценить русско-французский союз: явился ли он очередным военно-политическим блоком империалистов или все же послужил фактором стабильности в международных отношениях?

Ф. Энгельс, а вслед за ним и вся отечественная историческая наука однозначно писали об открыто империалистическом характере данного союза: «Крупные военные державы континента разделились на два больших угрожающих друг другу лагеря: Россия и Франция с одной стороны, Германия и Австрия – с другой» [5, с. 33].

О том, что союз приблизил Первую мировую войну писали и отечественные историки: «Можно ли рассматривать франко-русский союз как соглашение миролюбивое, как соглашение сугубо пацифистское, как обычно трактует его французская литература? Разумеется, нет. Не следует забывать, что союз, о котором идет речь, был заключен между двумя государствами, преследующими империалистические цели. Непосредственно в момент возникновения этого союза он был последствием создания агрессивной австро-германской коалиции, направленной против России и Франции, но будучи заключен буржуазной Францией и царской Россией – государствами, ведшими захватническую империалистическую политику, он был создан и в дальнейшем был ими использован в тех же империалистических захватнических целях» [6, с. 539]. В данном контексте для нас важно, что автор признает вторичный характер франко-русского союза, то, что он является ответом на австро-германское соглашение.

Далее автор пишет: «Империалистический характер франко-русского союза проявляется не только в последующем ходе событий международной политики, приведшим к империалистической войне 1914-1918 гг.; он обнаруживается и в колониальной политике обеих стран» [6, с. 539]. Однако, не стоит отрицать, что данный союз не являлся средством колониальной политики. И Россия, и Франция активно вели такую политику задолго до вступления в союз. Тот факт, что Франция (в отличие от России) активизировала в 90 гг. колониальную политику, вовсе не говорит об агрессивной направленности данного союза. В отличие от него, одной из задач Тройственного союза действительно была активизация колониальной политики Германии и Италии. Великобритания, США и Япония в конце XIX - начале XX в. активизировали колониальную политику, вообще не входя ни в какие союзы. Тем более что главной помехой для колониальной

политики Франции вплоть до 1904 г. была вовсе не Германия, а Великобритания. Для России она и осталась таковой, несмотря на соглашение 1907 г.

Несомненно, что оба союза были враждебны друг другу (что, впрочем, не исключало постоянных и все более возрастающих экономических, культурных и дипломатических контактов между ними). Однако, они являлись инструментом взаимного сдерживания, уравновешивания сил. Существует, однако, мнение, что никакого равновесия сил не было: «Франко-русский союз был исходной точкой в образовании новой европейской коалиции. С момента ее возникновения Германия оказалась в положении державы, имеющей двух сильных потенциальных противников на западе и на востоке, в связи с чем становилась реальной перспектива войны на два фронта. Но решительное преобладание Тройственного союза над франко-русским в отношении военной мощи позволяло германскому генеральному штабу относится к этой угрозе спокойно» [7, с. 129].

Теперь обратимся к цифрам. По подсчетам французского генерального штаба в начале 90 гг. – германские войска первого эшелона могли выставить 1550 тыс. чел., австрийские – 800 тыс. чел., итальянские – 360 тыс. чел., румынские – 100 тыс. чел. (французы считали тогда Румынию частью Тройственного союза). В итоге силы германской коалиции составили бы 2800 тыс. чел. Им можно было противопоставить в первом эшелоне: французов – 1550 тыс. чел., русских – 1600 тыс. чел. Всего 3150 тыс. чел. [7, с. 529] Какое уж там «решительное преобладание»! Налицо военно-стратегический паритет. Это признавал и А.П. Извольский, бывший в 1906-1911 гг. министром иностранных дел России: «Эта политическая система долгое время базировалась на равенстве точно определенных сил: двойственное соглашение между Россией и Францией контрбалансировалось Тройственным союзом между Германией, Австро-Венгрией и Италией» [3, с. 24].

Таким образом, следует признать, что русско-французский союз был средством уравновешивания Тройственного союза, подобно тому, как НАТО и Варшавский договор взаимно уравновешивая друг друга поддерживали сложившуюся после Второй мировой войны систему международных отношений. Действительно, обе эти системы, поддерживали мир, «балансируя на грани войны».

В конце XIX в. существование двух равных по силе военно-политических блоков, как бы гарантировало мир. Так что надо признать, что в начале своего существования русско-французский союз был оборонительным, созданным для поддержания мира и гарантии неприкосновенности национальной политики этих стран. Тем более, что «русско-французский союз у нас рассматривается, как союз против Германии, забывая, что для России в нем имела приоритет прежде всего антибританская направленность» [11, с. 9].

Однако на втором этапе его существования ситуация изменилась. Это признавал и выдающийся отечественный историк академик Е.В. Тарле: «За 23 года своего существования до войны (1914-1918) франко-русский союз пережил следующие два периода. Период первый 1891-1907 гг. В это время со стороны русской дипломатии не обнаружилось не малейшего желания не только воевать с Германией, но даже вести против нее дипломатическую борьбу, сколько-нибудь длительную и серьезную, по какому бы то ни было вопросу. Что же касается Франции, то и она была далека от агрессивных замыслов, не только вследствие явного нежелания России ввязываться в войну с Германией, но и вследствие ряда иных обстоятельств: сначала (в 1891-1904 гг.) из-за обострения борьбы с Англией, а потом с 1904 г. – из-за ослабления России, втянутой в войну на Дальнем Востоке. Второй период начался со второй половины 1907 г. и длиться до начала войны 1914 г. В сентябре 1907 г. было оформлено (составленное еще в августе) русско-английское соглашение по всем вопросам азиатской политики, где соприкасались интересы обеих держав и с этой поры Англия фактически примкнула к франко-русскому союзу, хотя формально и не была связана с ним никакими обязательствами. С этого времени в правящих

кругах, как Франции, так и России постепенно распространяется и крепнет убеждение, что Тройственный союз в решительный момент окажется слабее Антанты» [9, с. 52-53].

Таким образом, франко-русский союз начал приобретать агрессивные черты с образование Антанты. С чем же это связано? Связано это с присоединением Англии к франко-русскому союзу. Хотя Великобритания так формально и не вошла в союз (военная конвенция между Россией, Францией и Великобританией была оформлена только 23.08 (15.09) 1914 г.), тем не менее, именно Англия стало отныне сердцевиной и движущей силой Антанты.

В течение 90 гг. набирает силу англо-германский антагонизм – экономическое, военно-морское и колониальное соперничество. Германия разом превращается в главного врага Британии в мире, которого надо во что бы то ни стало уничтожить: «Основным принципом государственной стратегии англичан является наложение на континентальные народы особого рода оков balansofpower (баланс сил) под которым, по словам лорда Керзона, подразумевается освещенное веками решение Англии не допускать на континенте Европы сколько-нибудь серьезного преобладания какой бы то ни было державы» [1, с. 70].

Иначе говоря, оставаясь в тени, англичане привыкли стравливать между собой европейские народы, получая при этом дивиденды. «Нечастые приступы любви к России у британского кабинета и послушной ему прессы постоянно совпадали с критическими ситуациями на европейском континенте, когда срочно требовалось пушечное мясо для борьбы с Людовиком XV, Бонопартом, Вильгельмом II и Гитлером» [11, с. 7]. Оказавшись в изоляции в начале XX в., Лондон предпринимает титанические усилия по приобретению в лице Франции и России союзников - «солдат на континенте».

В России появляется мощное проанглийское лобби, которое упорно ведет страну к сближению с Британией, в ущерб национальным интересам России. «В мае 1906 г. царь уволил министра иностранных дел графа Ламздорфа. Так ушел с дипломатической сцены деятель, который, опираясь на русско-французский союз, стремился балансировать между Германией и Англией и несколько настороженно относился к сближению с последней. На место Ламздорфа Николай II назначил Извольского…Извольский с первых же дней вступления в должность стал подталкивать Россию к военному союзу с Англией. Одновременно в мае 1906 г. в Петербург прибыл новый английский посол А. Никольсон, которому предстояло сыграть не последнюю роль в создании англо-русской Антанты» [11, с. 486]. Пойдя на уступки (по отношению к России большей частью эфемерные), Англии удалось образовать Антанту. Кстати, если учесть, что в Северной Персии влияние России было преобладающим и до заключения соглашения 1907 г., то Петербург фактически ничего не получил, а Великобритания укрепилась в Южной Персии.

Именно Великобритания стала подталкивать своих новых партнеров к более агрессивной политике. После присоединения Англии к русско-французскому союзу напряженность международных отношений резко возросла. Лондон стремиться как можно скорее втянуть Россию в войну совершенно ей не нужную: «несвоевременная и ненужная по обстоятельствам война может поставить государство в крайне невыгодное положение для дальнейшей никогда не прекращающейся борьбы за жизнь. К числу именно таких войн должна быть отнесена и усердно навязываемая нам ныне англичанами совместная с ними война против Германии» [2, с. 62].

Впрочем, сталкивая европейские народы ради своих интересов, Лондон вовсе не спешил служить их интересам. Ярчайшим примером этого может служить явно враждебная политика английского правительства по отношению к России в период Боснийского кризиса и Балканских войн. Вплоть до августа 1914 г. ни у Парижа, ни у Петербурга не было уверенности вступит ли Англия вообще в войну .и поведение английского правительства в августе 1914 г. – лучшее тому доказательство. Более того, Британия никогда не прекращала рассматривать Россию в качестве своего главного противника в будущем, после разгрома Гер-

мании. «Коварный Альбион» разгромил Россию руками японцев, а теперь собирался разделаться с Германией с помощью русского парового катка». Любопытный момент: после окончания Первой мировой войны в Англии было опубликовано секретное англо-французское соглашение из которого следует, что эти державы заранее не собирались выполнять союзнические обязательства по отношению к России. Мало того, британские и французские дипломаты уже в 1915 г. рассматривали планы устройства Европы после разгрома Германии, предполагая расчленение России, в т.ч. отторжение Привисленского края и Прибалтики» [11, с. 487].

В России после окончания Балканских войн все отчетливее стали понимать ошибочность ориентации франко-русского союза на сотрудничество с Лондоном: «Так как с ослаблением Германии единственной сильной державой на всем континенте останется Россия, то…английские стратеги с такой же спокойной совестью начнут устанавливать против России balansofpower с какой устанавливают они его против…Германии. Или, выражаясь другим языком, приступят к образованию против нас коалиции с целью постепенного оттеснения нас не только от Балтийского и Черного морей, но со стороны Кавказа и насыщаемого…англосаксонскими идеями Китая» [11, с. 487]. Да и сам царь втайне «питал к Англии чувство недоброжелательства» [3, с. 26]. Очень влиятельный в политических кругах России бывший премьер граф Витте старался предотвратить невыгодную для России войну, стремясь к заключению особого соглашения между Россией, Францией и Германией: «Витте не возлагал надежд на военное могущество России, как на средство помешать этому. Ввиду этого он считал наиболее действенным средством заключение союза с Германией, но такого рода союз сам по себе сделал бы Россию простым спутником Германии и поэтому он настаивал на привлечении Франции в качестве третьего союзника. В представлении Витте Германия могла дать военную силу, а Франция – деньги, объединившись с этими двумя нациями Россия могла бы без риска попасть под гегемонию одной из них, использовать силу одной и деньги другой» [3, с. 46]. Граф Витте и его сторонники развили активную деятельность: «Обладая чрезвычайным влиянием среди финансовых групп Европы, он полагал возможным с их помощью сблизить интересы Франции и Германии и подготовить почву для их политического союза. Он не сомневался в том, что если бы он был послом в Париже, он добился бы нужного результата» [3, с. 101].

Полную противоположность интересов Лондона и Петербурга с горечью констатировал и министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, в 1911 г. сменивший на этом посту Извольского: «Если обратить внимание на двух вековую историю наших отношений с Англией, то она представляется в виде бесконечной цепи взаимного подозрения и явных враждебных действий…Этим характером вынужденности или практической необходимости, велениям которой английский народ был всегда послушен, объясняется недолговечность периодов времени, когда взаимное недоверие уступало более спокойному чувству общности политических и экономических интересов…Одной из главных причин взаимной отчужденности Англии и России является, может быть, не соперничество на почве внешней политики, а коренное различие их внутреннего государственного строя, вызвавшее среди огромного большинства английского народа антипатию и недоверие к нашему внутреннему порядку» [8, с. 20-21].

Однако было уже поздно: благодаря англичанам русско-германские противоречия зашли слишком далеко. Со своей стороны Германия, понимая, что Антанта получит вскоре полное преобладание над Тройственным союзом, торопится начать войну.

Итак, в отличие от русско-французского союза Антанта имела агрессивный, наступательный характер. Образование Антанты нарушило военно-стратегический паритет. Перевес отныне был на ее стороне. Присоединение Англии с ее ярко выраженным агрессивным и антигерманским направлением внешней политики, сделало мировую войну не только возможной, но и неизбежной. Именно Англия и Германия, ставшие флагманами соответственно Антанты и Тройственного союза, объективно подталкивали Европу к всеобщей войне. Таким образом, обе эти державы несут главную ответственность за развязывание Первой мировой войны.

В результате англо-германского антагонизма международные отношения в начале XX в. представляют собой цепь опасных кризисов: Марокканский (1905), Боснийский (1908), Агадирский (1911), Итало-турецкая война (1911-1912), Балканские войны (1912-1913) отчетливо демонстрировали превращение двух военно-политических блоков из средства поддержания мира в главное орудие будущей войны. Первая мировая война становилась неизбежной.

Список литературы

1. Вандам А. Англия начнет войны лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию. // Военно-исторический журнал, 2001, № 7.

2. Вандам А.Англия начнет войны лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию. // Военно-исторический журнал, 2001, № 8.

3. Извольский А.П. Воспоминания. Минск: Харвест, 2003.

4. История дипломатии. [сб.]/Сост. А.Лактионов. – М.:АСТ, 2005.

5. Маркс К.и Энгельс. Ф. Соч. Т.XVI. Ч.2. – с. 33.

6. Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871-1891 гг. – М.: Издательство АН СССР, 1952.

7. Полетика Н.П. Возникновение Мировой войны. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1935.

8. Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002.

9. Тарле Е.В. Очерки истории Европы в эпоху империализма. // Собр. соч. в 12-ти т. – Т.5. – М.: Наука, 1958.

10. Федоров В.А. История России 1861-1917. М.: Высшая школа, 1998.

11. Широкорад А.Б. Россия-Англия: неизвестная война 1857-1907. М.: АСТ, 2003.

A.V. Chernikov, candidate of historical sciences, Reader of Department of history of the state and law Kursk State Agricultural Academy (Kursk)

FROM RUSSIAN-FRENCH ALLIANCE TO ENTENTE: EVOLUTION FROM DEFENSIVE ALLIANCE TO WORLD WAR

The article analyses the problems of the Russian-French Defensive Alliance origin . There is an opinion that in contrast to Entente the Russian-French Alliance is a factor of stabilization of the international relations at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

Key words: *The Russian-French Alliance, Entente, Central States, Triple Alliance*

УДК 93/392

Красильникова Е. И., канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет» (Новосибирск) (e-mail: katrina97@yandex.ru)

ИЗ ИСТОРИИ ОМСКОГО НЕКРОПОЛЯ: ШЕПЕЛЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Статья посвящена характеристике контингента лиц, погребенных в начале XX в., а также в военно-революционный период на несуществующем в настоящее время Шепелевском кладбище Омска. Используя неопубликованные материалы из коллекции великого князя Николая Михайловича и метрические книги приходов омских церквей, автор восстанавливает имена людей, считавшихся в указанный период выдающимися и достойными памяти. Сделан вывод о тенденциозности и политической обусловленности отбора материалов для коллекции великого князя. Также автор отмечает значимость Шепелевского кладбища, как памятного места сторонников режима А. В. Колчака.

Ключевые слова: *риск, политический риск, политические идеологии, идеологический дискурс, политическая коммуникация.*

***

Исторический некрополь Сибири представляет собой мало изученную, но актуальную научную проблему. Еще в начале XX в. в нашем регионе появились первые некрополисты из числа священнослужителей, работавшие над описанием могил и надгробных памятников выдающихся людей. Организатором этого проекта выступил великий князь Николай Михайлович – инициатор изучения, так называемого «Русского провинциального некрополя». С 1908 г. по заданию великого князя выполнялись копии с надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян, а также наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий [4, с. 46–47]. Важность сбора этих данных обосновывалась с точки зрения истории и генеалогии. В проекте приняли участие и омичи. Однако до сих пор материалы из коллекции Николая Михайловича, собранные в Омске и хранящиеся в Российском государственном историческом архиве [3, оп. 2, д. 24], не публиковались и не использовались современными исследователями. При этом ценность данных материалов несомненна. Используя их сегодня, мы не только можем восстановить имена лиц, погребенных на старых омских кладбищах, но и составить некоторое представление о характере исторической памяти омичей начала XX в.

В 2000-х гг. в Омске, как и по всей стране, возродился интерес к некрополистике, как к актуальной краеведческой проблематике. Наиболее заметным промежуточным итогом работы современных омских некрополистов стала, опубликованная в 2005 г. книга «Омский некрополь», где приведены сведения о снесенных омских кладбищах и биографические статьи о некоторых (выдающихся с точки зрения авторов издания) лицах, погребенных на этих кладбищах [2]. В настоящее время омичами ведется работа по подготовке второго тома издания. Представленной здесь статьей, выполненной на материалах коллекции великого князя Николая Михайловича и метрических книг омских православных приходов, мы вносим собственную лепту в изучение специфики исторического некрополя Омска. В центре нашего внимания – Шепелевское кладбище, которое активно использовалось омичами в начале XX в., но к настоящему времени полностью уничтожено и застроено. Цель данного исследования состоит в характеристике на отдельных, наиболее ярких примерах, контингента лиц, покоившихся в начале XX в., а также в военно-революционный период на Шепелевском кладбище Омска. При этом в задачи нашего исследование входит не только возвращение Омску забытых имен, но и определение аксиологических оснований

коллективной памяти городского сообщества начала XX в., лежащих в основе отбора лиц «достойных памяти».

Шепелевское кладбище, являвшееся самым большим в городе, было основано во второй половине XIX в. Его использовали, главным образом, жители правобережной части Омска. Кладбище располагалось на окраине, между улицами Гусарова и Чернышевского, за 1-й Ремесленной [2, с. 20]. К 1917 г. кладбище состояло из общегражданского, холерного, военного и участка кладбища военнопленных. Оно находилось под наблюдением Крестовоздвиженской и Кладбищенской церквей. В ходе просмотра метрических книг этих и других храмов Омска нами замечено, что в дореволюционный период и на этапе Гражданской войны земле Шепелевского кладбища было предано значительное количество останков людей, имевших в те годы очень высокий социальный статус. Это подтверждают и списки, составленные первыми омскими некрополистами из числа духовных лиц. В 1909 г. некрополистами были зафиксированы могилы дворян А. М. Яновского (ум в 1895 г.), являвшегося мировым судьей и статским советником; почетного каноника Ф.-А. Е. Сенчиковского (1907 г.) [3, оп. 2, д. 24, л. 17.]. В годы Первой мировой и Гражданской войн здесь появилось значительное число могил дворян: жительницы Омска Е. В. Васильевой (ум. в 1919 г.) [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, Л. 776 об.], действительного статского советник из Симбирской губернии Н. С. Волкова (ум. в 1919 г.) [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 611 об.], директора Волжско-Камского банка А. К. Двиняшинова (ум. в 1918 г.) [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 551], А. Д. Косоловского из г. Волдая Новгородской губернии (ум. в 1919 г.) [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 950], новорожденного сына дворянки из г. Вильно Е. А. Мазивской (ум. в 1917 г.) [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 101 об.], омских дворянок В. П. Сосуновой (ум. в 1915 г.) [1, оп. 6, д. 1210, л. 13 об.] и Д. П. Сосуновой (ум. в 1919 г.) [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 570], Т. С. Симонова, переехавшего в Омск из Курска (ум. в 1919 г.) [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 551 об.] и др.

В числе чиновников высших рангов (первой группы чиновничества) и членов их семей, упокоившихся конце XIX – начале XX вв. на Шепелевском кладбище омские священнослужители в 1909 г. называли, в частности: статских советников И. Е. Андреева (ум. в 1907 г.), И. И. Емельянова (ум. в 1877 г.), И. А. Камше (ум. в 1905 г.); коллежских советников С. Г. Петрова (ум. в 1894 г.), И. Ф. Гусева (ум. 1890 г.) и др. [3, оп. 2, д. 24, л. 17–18] К периоду Первой мировой и Гражданской войн относятся могилы вдовы статского советника Л. А. Могилянской (ум. в 1917 г.) [1, оп. 6, д. 1325, л. 84 об.]. Чиновником высокого VI ранга был также коллежский советник В. П. Софийский (ум в 1915 г.) [1, оп. 6, д. 1210, л. 151 об.], упокоившийся на Шепелевском кладбище.

Дореволюционный Омск называли городом военных и чиновников. Это обстоятельство отразилось на характере омского некрополя. На Шепелевском кладбище было много могил коллежских асессоров и членов их семей, встречались здесь и захоронения чиновников более высоких рангов, к примеру, титулярных советников, их родных и близких. В качестве примеров можно упомянуть могилы титулярного советника Н. П. Решетинского (ум. в 1882 г.) [3, оп. 2, д. 24, л. 17] и вдовы титулярного советника Т. Д. Соловьевой (ум. в 1919 г.) [1, оп. 6, д. 1451, л. 395 об.].

Обращают на себя внимания и имена почетных граждан, живших в Омске и похороненных после смерти на Шепелевском кладбище. К примеру, в их числе были А. Капенцев (ум. в 1910 г.) [1, оп. 6, д. 888, л. 109 об.]; Ф. Я. Муратовский (ум. в 1915 г.) [1, оп. 6, д. 888, л. 130 об.]. Хоронили здесь своих близких и представители купечества, к примеру, Щербинины [1, оп. 6, д. 888, л. 171 об.] и Перфильевы. И. Я. Перфильев, умерший в 1895 г., был внесен в список дореволюционных омских некрополистов, как купец первой гильдии и почетный гражданин [3, оп. 2, д. 24, л. 19]. В качестве благотворителя, строившего Крестовоздвиженскую церковь, был отмечен купец Н. И. Скалетов (ум в 1870 г.) [3, оп. 2, д. 24, л. 19 об.].

Среди могил духовных лиц на Шепелевском кладбище можно назвать могилы священников: Владимира (Побе-

динского), служившего в омском Воскресенском соборе (ум. в 1893) [3, оп. 2, д. 24, л. 17]; законоучителя Омского уездного училища Иоанна (Надеждинского) (ум. в 1907) [3, оп. 2, д. 24, л. 17]; Федора (Былкина), служившего в селе Ильинке Омского уезда (ум. в 1919 г.) [1, оп. 6, д. 1451, л. 601 об.].

Заслуживают внимания и могилы представителей интеллигенции, внесшей свой вклад в социокультурное развитие города предвоенных лет и в периода Гражданской войны. В списке дореволюционных некрополистов фигурировали фамилии учителей гимназии И. П. Лебедева (ум. в 1903 г.), Э. Н. фон Штерна (ум. в 1902 г.), смотрителя Приготовительного пансиона Сибирского казачьего войска Н. А. Попова (ум. в 1892 г.); доктора медицины Н. Л. Зеланда (ум. в 1902 г.); врача А. Ф. Дьяконова (ум. в 1886 г.), лекарей военного госпиталя Н. М. Карповского (ум. в 1842 г.); И. С. Попова (ум. в 1866 г.) и др. [3, оп. 2, д. 24, л. 18 об.]. Многие из представителей интеллигенции, жившей в Омске, встретили смерть в период отступления колчаковских войск морозной осенью-зимой 1919 г. из опальной столицы. Среди них были учительница Омского уезда Е. Н. Усольцева [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 565 об.]; преподаватель омского среднего сельскохозяйственного училища, агроном, имевший воинское звание подпоручика П. Н. Комаров [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 314 об.]. Светлой памяти достойны медики, боровшиеся за жизни тысяч омичей и беженцев в разгар тифозной эпидемии и павшие от этой смертоносной болезни. Среди них: врач из Екатеринбурга В. А. Сычнин [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 959 об.]; врач омского эпидемического госпиталя №9 В. П. Ванчагов [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 959 об.]; фельдшер С. Д. Соколов; юная сестра милосердия заразно-эпидемической больницы В. Я. Чувалко [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 975 об.] и др.

Стоит упомянуть и некоторые могилы на Военном (Николаевском) [1, оп. 11, д. 3, л. 468 об.] кладбище, являвшемся участком Шепелевского. Здесь покоились лица разных воинских званий, среди которых были полковник В. А. Логинов (ум. в 1891 г.), подполковник И. А. Вахлачев (ум. в 1880 г.), братья А. А. Акулин – полковник и А. А. Акулин, подполковник, умершие в один год (1907) и др. [3, оп. 2, д. 24, л. 17об.–18]. Даже по формальным записям метрических книг заметна выраженная политизация отдельных смертей и похорон, имевших место в 1918–1919 гг. Так, в апреле 1919 г., после гибели молодого знатного дворянина Е. Н. Дурново, воспитывавшегося в омском кадетском корпусе, священник Воскресенского военного собора в графе «причина смерти» записал: «жертва насилия большевиков» [1, оп. 11, д. 1, л. 389 об.]. На военном кладбище было много могил рядовых, солдат, ратников, стрелков, унтер-офицеров [1, оп. 11, д. 3], погибших от ран в омских лазаретах, или от тифозной заразы, которая начала выкашивать армию Колчака уже летом 1919 г. Здесь же в период Гражданской войны были погребены добровольцы Чехословацкой армии. Колчаковская городская управа потрудилась над тем, чтобы облагородить этот участок, построив ограждение, изготовив надгробия в виде крестов и украсив могилы [2, с. 171]. Чехословацкий гарнизон выражал городской управе благодарность и надежду на сохранение могил их соотечественников в порядке после ухода чехов из города. На этом кладбище покоились также военнопленные и военные медики.

Примечательно и то, что Шепелевское кладбище хранило память о тех, кого большевики после восстановления советской власти обычно причисляли к «колчаковской своре». В 1918–1919 гг. на Шепелевском кладбище были погребены: главный казначей при штабе Верховного главнокомандующего А. Д. Кислицин [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 784 об.]; умерший летом 1919 г. от ран поручик отряда генерала В. О. Каппеля М. В. Семенов [1, оп. 6, д. 1451, т. 3, л. 613 об.] и др.

В начале XX в., а также в военно-революционные годы Шепелевское кладбище не считалось мемориальным. Более престижным кладбищем Омска являлось Казачье. Однако, приведенные нами примеры, позволяют увидеть много примеров погребений лиц, биографии которых заслуживают внимания краеведов. В начале XX в. исторический некро-

поль представлял собой наиболее традиционное, теснейшим образом связанное с религиозной составляющей культуры памяти место, так, или иначе, актуальное для всех слоев населения западносибирского города. Некрополь ассоциировался, прежде всего, с эмоциональной коллективной памятью семьи и христианским отношением к памяти о предках. Кроме того, в инициативе великого князя Николая Михайловича, направленной на изучение провинциального некрополя, отразилась заинтересованность консерваторов в разработке новых культурных ресурсов власти, в числе которых могли быть и провинциальные некрополи – своего рода «доски почета», хранилища памяти о тех, кто выступал социальной опорой монархии (прежде всего, дворяне, иерархи церкви, чиновники, высшие военные чины), а также и тех, кто воспринимался, как верные подданные, посвятившие жизнь службе государю и народу (учителя, приходские священники, почетные граждане и пр.). Благодаря сохранившимся источникам мы можем судить о том, какие именно омские могилы начала XX в. официально признавались достопримечательными. В военно-революционный период, несомненно, происходила переоценка памяти. Разные политические силы чтили могилы своих героев. С середины 1918 до конца 1919 г. Омск находился под властью «контрреволюционных» сил, соответствующими были и, навязываемые обществу, контексты коллективной памяти об умерших омичах. Отдельные «героические» смерти белогвардейцев высвечивала колчаковская печать. Параллельно в Омске, как и в других городах региона, формировался «героический» некрополь большевистского подполья, однако с историей Шепелевского кладбища этот сюжет практически не имеет связи. По нашему мнению это обстоятельство и послужило оной из основных причин неприязни местных органов власти советского периода к Шепелевскому кладбищу и его разрушения.

Список литературы:

1.Государственный исторический архив омской области. Фонд - 16. Омская духовная консистория, 1722–1921.
2.Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск, 2005. 231 С.
3.Российский государственный исторический архив. Фонд. 549. Управление делами великого князя Николая Михайловича МИДВ, 1825–1918.
4.Шилов Д. Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: история создания, неопубликованные материалы. М., 2010. 172 с.

Krasilnikova E. I. PhD (History), Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk), (e-mail: katrina97@yandex.ru)

FROM THE HISTORY OF OMSK NECROPOLIS: SHEPELEVSKOE CEMETERY (END XIX - EARLY XX CENTURY)

Article is devoted to the contingent of people buried in the early twentieth century, as well as in the military-revolutionary period, at Omsk Shepelevskoe cemetery? Which no longer exists. Using unpublished material from the collection of the Grand Duke Nicholas Mikhailovich and metric books parishes Omsk churches, the author reconstructs the names of people considered to be issued and worthy of memory. It is concluded that the bias and political conditionality selection of materials for the collection of the Grand Duke. The author also notes the importance of Shepelevskoe cemetery memorial site as supporters of the regime Kolchak.

***Key words**: historical necropolis, cemetery, memorial place, Omsk.*

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013

Е.А. Алисов, д-р пед. наук, профессор, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: evgeny.alisov@rosi-edu.ru)

ОГРАНИЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье рассматривается феномен психологической безопасности личности с ограниченными возможностями здоровья в условиях современной образовательной среды. Дается терминологический анализ понятий «возможность», «опасность», «психологическая безопасность». Оценивается потенциал арт-терапевтических методов в решении вопроса обеспечения психологической безопасности образовательной среды.

***Ключевые слова**: образовательная среда, безопасность личности, ограниченные возможности здоровья.*

***

В современных психолого-педагогических теориях развития личности принципиальное значение приобретает терминологически оформленный локус «возможностей». В философском контексте под возможностью понимают то, что может возникнуть и существовать при определенных условиях, стать действительностью. Возможность трактуется обычно как средство, условие, обстоятельство, необходимое для осуществления чего-нибудь.

Аспект *возможности* для раскрытия как уже имеющихся способностей и личностных особенностей ребенка, так и еще не проявившихся интересов и способностей исключительно важен в раскрытии феномена образовательной среды. Изучив роль среды в жизнедеятельности индивидуума, Ю.С. Мануйлов установил, что среда, оказывая и развивающее, и формирующее влияние на систему, соответственно предоставляет свободу выбора и *ограничивает выбор возможностей*: «Среда развития – это среда со множеством степеней свободы и непроявленных возможностей» [8, с. 38]. При этом, чем шире круг возможностей, тем вариативнее развитие индивидуума, ведущее к появлению индивидуально-неповторимого в личности, и наоборот: «если развитие индивидуальности связывается со свободой выбора, то, следовательно, чем шире возможности, предоставляемые средой, тем неповторимее окажется жизненный путь и самобытнее личность» [Там же].

Оформились эколого-личностный, коммуникативно-ориентированный, антрополого-психологический, психодидактический, экопсихологический и другие подходы к рассмотрению феномена образовательной среды, и в абсолютном большинстве из них содержится необходимая установка на обеспечение возможностей развития личности. Так, в частности, В.А. Ясвин определяет образовательную среду как «систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также *возможностей* (курсив наш. – Е.А.) для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [11, с. 97]. Феномен образовательной среды проявляет себя в социокультурном локусе сферы образования. Особенности среды должны учитываться педагогом, психологом, поскольку педагогическое влияние на человека всегда «опосредуется», т.е. воспринимается двояко: и как относительно автономным индивидом, и

как частью вполне конкретной социокультурной среды [1, с. 8].

В рамках средового подхода рассматриваются также и возможности собственно образовательной среды (не только субъекта в ней). Педагогическое обоснование средового проектирования актуализирует проблему прогнозирования разрешающих возможностей образовательной среды, определяя тем самым условные границы потенциально осуществимых преобразовательных действий с компонентами среды. Эти границы могут подвергаться как тенденции ограничения, так и тенденции расширения указанных возможностей.

Ограничение возможностей, безусловно, не может трактоваться с позитивных позиций, вне зависимости от теорий, подходов, концепций и пр. Понятие ограничения рассматривается с разных точек зрения и соответственно поразному обозначается в разных профессиональных сферах, имеющих отношение к человеку с нарушенным развитием. В основе педагогической классификации [12, с. 103] лежат характер особых образовательных потребностей лиц с ограниченными возможностями здоровья и степень ограничения возможностей.

Таким образом, особым педагогическим статусом определяется образовательная среда для лиц с ограниченными возможностями (здоровья). Безусловная сложность организации эффективного педагогического процесса касается случаев, когда ограничения касаются как значимых в аспектах развития возможностей образовательной среды, так и возможностей субъектов этой среды. Чем грозит такое многоплановое ограничение возможностей?

Ограничение возможностей образовательной среды, в которой развивается субъект с ограниченными возможностями, чревато возникновением разного рода опасностей. Понятие «опасность» используется для характеристики способности процесса жизнедеятельности наносить вред. Опасность – негативное свойство материи, способное причинить ущерб самой материи: людям, природной среде, материальным ценностям.

К опасностям и угрозам для здоровья в образовательной среде Л.А. Регуш относит несоответствие уровня требований учебного предмета возможностям обучающегося, трудности контакта обучающегося и учителя в учебной деятельности, пассивную позицию обучающихся, отсутствие интеграции между различными предметами и трудности обучающихся в успешном выполнении домашних заданий [10, с. 323]. Все это касается, прежде всего, детей, которые изначально не испытывают видимых проблем со здоровьем. В случае детей с ограниченными возможностями здоровья степень опасности, в частности, упомянутых факторов многократно возрастает.

«Явление безопасности входит не только в число глобальных проблем человечества, но и выступает основой сохранения и развития любого социального организма. Поэтому тенденция качественного изменения современного мира как на разных уровнях взаимоотношений природы и общества, так и в различных сферах общественного бытия (социального, экономического, политического, культурного) с необходимостью требует, с одной стороны, теоретико-методологического осмысления безопасности (уточнение принципов научного исследования и категориально-понятийного аппарата), а с другой – определение философии безопасности в контексте нового мироотношения и миропонимания (геокультурного и гуманитарного). Феномен безопасности на всех этапах развития человеческого сообщества никогда не утрачивал своей актуальной практической значимости, имея не только разные формы проявления, но и различное содержание и смысл» [3, с. 93].

Безопасность – это такое явление, без которого не могут нормально развиваться ни личность, ни социальная организация, ни общество, ни экономика, ни,

тем более, государство. В отношении образовательного учреждения целесообразно рассматривать его комплексную безопасность – состояние защищенности образовательного учреждения от реальных и прогнозируемых угроз социального, техногенного и природного характера, обеспечивающее его безопасное функционирование [6, с. 8]. Социальная безопасность, в структуру которой входит и психологическая безопасность, означает выполнение социальными институтами своих функций по удовлетворению потребностей, интересов, целей всего населения страны.

Остановимся подробнее на психологической безопасности образовательной среды и значении ее обеспечения для лиц с ограниченными возможностями. Психологическая безопасность личности проявляется в ее способности сохранять сопротивляемость в среде с определенными параметрами, в том числе, и с психотравмирующими воздействиями, сопротивляемости деструктивным внутренним и внешним воздействиям и отражается в переживании своей защищенности/незащищенности в конкретной жизненной ситуации.

Целесообразно рассматривать понятие психологической безопасности на разных уровнях. М.Ю. Михайлина выделяет [9]:

– уровень общества – психологическая безопасность как характеристика национальной безопасности, в структуре которой присутствует социальная безопасность, что означает выполнение социальными институтами своих функций по удовлетворению потребностей, интересов, целей всего населения страны, фактически обеспечивая качество жизни;

– уровень локальной среды обитания – это семья, ближайшее окружение, референтные группы, учебные группы;

– уровень личности, в которой возникает аспект переживания своей защищенности – незащищенности, когда возможно говорить о понимании и представлении о психологическом насилии и когда конкретные поведенческие акты способствуют нарушению безопасности другого или саморазрушению.

И.А. Баева в концепции психологической безопасности образовательной среды отмечает, что основной угрозой во взаимодействии участников образовательной среды является получение психологической травмы, в результате которой наносится ущерб позитивному развитию и психическому здоровью, отсутствует базовое удовлетворение основных потребностей [2, с. 119].

К психологическим характеристикам образовательной среды, способствующим сохранению и обеспечению психологической безопасности, относят доброжелательную атмосферу, высокие ожидания от работы обучающихся без предвзятости, высокий уровень вовлеченности в среду и обучение социальным навыкам взаимодействия, повышение родительского и общественного участия, поддержку обучающихся в период возрастных кризисов, удовлетворенность взаимоотношениями между участниками образовательной среды, уважительное отношение, возможность обратиться за помощью, внимание к просьбам и предложениям и другое.

Понятие *психологической безопасности* неоднородно. Оно определяется как:

1) состояние сохранности психики человека;

2) сохранение целостности личности, адаптивности функционирования человека, социальных групп, общества;

3) устойчивое развитие и нормальное функционирование человека во взаимодействии со средой (умение защититься от угроз и умение создавать психологически безопасные отношения);

4) возможности среды и личности по предотвращению и устранению угроз;

5) состояние среды, создающее защищенность или свободное от проявлений психологического насилия во

взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость/причастность к среде и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников.

Наиболее важными условиями образовательной среды, создающими и обеспечивающими психологическую безопасность, являются:

1) доброжелательные взаимоотношения (включают в себя доверие друг к другу, внимание и уважение, психологическую поддержку, заботу о безопасности каждого члена коллектива и др.);

2) дисциплина [10, с. 265].

Для обеспечения психологической безопасности образовательной среды, как отмечают Г.М. Коджаспирова и А.Ю. Коджаспиров, необходимо: изучение образовательной среды образовательного учреждения и выявление оценки со стороны педагогов, обучающихся и их родителей состояния ее психологической безопасности; выявление состояния психического здоровья обучающихся и учителей путем диагностики их личностных, эмоциональных и коммуникативных состояний; установление взаимосвязи между показателями психологической безопасности образовательной среды и характеристиками психического здоровья ее участников; оценка эффективности деятельности педагогического коллектива образовательного учреждения по реализации программы создания психологической безопасности образовательной среды и обеспечения ее оптимального функционирования; обоснование технологии и организация мониторинга психологической безопасности образовательной среды в образовательном учреждении; создание технологий сопровождения субъектов образовательного процесса, снижающих риски психологической безопасности и проявления психологического насилия в образовательной среде [6, с. 274].

Характеризуя критерии психологической безопасности образовательной среды, Р.Р. Зинатуллина отмечает: «Идея референтности кажется достаточно конструктивной для обоснования важности психологической безопасности параметров образовательной среды. Референтность среды может рассматриваться как значимость в плане влияния на установки личности. Окружение, будучи референтным, выполняет, по крайней мере, две функции: 1) нормативную, проявляющуюся в том случае, когда группа рассматривается в качестве носителя норм, стандартов поведения, устанавливающих и усиливающих нормы и стандарты поведения личности; 2) сравнительную, проявляющуюся тогда, когда группа служит объектом сравнения, по отношению к которому личность оценивает себя и других. …Удовлетворенность образовательной средой влияет на принятие решения о продолжении образовательной деятельности (учителями, родителями), учебной деятельности (учащимися), организаторской деятельности (администрацией) – той деятельности, которая составляет основу образовательной среды и определяет ее эффективность» [5, с. 167 – 168].

Контрастным по отношению к психологической безопасности, характеризуемой в качестве условия проявления творческого потенциала личности, может быть рассмотрение экстремальных условий как стимулятора творчества, осуществленное Н.В. Жилкиной. В частности, автор указывает: «Попытки всесторонне исследовать протекание процесса создания произведений или открытий у признанных творческих личностей подтвердили наличие необходимости особенных условий для продуктивной творческой деятельности. Эти условия могут быть как объективными, так и субъективными. К объективным условиям относятся: время года, время суток, погода, ландшафт, семейное окружение в детском возрасте, способы воспитания, физическое увечье или недомогание, эмоциональное переживание или потрясение, первоначально не связанное с предметом

творчества, непризнание общественностью – все то, что влияет на творческую продуктивность личности не зависимо от ее воли. К субъективным условиям можно отнести различного рода искусственные стимуляторы, выявленные индивидом в процессе творчества, как оказывающие особое влияние на его творческую продуктивность и используемые им с этой целью. По степени воздействия на творчество индивида обе группы стимуляторов могут быть идентифицированы как экстремальные условия творческой деятельности и органично вписаны в любую форму творческой экстремальности. Использование подобных стимуляторов для повышения продуктивности творческого процесса можно обозначить как создание экстремальных условий деятельности самому себе» [4, с. 94].

В решении вопроса обеспечения психологической безопасности образовательной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья обращают на себя внимание альтернативные традиционным методы. В частности, к ним можно отнести методы арт-терапии. Л.Д. Лебедева указывает на то, что психологическая безопасность в данном случае может быть достигнута открытыми и доверительными отношениями, безоценочным принятием любого творческого продукта, независимо от эстетической ценности, позитивными ожиданиями, созданием ситуаций успеха, эмоциональной и психологической поддержкой. Она отмечает право субъекта на свободу выбора подходящих видов, содержания, материалов для творческой деятельности, а также возможность работать в собственном темпе сообразно своей индивидуальности. В числе *ограничений*, предпринятых в арт-терапевтической работе с целью обеспечения психологической безопасности личности, выделяется запрет на: агрессивное выражение эмоций и чувств, деструктивное поведение, сравнительные и оценивающие суждения, негативные оценки, отметки, критику, наказания [3].

В качестве полноценных арт-терапевтических условий обеспечения психологической безопасности образовательной среды могут быть рассмотрены варианты организованных на базе Реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями г. Курчатова студии бисеро-, лозоплетения, гончарного искусства, несомненно, способствующие не только расширению возможностей дополнительного образования лиц с ментальными нарушениями, но и целенаправленному развитию их творческих способностей.

Список литературы:

1. .Алисов, Е.А. Психологическая и экологическая безопасность креативной образовательной среды / Е.А. Алисов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Педагогика и психология. – 2014. – № 1 (27). – С. 8 – 18.

2. .Баева, И.А. Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоров3.ье школьников. – СПб., 2002. – 236 с.

3. Викторов, А.Ш. Введение в социологию безопасности. Курс лекций / А.Ш. Викторов. – М.: «Канон», 2008. – 568 с.

4. Жилкина, Н.В. Феномен экстремальности в творчестве: культурологический аспект: дисс. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Н.В. Жилкина. – Тамбов, 2000. – 159 с.

5. Зинатуллина, Р.Р. Критерии и показатели психологической безопасности образовательной среды // Вестник ВЭГУ. – 2008. – №1 (33): Педагогика. Психология. – С. 167 – 168.

6. Коджаспирова, Г.М., Коджаспиров, А.Ю. Безопасность образовательной среды детских учреждений: психолого-педагогический аспект: учебное пособие. – М.: Экон-Информ, 2009. – 386 с.

7. Лебедева, Л.Д. Психологическая безопасность личности в арт-терапевтической работе [Электронный

ресурс]: Режим доступа: http://lib.druzya.org/art-ter/.view-lebedeva-art.txt.full.html (дата обращения: 7.10.2014).

8. Мануйлов, Ю.С. Средовой подход в воспитании / Ю.С. Мануйлов: Ун-т Рос.акад. образования. – 2 изд., перераб. – М.; Н. Новгород, 2002. – 155 с.

9. Михайлина, М.Ю. Психологическая безопасность образовательной среды как основание для проектирования и моделирования оптимальных условий обучения и воспитания / [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.sgu.ru/files/nodes/46640/Mihailina.pdf (дата обращения: 6.11.2013).

10. Педагогическая психология / Под ред. Л. Регуш, А. Орловой. – СПб.: Питер, 2010. – 416 с.

11. Ясвин, В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

12. Warnok M. Sound Bite, Winter. – 1999. – 218 p.

E.A. Alisov, Doctor of Science, Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: evgeny.alisov@rosi-edu.ru)

PHSYCOLOGOCAL SECURITY OF PEOPLE WITH LIMITED ABILITIES WITHIN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

In the article the phenomenon of psychological security of a person with limited abilities within modern educational environment is under consideration. The terminological analysis of the concepts «chance», «danger», «psychological security» is given. Potential power of art and therapeutic methods in the solution of a problem of ensuring psychological security is estimated.

Key words: *educational environment, security of a personality, limited abilities.*

УДК 159.923

С.А. Кравченко, канд. пед. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт», (Курск) (e-mail: iris.007@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНЫХ УСТАНОВОК В СЕМЬЯХ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Статья посвящена одному из направлений в оказании психологической помощи семье, имеющей ребенка с ограниченными возможностями, формированию толерантных установок. Толерантность личности родителей представляется как значимый ресурс в развитии ребенка и преодолении возникающих трудностей. Рассматриваются составляющие комплексного решения проблемы

Ключевые слова: *толерантность, толерантные установки личности, векторы толерантности, диалоговая позиция.*

***

Для оптимального развития и адекватной самореализации человеку с ограниченными возможностями нужна многоаспектная взаимосвязь с обществом, которая устанавливается в процессе социализации, общения, коллективной деятельности. В этих условиях неизмеримо возрастает роль семьи, которая может и должна стать значимым фактором воспитания толерантного отношения общества к детям с отклонениями в развитии.

Так, семья, воспитывающая ребенка с проблемами в развитии, сталкивается с жизненными трудностями, характерными для любой семьи, но и имеет свои специфические нарушения: во взаимоотношениях ребенка с родителями, в системе взаимного влияния членов семьи. Тяжелые нарушения семейных представлений и переживания родителей приводят к нарушению социально-психологического состояния семьи. Возможность выйти на путь совладания с трудностями зависит от умения родителей принять особенности развития ребенка и организовать свое поведение соответственно его способностям.

В связи с этим возникает необходимость сохранения и поддержания психического и психологического здоровья членами семей с ребенком, имеющим ограниченные возможности в развитии, так как именно они являются тем ресурсом для ребенка, который вселяет уверенность, дает силы к преодолению трудностей. Поскольку семья является первичной средой развития ребенка, члены семьи, формирующие эту среду, должны стать первыми, кому оказывается социальная, педагогическая, психологическая помощь и содействие в случае рождения больного ребенка [1].

Поэтому очень важным в работе с такой семьей выступает направление по формированию толерантных установок личности.

В научной литературе толерантность рассматривается многоаспектно, но главным содержанием является «уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований и отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения» [2, с.180]. В своей основе толерантность предполагает готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия. Толерантность не должна сводиться к индифферентности, конформизму, ущемлению собственных интересов. Она подразумевает взаимность и активную позицию всех заинтересованных сторон.

Толерантность является важным компонентом жизненной позиции зрелой личности, имеющей свои ценности и интересы и готовой, если потребуется, их

защищать, но одновременно с уважением относящейся к позициям и ценностям других людей. Это активность, направленная на расширение круга личностных ценностных ориентаций за счет позитивного взаимодействия с другими. Так в понятие толерантности закладывается подтекст обогащения культурным достоянием, социальным опытом.

Понятие «толерантность» хотя и отождествляется многими источниками с понятием «терпение», имеет более яркую активную направленность. «Толерантность - не пассивное, не естественное подчинение мнению, взглядам и действиям других, не покорное терпение, а активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания…» [3,с.63].

Как установка, толерантность носит характер добровольного индивидуального выбора; она не навязывается, а приобретается через информацию и личный жизненный опыт.

Установка – это особый психический механизм, наличие которого выражает способность индивида к опережающему отражению действительности. Содержанием установки является нечто в психике, «заданное наперед», «определенное» на будущее [4,с.76].

Начинается установка с оценки, положенной в основу осознанного или неосознанного отношения индивида к чему-либо, направляющего определенным образом его поведение. Наполняясь потребностным возбуждением, это отношение может преобразовываться в цель, становящуюся ориентиром действий.

Благодаря установке психическая деятельность организуется так, что, даже забывая на время свою цель, индивид может ей следовать фактически. Установка позволяет также преодолевать сиюминутные отвлечения, а вернее, отвлекаясь на текущее, не терять направленности действий на главное. Понятие установки частично совпадает с понятием привычки, склонности, черты характера. Поэтому наличие прочно закрепившихся толерантных установок определяет стиль поведения индивида и позволяет делать выводы о его характере.

В содержании толерантности родителей детей с ограниченными возможностями в свою очередь можно выделить два вектора. С одной стороны, и в главную очередь, по отношению к собственным детям и принятию их особенностей. С другой стороны, в семье, воспитывающей особого ребенка, зреет та движущая сила, тот ресурс толерантности, который способствует созданию условий для интеграции в окружающее сообщество. Постоянно находясь в нашем обществе «на особом положении», родители вынуждены «выстраивать» нормальные взаимоотношения, «договариваться» с людьми, для которых жизнь такой семьи порою непонятна и не принимаема. Такое «преимущественное положение» дает возможность родителям построить толерантный и конструктивный диалог и с представителями власти. Если чиновник поддержит такое стремление, возникнет плодотворное взаимодействие, позволяющее снизить напряженность и двигаться к намеченной цели.

Таким образом, модель «человека понимающего» и стоящая за ним идея диалога, в котором участники, сохраняя свое личностное ядро, обогащают и дополняют его экзистенциальным опытом собеседника, является наиболее конструктивной. Диалог – это условие развития, как интеллектуального, так и личностного, социально-культурного.

Известная диалогическая концепция М.М. Бахтина утверждает диалогическую природу личности и фиксирует онтологическую несамодостаточность личности, для которой диалог с другой личностью есть способ ее наиболее полноценного существования и развития. В этом смысле диалог – это наиболее естественный, полноценный и развивающий способ бытия человека как личности, это «здоровое начало» общения, конструктивный потенциал межличностных отношений, который важно уметь увидеть и поддержать. Соответственно, толерантность, как важнейший атрибут диалога,

будет условием полноценного личностного бытия и развития человека [5].

Наличие диалоговой позиции позволяет снизить конфликтность в общении и принять на себя ответственность за свою жизнь.

Таким образом, толерантность есть приобретенные человеком в процессе жизнедеятельности такие черты, как терпимость, сочувствие, сопереживание. При этом главный признак духовного и интеллектуального развития человека в том, что он понимание, терпение, сочувствие, сопереживание проявляет как свойства активности к другому человеку.

Чтобы помочь семье ребенка с ограниченными возможностями перестуктурировать иерархию жизненных ценностей необходимо приобщение ее к работе с ребенком через максимально полное личное участие в его развитии. Формирование толерантных установок на восприятие своих проблем и проблем своего ребенка возможно при комплексной реализации следующих направлений:

– формирование понимания родителями проблем их ребенка, способствующего переходу в позицию активного взаимодействия с обществом;

– постепенное снижение уровня гиперболизации проблем ребенка, представления о бесперспективности его будущего;

– переориентировка родителей с позиций бездействия на позицию деятельностного общения с ребенком;

– коррекция семейных взаимоотношений, внутреннего психологического состояния родителей;

– коррекция неконструктивных форм поведения и взаимоотношений родителей в социуме;

– повышение личностной самооценки родителей в связи с возможностью увидеть результаты своего труда в успехах ребенка.

Сущность работы по формированию толерантности личности как отношения заключается в оформлении и насыщении следующих ее компонентов[6]:

– мотивационно-ценностного, который определяет смысловую составляющую позиции ненасилия, мотивы помощи, сотрудничества, любви, содействия, сопровождения;

– когнитивного, выражающегося в умении понять происходящее, мотивацию противоположной стороны, способности соотнесения возникшей ситуации со своими знаниями, представлениями, со своим жизненным опытом, на основании чего возможно ее объяснение и предсказание, ее интерпретация и оценка;

– эмоционально-волевого, заключающегося в умении преодолевать раздражительность, невыдержанность, проявлять самоконтроль и саморегуляцию, а при работе над собой выражающегося в эмпатии, любви, уважении и интересе;

– рефлексивного, предполагающего наличие адекватной оценки характера и уровня своего взаимодействия с детьми, имеющими отклонения в развитии, и с окружающим социумом.

В организации работы могут быть использованы такие формы просвещения как консультации, семинары, круглые столы, конференции; для решения практических задач - специально разработанные анкеты, тестовые задания и тренинги [7, с.251-274].

Но толерантность как свойство личности совершенно необходимо и педагогу-психологу для эффективной профессиональной работы с семьей, имеющей детей с ограниченными возможностями. Нельзя быть толерантным специально, на время работы и интолерантным по ее окончании. Иначе это будет терпимость. От слова терпеть. Терпеть придется собственную толерантность, которая на самом деле таковой в этом случае не является.

Если представить некий континуум взаимодействия, то толерантность будет иметь вектор направленности к контакту сдругим (средой), а противоположный полюс к уходу от контакта, либо его разрушению (агрессия), либо избеганию. В этом смысле толерантность тождественна «принятию» – процессу установления контакта в системе «Я – другой», что по словам К, Роджерса, выполняет великую психотерапевтическую функцию, а именно принятие клиентом самого себя. Другими словами, толерантность психолога способна увеличить

толерантность членов семьи, имеющей детей с ограниченными возможностями.

Важно и то, что толерантность к другому – это и зеркальное отношение к себе, к своему собственному внутреннему миру с множеством собственных «я». Толерантность к себе – это принятие своих «я». Это то, что позволяет переживать целостность собственного бытия.

Психолог, который нетолерантен к каким-то частям своего «я», скорее всего неспособен быть толерантным к другому. Справедливо и обратное. Принятие чужого, порою чуждого мнения, суждения, идеи безоценочно (т.е. без агрессии) и без собственной интерпретации (т.е. без защиты) дает шанс проникнуть, хотя бы частично, во внутренний мир другого человека, увидеть ситуацию или событие его глазами, сопережить похожими на его чувствами, услышать его так, как он слышит сам себя. На деле это означает расширение собственного сознания, которое способно так «вмещать больше», а значит делает педагога-психолога богаче, гибче, пластичнее.

Список литературы:

1. Апанасенок А.В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII- начале XX века.- Курск, 2014. - 397 с.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: МГУ, 1987. – 200с.
3. Гриншпун И.Б. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. научн.-метод. ст. – 2-е изд., стереотип. –М.: Изд-во Московск. псих.-соц. инст-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003.- 368 с.
4. Иванова Н.Н. Социальные подходы к социальной адаптации и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья // Социально гуманитарные знания, 2003. –№ 4. – С. 30-38.
5. Клепцова Е.Ю. Психологические условия формирования терпимого отношения педагогов к детям: Дис. … канд. психол. наук. – Курск, 2001.
6. Копьев А.Ф. Психологическое консультирование: опыт диалогической интерпретации // Вопросы психологии, 1990. – № 3. – С.17 - 25.
7. На пути к толерантному сознанию /Отв. ред. А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000. –255 с.
8. Формирование этнической и социально-экономической толерантности в образовательной среде: Уч.-метод. пособ./ Башманова Е.Л., Кравченко С.А., Уварова Е.В., Беляева Е.В., Галанжина Е.С., Кондратьев И.А., Сухих Н.А. /Под общей ред. Башмановой Е.Л, Кравченко С.А., Уваровой Е.В. – Курск: Изд-во РОСИ, 2007. – 352 с.

S.A. Kravchenko, Candidate of Sc., Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: iris.007@mail.ru)

FORMATION OF TOLERANT ATTITUDE IN FAMILIES WITH DISABLED CHILDREN

The article is devoted to one of the areas in providing psychological assistance and formation of tolerant attitudes in families with disabled children the Tolerance of a parent turns out to be a significant resource in the development of a child and helps to overcome appearing difficulties. Components of a comprehensive solution to the problem are considered in the article
***Keywords**: tolerance, tolerant attitude, vectors of tolerance, dialogue position.*

УДК 796.051.3

М.Р. Еникеев, старший преподаватель, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт (Курск) (e-mail: marat_en@mail.ru)

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

В данной статье рассмотрены отдельные аспекты, влияющие на развитие физической культуры и спорта в молодежной среде. Дается анализ некоторых проблем студенческого спорта и отношения к физической культуре и спорту современной молодежи.
Ключевые слова: *молодёжь, спорт, студенты, физическая культура, физическое воспитание, физкультурно-спортивная активность.*

***

XXI век – век бурного развития нано- и информационных технологий, век сумасшедших скоростей и огромного объема поступающей и отправляемой информации, чрезвычайно быстро меняющихся моделей современной техники. Требования, которые сама жизнь предъявляет к человеку как в учебе, так и в работе, постоянно растут, и чтобы их успешно осуществлять – необходимо иметь хорошее здоровье. Крепкое здоровье обеспечивает выносливость организма, позволяет лучше адаптироваться к меняющимся условиям внешней среды: будь то увеличение нагрузки в учебных организациях, либо на предприятиях и производстве, или в быту. Поэтому, чтобы успешно справляться с ежедневными заданиями, которые ставит перед нами жизнь, мы должны заботиться о своем здоровье и укреплять свой организм. Актуальность этой темы бесспорна, так как здоровые люди могут принести наибольшую пользу обществу, да и сам человек, находясь в хорошей физической форме, готов к оптимальному решению повседневных задач.

Хорошее здоровье – наиважнейшая составляющая нашей жизни, которая, в определенном смысле, делает нас успешными. Если по состоянию здоровья приходится пропускать занятия в учебных учреждениях, то это несомненно отражается на качестве и уровне знаний. Отсутствие на рабочем месте в следствие многочисленных болезней сказывается не только на нашем профессиональном уровне, но так же понижает наше материальное состояние. Поэтому, чтобы приносить максимальную пользу обществу, производить здоровое потомство и, как следствие, пользоваться благами жизни и правильно воспитывать подрастающее поколение нужно, конечно, иметь крепкое здоровье и хорошие, полезные привычки. Как правило, каждый из нас хочет стать быть успешными во всем (карьера, заработная плата, уважение коллег и т.д.), а для этого необходимо быть здоровыми и сильными, морально и физически устойчивыми к стрессам, закаленными, выносливыми.

Физическая культура, наряду с другими учебными дисциплинами, призвана обеспечивать успешное и надежное формирование профессиональных знаний, умений и навыков, высокую работоспособность, морально-психологическую основу профессиональной деятельности выпускников вузов различной направленности. Вклад физической культуры в высшее образование должен состоять в обеспечении студентов всеми аспектами знаний о жизнедеятельности человека, о его здоровье и здоровом образе жизни, а также в овладении всем арсеналом практических умений и навыков, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья, развитие и совершенствование его психофизических способностей и качеств.

Многочисленные исследования доказывают, что физическая культура и спорт являются важными компонентами

в адаптации человека к различным видам деятельности, в том числе и профессиональной. С помощью средств и форм физической культуры можно направленно изменять целый ряд показателей не только физического и функционального состояния человека, но и развивать различные психические качества, состояния и свойства.

В связи с тем, что современное высокотехнологичное производство требует повышенного напряжения умственных, психических и физических сил, дополнительных нагрузок на все функциональные системы организма, специфических характерологических особенностей личности специалиста, к современному специалисту предъявляются очень высокие требования: помимо прочных профессиональных знаний он он должен обладать хорошим здоровьем.

С помощью знаний, полученных на занятиях по физической культуре, у студентов должно сложиться целостное представление о процессах и явлениях, происходящих как в природе, так и в нашем организме. Они должны более полно понимать и осознавать возможности современных научных методов познания природы и человека, и владеть этими методами в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Современные условия труда, которые изначально были призваны облегчить учебную и профессиональную деятельность (автоматизация труда, информационные и нано-технологии, современные средств коммуникации), привели к резкому снижению двигательной активности человека, в результате чего развивается гиподинамия, которую можно считать «болезнью цивилизации».

Гиподинамия – снижение нагрузки на мышцы и ограничение общей двигательной активности организма.

Из-за отсутствия необходимых физических нагрузок атрофируется мышечная система, происходят изменения в опорно-двигательном аппарате, нарушается обмен веществ, ухудшается деятельность сердечно-сосудистой, дыхательной, нервной и других систем организма человека.

Особенно губительна гиподинамия для детей и молодежи, ведь потребность в двигательной активности у них гораздо выше, чем у взрослых [4, с.79].

К сожалению, количество академических часов, отведенных на дисциплину «Физическая культура» в вузе не восполняет режим двигательной активности студентов, который по рекомендации ВОЗ составляет 10-14 часов в неделю.

Кроме того, современная молодежь характеризуется другими жизненными позициями и ценностями, у них недостаточная мотивация для сохранения здоровья и ведения здорового образа жизни. Поэтому наряду с вопросами формирования у студентов мотивации к обучению, на базе создания представлений о здоровом образе жизни необходимо решать вопросы формирования потребности к самостоятельным и систематическим занятиям физической культурой [1, с.51].

Приобретение данных знаний способствует изменению отношения студентов к физической культуре, побуждая стать сильными, хорошо физически развитыми.

Вполне понятно, что нельзя насильно заставить студента заботиться о своем здоровье. Студенты не осознают связи между занятиями физической культурой и хорошим здоровьем, так как либо не имеют особых проблем со здоровьем, либо эти проблемы пока компенсируются. Для того, чтобы заставить студентов заниматься физической культурой нужны определенные стимулы.

Наша задача, как преподавателей, состоит в том, чтобы, прежде всего, изменить отношение студентов к физической культуре. Мы должны сформировать у студентов уверенность в том, что решение многих проблем, включая проблемы со здоровьем, зависит от них самих и находится в их руках.

Оптимальная двигательная активность и занятия различными формами физкультурно-спортивной деятельности

найдут поддержку и одобрение со стороны преподавателя.

Преподаватели должны учить студентов не только правильной технике выполнения физических упражнений, но и умению определить свое физическое развитие и функциональную подготовленность, что в конечном итоге позволит управлять состоянием своего здоровья.

Современная психолого-педагогическая наука доказала, что для того, чтобы воспитание студентов было эффективным, необходимо вызвать положительное отношение к тому, что мы хотим у них воспитать.

У студентов на начальном этапе обучения в вузе происходит адаптация к новым условиям. На занятиях по физической культуре формируются новые двигательные умения и навыки, закладываются основы для их дальнейшего совершенствования, развиваются физические качества.

Следует отметить, что необходимо формировать интерес к дисциплине «Физическая культура» начиная с первой встречи преподавателя со студентами. Преподаватели должны создать у студентов общее представление о физической культуре, познакомить с целью и задачами дисциплины «Физическая культура».

От того, насколько доходчиво преподаватель разъяснит необходимость образовательной подготовки по физической культуре в современных условиях, будет зависеть доверие и взаимопонимание студентов и преподавателя, что в значительной степени облегчит дальнейшую работу.

Занятия будут более эффективными, если предлагаемые физические упражнения выполняются охотно и с удовольствием.

Более высокая работоспособность и стремление к дальнейшему овладению двигательными навыками появляется при оценивании студентами своих результатов и достижений. Иными словами, процесс обучения двигательным действиям студентов невозможен без рефлексии, которую понимают как форму теоретической деятельности человека, направленную на осмысление своих собственных действий, как деятельность по самопознанию, раскрывающую специфику духовного мира человека.

Рефлексивный компонент процесса формирования двигательных умений и навыков является необходимым элементом и механизмом его реализации. Он выражается в отображении студентами самих себя, своего здоровья и образа жизни, самоанализе своих знаний, умений и навыков и на этой основе – в умении осуществлять саморегулирование деятельности [2, с.47].

Опыт работы позволяет сделать вывод о необходимости пересмотреть систему оценки достижений студентов.

Как производится оценивание знаний студента в ходе изучения других академических дисциплин? Студент выучил материал и преподаватель, исходя из того, насколько полно и аргументировано студент ответил, выставляет ему оценку. Может ли нерадивый, плохо успевающий студент получить на конкретном занятии хорошую оценку? Теоретически может, если хорошо освоит материал.

На занятиях по физической культуре студенты оцениваются в основном по уровню их физической подготовленности. Может ли студент физически слабый, мало координированный и т.д. получить отличную оценку на занятии по физической культуре? Не теоретически, ни практически не может, поскольку ему будет не под силу выполнить большинство учебных нормативов. Неловкое выполнение упражнений вызывает смех у сокурсников и физически плохо подготовленные студенты остро реагируют на неудачу, насмешку и еще острее начинают испытывать чувство неуверенности, доходящее порой до отчаяния, что неизбежно приводит к потере учебной мотивации. Низкая оценка вызывает нежелание заниматься физическими упражнениями вообще и посещать занятия по физической культуре в частности. Для преодоления этого «замкнутого круга» приходит на помощь система «соревнования с самим собой».

Данная система лучше способствует приобщению студента первого курса к занятиям физической культурой. Содействует развитию у студентов ощущения свободы, достижения внутренней собранности посредством оптимальной психологической раскованности, повышает эмоциональный настрой каждого студента, помогает избежать состояния боязни и страха перед выполнением физических упражнений, развития негативных эмоций.

Предлагается на начальном этапе обучения, в осеннем семестре на первом курсе, завести индивидуальный паспорт здоровья на каждого студента, в который заносятся показатели физического развития и функциональной подготовленности (рост, вес, динамометрия, спирометрия, частота сердечных сокращений, частота дыхания, дыхательные пробы, и т.д.). Затем осуществляется прием контрольных нормативов (таблица 1), предусмотренных учебной программой, результаты по которым также заносятся в дневник [3]. Предполагается проводить мониторинг в конце каждого семестра.

В результате сдачи контрольных нормативов студенты показывают конкретные результаты. В зависимости от результатов ведется личностно-ориентированная работа с каждым студентом на основе индивидуального подхода. В конце весеннего семестра на первом курсе проводится повторное тестирование и анализ результатов.

За каждое превышение собственного результата по нормативам выставляется оценка. Таким образом, за один и тот же результат два студента могут получить разные оценки в зависимости от уровня их физического развития. Например, физически сильный студент теоретически в любое время способен выполнить норматив на хорошую или отличную оценку, не прилагая каких-либо усилий. Физически слабый студент не может показать хорошие результаты при сдаче нормативов, но соревнуясь сам с собой, а не с сильным студентом, он неизбежно улучшает свои собственные результаты. Если студент систематически занимается физической культурой на учебных занятиях в течении учебного года, а кроме того, занимается самостоятельно, выполняя рекомендации преподавателя, он физиологически должен превысить собственные результаты, тем самым преодолев психологический барьер на пути к достижению физического совершенства.

В начале измерение показателей физического развития и функциональной подготовленности проводит преподаватель, затем нужно научить этому самих студентов. Студенты должны научиться самостоятельно, производить измерения антропометрических показателей, измерять давление, частоту сердечных сокращений, определять спирометрию и т.д., а так же уметь провести анализ полученных данных.

Проведённый первый этап исследования и анализ полученных результатов в конце учебного года позволяют убедиться в необходимости пересмотра системы оценивания достижений студентов в области физической культуры.

Перечень контрольных упражнений для оценки физической подготовленности студентов
(юноши и девушки)

1. Сгибание и выпрямление рук в упоре лежа (для девушек руки на опоре высотой до 40 см).
2. Подтягивание на перекладине (юноши).Вис (кол-во сек. девушки).
3. Поднимание туловища из положения лежа на спине, руки за головой, ноги закреплены (кол-во/мин.)
4. Прыжок в длину с места(см).
5. Челночный бег 4х9метров (сек.)
6. Упражнения на гибкость(см.)
7. Упражнения со скакалкой (кол-во/30сек.)
8. Упражнение с набивным мячом (м.)
9. Бег 30 м (сек.)
10. Бег 100 м (сек.)

Таблица №1.

№	Наименование упражнения	юноши			девушки		
		«5»	«4»	«3»	«5»	«4»	«3»

1.	Сгибание и выпрямление рук в упоре лежа	32	27	22	20	15	10
2.	Подтягивание на перекладине (юн. - кол-во) Вис (дев. -сек.)	15	12	9	30	24	18
3.	Поднимание туловища (кол-во/мин.)	55	49	45	42	36	30
4.	Прыжок в длину с места(см).	230	220	200	185	170	155
5.	Челночный бег 4х9 метров (сек.)	9,2	9,6	10,1	9,8	10,2	11,0
6.	Упражнения на гибкость(см)	15	13	8	24	20	13
7.	Упражнения со скакалкой (кол-во/ 30сек.)	70	65	55	80	75	65
8.	Упражнение с набивным мячом(юн.-3кг.дев.-2 кг(м)	7	6,2	0	5,1	5	4	2,5
9.	Бег 30 м(сек.)	4,4	4,7	5,1	5,0	5,3	5,7
10.	Бег 100 м(сек.)	13,8	14,2	15,0	16,2	17,0	18,0

Итак, в заключении следует отметить, что мотивация студентов к физкультурно-оздоровительной деятельности зависит от состояния материально-спортивной базы вуза, личности преподавателя физической культуры, его педагогического мастерства, особенностей воспитательной работы в вузе, традиций семьи студента, социального окружения, физической и моральной подготовленности студента и ряда других факторов.

Важный результат занятий спортом – крепкое здоровье. Регулярная физическая активность с кратковременным увеличением нагрузки до максимально возможной улучшает состояние здоровья каждого человека. Физическая активность рекомендуется всем тем, кто ведёт неактивный образ жизни. Спорт способен не только укрепить человека физически, но и существенно улучшить плохое психическое состояние – беспокойство, апатию, ощущение одиночества, скуку. Как социальный фактор занятия спортом способствуют уменьшению преступности и сокращению числа психических заболеваний. Для человека, занимающегося спортом, ценность жизни становится выше.

Список литературы:

1. Бальсевич, В.К. Физическая культура для всех и для каждого / В.К. Бальсевич. – М.: ФиС, 1988. – 216 с.

2. Карпов, А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. / А.В. Карпов // Психологический журнал. – Ярославль, 2003. – С. 45-57.

3. Курамшин, Ю.Ф. Теория и методика физической культуры / Под ред. Ю.Ф. Курамшин, В.И. Попова. – СПб:СпбГАФК, 1999. – 324 с.

4. Малая медицинская энциклопедия. – М.: Медицинская энциклопедия, 1996. –578 с.

M.R. Enikeev, Lecture, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: marat_en@mail.ru)

BOOST IN STUDENT`S MOTIVATION AT LESSONS OF PHYSICAL TRAINING

Some aspects influencing the development of physical training and sports in the youth environment are considered in the article. The analysis of some problems of students' sports and the modern youth's attitude to physical training and sports is given.

Key words: *youth, sports, students, physical culture, physical education, fitness and sports activities.*

УДК 159.9

Т.В. Иванова, канд. пед. наук, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: mk473942@yandex.ru)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА И ТУРИЗМА

В работе освещаются вопросы, связанные с раскрытием психологических составляющих эффективного делового общения специалиста в сфере социально-культурного сервиса и туризма. Сформулированы психологические компетенции специалиста в данной сфере; показана структура тренинга, развивающего указанные компетенции.

***Ключевые слова**: эффективное деловое общение, социально-культурный сервис и туризм, коммуникативные навыки, профессионализм*

***

В настоящее время формирование профессиональных компетенций специалистов является ключевой задачей в сфере высшего образования. В учебных планах студентов направления подготовки «Социально-культурный сервис и туризм» значительную часть занимают психологические дисциплины. Однако, как отмечают руководители многих крупных отелей, профессионально-коммуникативная подготовка является одним из наиболее узких мест в общей системе профессиональной подготовки студентов, обучающихся по специальности сервис и туризм.

Подготовка специалиста в современном высшем учебном заведении проходит с целью развития необходимых компетенций. Общей компетенцией специалиста в сфере сервиса и туризма является готовность к компромиссу с потребителем по возможному варианту и требуемому качеству обслуживания. Профессиональной компетенцией специалиста в сфере сервиса считается готовность к работе в контактной зоне с потребителем, консультированию, согласованию вида, формы и объема процесса сервиса. Для этого специалист должен знать о структуре, функциях профессиональной коммуникации; средствах и приемах коммуникации; о психологических барьерах, мешающих успешному осуществлению взаимодействия с потребителем услуг. Специалисту в индустрии гостеприимства необходимо уметь выявлять потребности клиента, принимать и уточнять претензии, предлагать решение его проблем. Таким образом, специалист в сфере сервиса и туризма должен уметь находить компромисс в работе с потребителем услуг. Важными навыками в работе с клиентом являются овладение приемами вербального и невербального общения, коммуникативными техниками влияния на собеседника, приемами постановки профессиональных вопросов, рефлексивного слушания, техникой самопрезентации.

Однако не только готовность к работе с потребителями услуг входит в общую компетенцию специалиста в сфере сервиса и туризма, но и стремление к постоянному личностному развитию и повышению профессионального мастерства, способность с помощью коллег критически оценивать свои достоинства и недостатки, делать необходимые выводы. Для того чтобы освоить данную компетенцию, специалист должен знать понятие, свойства, структуру, детерминацию поведения, факторы развития личности. Необходимым умением для работы в коллективе является получение обратной связи от коллег, позволяющей правильно воспринимать и оценивать себя, развивать свои лучшие личностные качества. Также важным в профессиональном общении является умение организовать и провести дискуссию, использовать различные ее формы, владеть навыками стрессоустойчивого

поведения, психологической поддержки.

В целом указанные компетенции являются основой эффективного делового общения, под которым понимается характеристика степени его совершенства, проявляющегося в соблюдении разработанных наукой рекомендаций по эффективной организации и осуществлению коммуникативного взаимодействия в ходе решения профессиональных и деловых задач [1, с.14].

В нашем исследовании мы уделяли внимание коммуникативным навыкам, необходимым в работе с клиентом. Базовыми навыками, лежащими в основе делового общения являются коммуникабельность, активное слушание, самоконтроль в общении. Мы изучили данные навыки у сотрудников гостиниц города Курска. В исследовании приняли участие 50 человек. Среди них администраторы, официанты, портье, бармены, менеджеры.

Для осуществления исследования нами были выбраны три диагностические методики. Первая из них тест-опросник «Коммуникативные и организаторские склонности», предложенная В.В. Синявским, Б.А. Федоришиным. Данная методика позволяет определить умения человека вступать в контакт, оказывать психологическое воздействие на собеседника, пользоваться приемами и способами активизации деятельности, его желание общаться, инициативность.

Умение слушать является основной составляющей процесса общения. Человек, умеющий внимательно слушать собеседника, узнает о его потребностях, мотивах и имеет возможность на него повлиять. Тест «Оценка коммуникативных умений» помог нам выявить уровень сформированности этого навыка [3, с. 50].

Самоконтроль в общении заключается в способности управлять эмоциями, речью в процессе коммуникации. Люди с низким коммуникативным контролем более непосредственны и открыты, но излишне прямолинейны. Люди с высоким коммуникативным контролем постоянно следят за собой, хорошо знают, где и как себя вести, управляют выражением своих эмоций. Методика «Оценка самоконтроля в общении», предложенная М. Снайдером, позволила определить уровень данного навыка.

В результате проведенного исследования, мы получили следующие данные: 60% испытуемых нуждаются в улучшении коммуникативных навыков, 80% специалистов обладают средним, а 20% − низким уровнем самоконтроля в общении. 70% испытуемых владеют средним уровнем умения слушать, 30% − низким. Такой результат не является удовлетворительным для специалистов в сфере сервиса [2, с. 147].

Учитывая полученные результаты, мы разработали тренинг коммуникативных навыков специалиста в сфере сервиса и туризма. Данный тренинг мы проводим со студентами направлений подготовки «Сервис» и «Социально-культурный сервис и туризм». Также он подходит для молодых специалистов на предприятиях индустрии гостеприимства с целью усиления их компетентности в данной профессиональной деятельности.

Занятия включают в себя отработку коммуникативных техник, которые позволяют эффективно работать с клиентом. Первый блок упражнений направлен на повышение эмпатии во взаимодействии. На этом этапе учатся ставить себя на место собеседника, говорить на понятном ему языке, обсуждать конкретные преимущества и возможности с точки зрения собеседника, понимать его эмоциональное состояние, начинать разговор с его точки зрения. В ходе занятий студенты формируют навыки установления контакта, оптимальной психологической дистанции, «подстройки» и «следования» за клиентом, получения информации о состоянии клиента через телесное «отзеркаливание».

Второй блок упражнений развивает умение слушать собеседника. Участники тренинга отрабатывают технику открытых вопросов, обратной связи, невербальных элементов активного слушания, формируют навыки рефлексивно-

го и нерефлексивного слушания, приемы подачи позитивного сигнала.

Третий блок составляют техники ведения беседы с трудным клиентом. На данном этапе продолжается отработка навыка слушания, а также важного умения контролировать эмоции; проявлять понимание, не оправдываясь и не защищаясь; предлагать варианты решения проблемы; достигать согласия с клиентом. Студенты знакомятся с технологией «Я-высказывания» как наиболее конструктивной формой ведения профессиональной психологической беседы.

Четвертый блок включает в себя развитие умения корректно разрешать конфликт. Здесь мы формируем навык конструктивного поведения с помощью техник повторения, конкретизации, выражения понимания, внешнего согласия, нахождения разумного компромисса. В данном блоке рассматриваются психологические барьеры общения, приемы установления доверия, технологии ответа на недоброжелательную критику.

Пятый блок упражнений направлен на повышение продаж. В него мы включили упражнения на установление контакта с клиентом, предвосхищение его потребностей и пожеланий, компетентное убеждение, предложение услуг, эффективную работу с возражениями.

В результате такой работы формируются навыки эффективного делового общения:

- способность к кооперации и групповому взаимодействию, проявляющаяся в рефлексии картины самого себя и своих действий, заботе о развитии собственных способностей;
- владение навыками слушания, понимания клиента, профессионального ведения беседы, корректного поведения в конфликтной ситуации, эффективных продаж;
- четкое определение своих идей, интересов и чувств по отношению к окружающему миру, помощи и поддержке окружающих, открытости новым идеям, готовности экспериментировать и учиться.

Таким образом, происходит формирование основ коммуникативной культуры и деловой этики будущих специалистов в сфере сервиса и туризма.

Список литературы:

1.Власова, Т.И. Профессиональное и деловое общение в сфере туризма: учеб. пособие для вузов / Т.И. Власова, А.П. Шарухин, М.М. Данилова. − М.: Издательский центр «Академия», 2007. − 256 с.

2. Иванова, Т.В. Психологические составляющие эффективного делового общения специалиста в сфере социально-культурного сервиса и туризма. / Научный альманах центрального Черноземья: теоретический и научно-практический журнал. − Курск, Изд-во Финансового университета при Правительстве РФ, 2013. – С.146 – 148.

3. Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина: В 2 т. – М.: Гуманит. Изд. ЦентрВЛАДОС, 2003. – Т. 2. – 248 с.

T.V. Ivanova, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: mk473942@yandex.ru)

PSYCOLOGICAL COMPETENCES OF A SPECIALIST IN THE SPHERE OF SERVICE AND TOURISM

The article deals with psychological aspects of professional business communication in the sphere of social and cultural service and tourism. The training sample suggested in the article might be helpful in forming of the professional skills of a specialist in the sphere of service and tourisms.

Key words: *effective business communication, socio-cultural service and tourism, communication skills, professionalism.*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.139

Л. П. Широбокова, канд. филол. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: lubshir@yandex.ru)

«ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена различным аспектам исследования одной из ведущих текстообразующих категорий – темпоральности как в художественном, так и в юридическом текстах, что свидетельствует о ее важной роли в современной лингвистике текста.
Ключевые слова:*темпоральность, ретроспекция, проспекция, континуум, хронотоп, темпоральная сетка, темпорально-локальная архитектоника*

***

Категория времени или темпоральности является одной из ведущих категорий в современной лингвистике текста. Она всегда была объектом пристального внимания ученых-лингвистов (Н.В. Брускова, И.Р. Гальперин, А.А. Елисеева, М. Н. Левченко, О.И. Москальская, Л.А. Ноздрина, О.М. Семёнова, О.И. Тарасова, З.Я. Тураева и др.) и литературоведов (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев и т. д.). Исследования категории времени можно встретить также и в работах ученых-юристов (Г.И. Петров, П.М. Рабинович, Т.Л. Тенилова и др.).

Однако наиболее значимыми работами по изучению этой категории являются исследования художественного времени (см. работы М.Н. Левченко, Л.А. Ноздриной, О.М. Семёновой, О.И. Тарасовой, З.Я. Тураевой и др.). Следует также отметить, что многие исследователи в своих работах указывали на тесную связь категории времени и пространства (М. М. Бахтин, О. И. Москальская и др.).

М.М. Бахтин, изучая категории времени и пространства, вводит термин «хронотоп», под которым понимается существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. Категории времени и пространства М.М. Бахтин рассматривает как некое единое целое, как «времяпространство», отводя при этом категории пространства второстепенную роль [1, с. 234–235].

О художественном времени размышляет Д.С. Лихачев. Он определяет художественное время как явление самой художественной ткани литературного произведения, подчиняющее своим художественным задачам и грамматическое время, и философское понимание его писателем [8, с.1979: 182].

В трудах И.Р. Гальперина категория времени в масштабе текста представлена триадой: континуум, ретроспекция и проспекция [4, с. 28]. Термин «континуум», по определению автора, означает непрерывное образование чего-то, то есть нерасчлененный поток движения во времени и пространстве. Континуум как категория текста трактуется как определенная последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, причем развертывание событий протекает неодинаково в разных типах текстов.

Континууму И.Р. Гальперин противопоставляет дисконтинуум и рассматривает две его формы: проспекцию и ретроспекцию [5, с. 105–113]. Ретроспекция определяется как грамматическая категория текста, объединяющая формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации. Проспекция определяется как один из приемов пове-

ствования, который дает читателю возможность яснее представить себе связь и обусловленность событий и эпизодов. Зная, что произойдет в дальнейшем, он лучше проникает в содержательно-концептуальную информацию, поскольку настоящее предстает перед ним в несколько ином плане.

Категории проспекции и ретроспекции вслед за И.Р. Гальпериным исследует Н.В. Брускова, значительно уточняя формулировку этих категорий. Под ретроспекцией она предлагает понимать такую последовательность изложения событий, когда последующий отрезок текста отсылает читателя к событиям, имевшим место раньше событий, описанных в предыдущем отрезке. Под проспекцией понимается такая последовательность изложения событий, когда предшествующий отрезок текста отсылает к событиям, которые имели, или, вероятно, будут иметь место позже тех событий, которые описываются в последующем отрезке [3, с. 4–12].

О.И. Москальская отмечает, что «временная отнесенность высказывания включается современным языкознанием в категорию предикативности и рассматривается как один из обязательных признаков предложения» [9, с. 98]. В отличие от виртуального предложения, характеризуемого лишь грамматическим временем, всякое высказывание (т. е. текст и предложение-текст) содержит помимо грамматического времени прямые или косвенные указания на объективное время и место тех событий, о которых говорится. Будучи присущими всякому высказыванию, локальная и временная отнесенность образуют единую «локально-временную ось высказывания» [9, с. 112].

З.Я. Тураева справедливо замечает, что структура временных отношений, соотнесенность с миром реалий могут быть определены лишь на уровне текста. Это есть убедительное доказательство того, что категория времени должна рассматриваться как текстовая категория, кардинальные особенности которой нельзя выявить на уровне предложения [16, с. 88]. В своих исследованиях она оперирует такими понятиями как художественное время, реальное время, концептуальное время, перцептуальное время, эмотивное время, индивидуальное время.

З.Я. Тураева выделяет темпоральную структуру текста, под которой понимается «сеть отношений, связывающая языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединенные функциональной и семантической общностью» [16, с. 86].

А.В. Бондарко трактует темпоральность как семантическую категорию, охватывающую в ее языковом выражении различные типы отношения обозначаемых ситуаций к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчета (производной от момента речи) на основе признаков одновременности (настоящее), предшествования (прошлое) и следования (будущее) [2, с. 2001: 66].

Л. А. Ноздрина использует понятие темпоральной сетки, под которой понимает совокупность языковых средств разных уровней (морфологического, синтаксического, лексического, словообразовательного), обеспечивающих временную ориентацию читателя в фикциональном мире данного художественного текста [10, с. 159].

Темпоральная сетка, согласно ее мнения, может включать в себя следующие компоненты: все временные формы глаголов, имена существительные, прилагательные и наречия с временным значением, временные союзы, инфинитивы, причастия, префиксы с временным значением, придаточные времени [10, с. 31].

Категория темпоральности определяется М.Н. Левченко как совокупность всех эксплицитных и имплицитных показателей исследуемого текста на основе их функциональной и семантической общности [7, с. 21]. Исследуя темпорально-локальную архитектонику художественного текста, она выделяет и описывает шесть инвариантных признаков темпоральности художественного текста: темпоральная детерминация описываемых событий (автосемантичная,

синсемантичная и нулевая темпоральная архитектоника); системность темпоральной архитектоники; темпоральный тип текста (монотемпоральный, политемпоральный); стержневая форма темпоральной архитектоники текста; типы хронологической последовательности событий в тексте; нарушение темпорального континуума.

О.М. Семенова, исследуя поэтический текст, говорит о темпоральности как о совокупности способов выражения лексическими, морфологическими, синтаксическими, стилистическими и экспрессивными языковыми средствами сущности реального времени, отражаемого в тексте как языковой единице [13, с. 29].

О.И. Тарасова в своем исследовании обозначает темпоральность как совокупность языковых средств разных уровней (морфологического, синтаксического, лексического, словообразовательного), обеспечивающих временную ориентацию читателя в мире конкретного художественного текста и определяющих грамматический тип текста в плане его темпоральных характеристик [14, с. 49].

В работе А.А. Елисеевой, посвященной изучению грамматических категорий газетно-публицистических текстов, темпоральность рассматривается как текстовая категория, в которой с помощью морфологических, лексических, лексико-синтаксических средств и экстралингвистических факторов выражается субъектно-оценочное отношение автора к объективному времени, отраженному в тексте, формирующая грамматический тип текста в плане его темпоральной структуры [6, с. 46].

Следует упомянуть и об исследованиях категории времени с точки зрения юриспруденции. Так, например, Т.Л. Тенилова говорит о правовом времени как об особой функциональной категории юридической науки и практики, которое выражает начало, длительность и окончание какого-либо правового действия, процесса, нормы, состояния, события [15, с. 13]. В праве отражаются многие временные параметры практически любой юридически значимой деятельности: ее длительность, интенсивность, непрерывность. Право фиксирует четкие сроки совершения дозволенных, поощряемых, рекомендуемых либо необходимых действий, наступления по их истечении определенных юридических последствий.

В теоретической юридической литературе уже были приведены результаты некоторых исследований различных временных параметров. Г.И. Петров выделяет такие, чаще всего используемые в праве категории, как датирование, длительность, повторяемость, одновременность, последовательность и преемственность [11, с. 46]. П.М. Рабинович относит к основным направлениям данной сферы такие показатели, как регламентация своевременности, длительности или сроков, скорости или темпа [12, с. 20]. Т.Л. Тенилова предлагает следующую интерпретацию свойств времени: момент времени, длительность, последовательность, одновременность, повторность, интенсивность (темп), ритмичность, прерывность [15, с. 15].

Необходимо подчеркнуть, что время (наравне с пространством и кругом лиц) является одним из параметров, которые определяют момент, вызывающий соответствующие юридические последствия.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод о неоднозначности и разноплановости исследуемой категории. Среди лингвистов нет единого мнения в отношении определения категории темпоральности на уровне текста. Исследования в данной области постоянно продолжаются и дают ученым возможность совершенствоваться и открывать новые грани в своем поиске.

Список литературы:

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит-ра, 1975. – С. 234–408.

2.Бондарко, А. В.Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 256 с.

3.Брускова, Н. В. Категории ретроспекции и проспекции в художественном тексте: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1983. – 24 с.

4. Гальперин, И. Р. Членимость текста // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 125. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1978. – С. 26–35.

5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.

6.Елисеева, А.А.Типологический потенциал грамматических категорий газетно-публицистических текстов: опыт анализа категорий темпоральности, локальности и модальности на материале немецкого языка: Дис. … канд. филол. наук. – М., 2004. – 172 с.

7. Левченко, М. Н. Темпорально-локальная архитектоника художественных текстов различных жанров: Дис. … д–рафилол. наук. – М., 2003. – 449 с.

8. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 353 с.

9. Москальская, О. И. Грамматика текста. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.

10. Ноздрина, Л. А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте: Дис. … д–рафилол. наук. – М., 1997. – 475 с.

11. Петров, Г. И.Фактор времени в советском праве // Правоведение. – 1982. – № 6. – С. 46 – 52.

12. Рабинович, П. М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. – 1990. – № 3. – С. 19–27.

13. Семенова, О. М. Типообразующая роль языковых средств, формирующих локально-темпоральную структуру в поэтических текстах (на примере немецких баллад и стихотворений): Дис. …канд. филол. наук. – М., 2003. – 225 с.

14. Тарасова, О. И. Реализация жанровых признаков текстов документально-художественного повествования грамматическими средствами языка (на примере категорий темпоральности и локальности): Дис. … канд. филол. наук. – М., 2003. – 154 с.

15. Тенилова, Т. Л. Время в праве: Дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 210 с.

16. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. (Текст: структура и семантика). – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.

L. P. Shirobokova, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: lubshir@yandex.ru)

«TEMPORALITY» AS A SUBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

The article is devoted to various aspects of the research of one of the leading text formed categories – temporality as in the literary, so in the law texts, that confirms its important role in the modern text linguistics

Key words: temporality, retrospection, prospection, continuum, chronotope, temporal net, temporal-local architectonicstics.

УДК 81.37

С.Е. Шевченко, канд. филол. наук, доцент,НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: shevchenko_08@inbox.ru)

РОЛЬ АНГЛИЙСКИХ МОДИФИКАТОРОВ В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

В статье рассматриваются общие вопросы структурной организации текста. Особое внимание уделяется прагматической составляющей текста и определяется роль модификаторов в формировании дополнительных имплицитно выраженных смыслов.

Ключевые слова: *структура текста, когезия, когерентность, импликатура, имплицитность, модификаторы.*

***

Текст стал объектом лингвистической науки не так давно, серьезные исследования в этой области датируются серединой-концом прошлого века, когда возникла специальная отрасль языкознания — лингвистика текста. Несмотря на достаточное количество работ в этой области, проблемы, связанные с различными текстовыми категориями, начиная от определения понятия «текст» и заканчивая разнообразными текстовыми характеристиками, не являются абсолютно исследованными и требуют дальнейшего рассмотрения.

В данной статье определяется роль английских частиц (модификаторов в нашей терминологии) во внутренней организации текста.

Хотя мы не ставим своей целью уточнять само понятие «текст», однако, важно подчеркнуть, что мы разделяем точку зрения большинства лингвистов, трактующих текст как высшую единицу коммуникации, обладающую определенной структурой, целостностью, определенной смысловой законченностью. Как отмечает Н. Валгина, «Если принять, что текст отражает некое коммуникативное событие, то, следовательно, элементы события должны быть соотнесены с отдельными компонентами (или единицами) текста. Поэтому выявление единиц текста и их иерархии в общей структуре текста помогает вскрыть сущностные характеристики текста – содержательные, функциональные, коммуникативные» [1, с. 5].

К основным, так называемым, строительным характеристикам текста лингвисты относят когезию и когерентность, причем разные структурные языковые единицы участвуют в организации этих двух глобальных текстовых характеристиках по-разному. Однако мнения лингвистов расходятся в том, что именно именовать когезией, а что когерентностью текста. Традиционно (и в более узком понимании)когезия имеет отношение к последовательности слов в тексте, это грамматические и лексические связи между отдельными, последовательно следующими частями текста, что помогает сделать «плавный» переход от одной части текста к другой. Формально когезия выражается преимущественно языковыми средствами, к которым относятся субституции (местоименные), лексические повторы, союзы и союзные слова, междометия и частицы. И.Р. Гальперин определял когезию как «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [2, с.3].

Когерентность в отличие от когезии относится ко всему тексту, а не к какой-то его части, и, являясь результатом взаимодействия различных видов когезии, организует текст в единое целое.

Т. Добжинска уточняет понятие когерентности и определяет ее как «смысловую связь предложений, в то время как показатели структурной связности в тексте могут не всегда проявляться» [4 с., 24].

Очевидно, что обе данные текстовые характеристики функционируют одновременно и реализуют по сути одну организационную функцию построения текста, но на разных уровнях. Если когезия обеспечивает структурную целостность текста на разных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, морфологическом, грамматическом и синтаксическом), то когерентность формирует смысловую целостность и завершенность текста. Нам представляется, что в языке существуют такие лексические единицы, которые «работают» на осуществление двух текстовых функций одновременно. К таким единицам мы относим модификаторы (частицы). Этот разряд слов обладает уникальными семантическими параметрами, реализуемыми в текстах, которые связаны с передачей фоновой информации, связанной с оценкой и эмоциональным настроем, формированием различных видов пресуппозиций и импликаций и т. д., то есть с прагматической составляющей текста. (Т.М. Николаева, Н.А. Торопова, С.Е. Шевченко и др.)

Нам бы хотелось рассмотреть роль модификаторов при реализации прагматической составляющей текста.

Прагматический потенциал текста, в формировании которого принимают самое деятельное участие частицы, обычно связывают, в первую очередь с получателем текста и только во вторую — с отправителем, поскольку прагматика изначально рассматривает «единство отношений между говорящим, формой и значением. С точки зрения прагматики важно также учитывать второго участника процесса коммуникации - слушающего или читающего, для которого и предназначено данное произведение речи» [1, с. 21].

В «Теории коммуникации и конвенциональных имликатур» [5] П. Грайс показал, что говорящий передает больше того, что сообщают его слова. Он передает целый набор контекстно-подразумеваемых представлений, носящих название имликатур. Импликатуры позволяют говорить одно и имплицитно передавать еще что-то еще в дополнение к сказанному, а иногда вступать в противоречие с той информацией, которая выражается эксплицитно.

Рассмотрим отрывок из произведения С. Моэма “Mr. Know – All”:

I was prepared to dislike Max Keladaeven before I knew him. The war had just finished and the passenger traffic in the ocean going liners was heavy. Accommodation was very hard to get and you had to put up with whatever the agents chose to offer you. You could not hope for a cabin to yourself and I was thankful to be given one in which there were only two berths. But when I was told the name of my companion my heart sank. It suggested closed portholes and the night air rigidly excluded. It was bad enough to share a cabin for fourteen days with anyone (I was going from San Francisco to Yokohama), but I should have looked upon it with less dismay if my fellow passenger's name had been Smith or Brown.

When I went on board I found Mr. Kelada's luggage already below. I did not like the look of it; there were too many labels on the suitcases, and the wardrobe trunk was too big. He had unpacked his toilet things, and I observed that he was a patron of the excellent Monsieur Coty; for I saw on the washing-stand his scent, his hairwash and his brilliantine.

Mr. Kelada's brushes, ebony with his monogram in gold, would have been all the better for a scrub. I did not at all like Mr. Kelada. I made my way into the smoking-room. I called for a pack of cards and began to play patience.

С самого начала повествования Сомерсет Моэм определяет свое негативное отношение к попутчику, используя все имеющиеся языковые средства:

оценочную лексику, фразеологические обороты, отражающее его эмоциональный настрой. Он готовит читателя к встрече с очень неприятным, с его точки зрения, человеком. Однако, неприязненное отношение, выражаемое автором, реализуется как на эксплицитном уровне (I was prepared to dislike Max Kelada, Idid nota tall like Mr. Kelada), так и на имплицитном уровне с помощью модификаторов.

Первое предложение, открывающее текст, содержит модификатор even, семантика которого связана с выражением удивления. В сочетании с оценочной лексической единицей dislike и использованием модификатора в темпоральном предложении с предлогом времени before, выражение неприятного удивления, которое испытывает автор, усилено. Писатель сообщает об аномальности такой ситуации: человек может не понравится, только после знакомства, а никак не до него. Такое положение вещей позволяет читателю сформировать несколько негативное отношение к герою рассказа, что так же создается семантикой модификатора, который имплицитно вводит авторскую оценку.

Описывая начало своего путешествия (war had just finished), в которое отправился С. Моэм сразу же по окончании войны, модификатор способствует раскрытию дальнейших событий, связанных с трудностями в покупке билета в комфортную одноместную каюту и практической невозможностью это сделать, которая имплицитно выражена модификатором only (the rewere only two berths), который неявно создает множество (могло бы быть и больше). Однако, двухместная каюта показалась бы автору роскошью, если бы не его попутчик. Негативное отношение усилено с помощью модификатора **too**, который используется при описании багажа Мистера Всезнайки (there were too many labels on the suitcases, and thew ardro bet runk was **too** big). Одной из составляющих семантической структуры модификатора является способность к выражение наличия чрезмерного качества, что создает негативную оценку. Согласно шкале оценки (Е. Вольф) наличие качества в сторону избытка, равно как и в сторону чрезмерного уменьшения, всегда плохо. Кроме того, указание на то, что попутчик прибыл ранее (I found Mr. Kelada's luggagea lready below) использование временно модификатора создает атмосферу некоторого недовольства, что далее переносится на его багаж и самого владельца багажа.

По сути дела, модификаторы в данном отрывке выполняют функции как текстовых скреп, так смыслопорождающих операторов. Как скрепы, они соотносят текст с определенной фоновой информацией, которую читатель выводит сам. Как отмечает О. Александрова, что для того, чтобы понять контекст определенного речевого события, его коммуникативную роль в составе общего повествования, говорящий и слушающий, пишущий и читающий должны обладать общими фоновыми знаниями, которые включают не только собственно языковые знания, но и сведения исторического, культурного, социального характера. Это особенно важно для понимания именно текстов художественной литературы, поскольку для понимания характеров, событий, отношений читающий должен представлять себе достаточно хорошо весь историко-культурный и социальный фон того, что описывается в данном конкретном произведении речи [1, с 21]. Например: I was prepared to dislike Max Kela da***even*** befo reIkne whim — Автор не встречался с героем своего рассказа до предпринятого путешествия, но что-то его насторожило. The war had just finished and the passenger traffic in the ocean going liners was heavy — Конец-Первой Мировой войны, множествоюдейвозвращаютсянаРодину. Как смыслопорождающие операторы, они способствуют созданию эмоционального настроя и передать отношении автора к своему герою.

Таким образом, модификаторы выполняют двойственную функцию в организации структуры текста. Они важны как с точки зрения формы, так и с точки зрения смысла, выражаемого имплицитной форме.

Список литературы:

1. Александрова О.В. Единство прагматики и лингвопоэтики в изучении текста художественной литературы // Проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. - Калининград, 1996. - 111 с

2. Валгина Н.С. Теория текста. - М., Логос, 2003. - 280 с.

3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.- 138 с.

5. Шевчеко С.Е. Функциональная категория экспрессивности и ее выражение частицами в современном английском языке//Сборник научных трудов Sworld.2011. Т.32. №4. С. 37-39.

6. DobzynskaT.Tekst. Probasyntezy. – Warszawa, 1983, C.24-56. 2;24

7. Grice H. P. Logic and conversation. — In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975, p. 41—58.

8. S. Maugham Selected Works - Sixty Five Short Stories. London, 1988.

S.E. Shevchenko, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: shevchenko_08@inbox.ru)

THE ROLE OF ENGLISH MODIFIERES IN PRAGMATIC STRUCTURE OF THE TEXT

The article deals with general questions of a text formation both from the point of its meaning and its structure. Attention is paid to the elements relevant for the both mentioned texts charactreristics and to class of modifiers that form additional senses in an implicit form

Key words: *text structure, cohesion, coherence, implicature, implicit form, modifiers*

УДК 81.25

В.И. Провоторов, канд. филол. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: vi_provotorov@mail.ru)

ПЕРВОДЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА: ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, МЕТОД

Статья посвящена рассмотрению сложного и многоаспектного процесса перевода, связанного с вычленением смысла текста перевода в соответствии с его стилистической направленностью. В этом стилистика оказывается пограничной с переводоведением областью, в которой сходятся, с одной стороны, процессы формулирования мысли, а с другой – ее понимания, процессы конструирования смысла и его реконструирования.

Ключевые слова: *перевод, процесс перевода, переводческая стилистика, метод интерпретации.*

***

Памяти Маргариты Петровны Брандес
(04.11.1926-14.08.2014)

Ушла из жизни доктор филологических наук, профессор Маргарита Петровна Брандес. В течение многих лет Маргарита Петровна активно сотрудничала с Региональным открытым социальным институтом, читала для студентов и преподавателей лекции по стилистике текста и переводоведению, долгие годы была научным редактором лингвистической серии Ученых записок РОСИ. Она не оставляла без своего внимания молодых ученых, оказывая им неоценимую помощь в научных исследованиях. Для многих из них она была не просто крупным ученым, образцом для подражания, но и просто близким человеком.

Маргарита Петровна окончила Военный институт иностранных языков Советской Армии. Работала в качестве военного переводчика в Группе Советских войск в Германии. После демобилизации защитила в 1962 г. кандидатскую диссертацию по теме «Повествовательный стиль Анны Зегерс», а в 1989 г. - докторскую диссертацию по теме «Повествовательный стиль художественного произведения». Свыше 50 лет М.П. Брандес являлась профессором Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза (МГЛУ). В область ее научных интересов входила теория применения языка в практических и художественных текстах, которая нашла отражение в публикациях по теоретической стилистике, стилистике немецкого языка. Среди ее научных трудов монографии «Стилистический анализ» [6], «Стилистика теста. Теоретический курс» [7] и др.

Широкую известность в России получила ее монография «Стиль и перевод» [4], в которой Маргарита Петровна впервые дала теоретическое определение принципов перевода с позиции стиля произведения. Большое внимание Маргарита Петровна уделяла задачам практической подготовки переводчиков. Решению этих задач служат такие ее работы, как «Предпереводческий анализ текста» [2], «Критика перевода. Практикум по стилистико-сопоставительному анализу подлинников и переводов немецких и русских художественных текстов» [3], а также ряд статей в научных сборниках РОСИ [4,5].

Вклад М.П. Брандес в развитие науки о переводе еще не получил должного обобщения и оценки. Предлагаемая

статья призвана отчасти восполнить этот пробел.

1. Стиль и перевод как области междисциплинарного исследования.

В существующей переводоведческой литературе традиционно отмечается наличие тесной связи теории перевода со стилистикой. В.Н. Комиссаров в книге «Лингвистическое переводоведение в России» указывает на «несомненную полезность использования данных стилистики в лингвистических теориях перевода» [8, с.30], отмечая при этом, что «само понятие стиля в них не получает четкого определения» [там же]. В большинстве случаев вопросы взаимодействия стиля и перевода исследователи решают на уровне сугубо лингвистических процедур. М.П. Брандес также придерживается лингвистической концепции перевода, но лингвистической в широком понимании этого слова, включающей в себя не только вопросы языковых соответствий, но и вопросы понимания и интерпретации текста на коммуникативно-деятельностной базе.

Для М.П. Брандес деятельность переводчика связана, прежде всего, с выявлением смысла текста. Стилистика оказывается в этом плане пограничной с переводоведением областью, в которой сходятся, с одной стороны, процессы формулирования мысли, а с другой – ее понимания, процессы конструирования смысла и его реконструирования. Знание этих процессов помогает переводчику раскрыть структуру переводимого текста и адекватно понять значение слов и предложений. Однако, отмечает М.П. Брандес, наличие области пересечения между стилистикой и переводоведением не означает того, что эти дисциплины имеют общий предмет исследования. Для стилистики и переводоведения ключевыми понятиями, оправдывающими необходимость связи и взаимодействия между ними, являются «общение», «человеческая деятельность», «человеческий фактор», объединенные понятием «субъективная реальность». С субъективной реальностью М.П. Брандес связывает категории отражения и интенциональности, ценности и смысла. Формализация субъективного носит бинарный характер и осуществляется двумя кодами: аксиологическим (ценностным) и семиотическим (материальным), выполняющими основную функцию коммуникации – понимание и переводимость. Аксиологический код является универсальным языком, обладающим свойством выражать логические отношения и интенции субъекта, вне зависимости от различий естественных языков. Семиотический код, напротив, уникален и связан с национальными особенностями естественных языков.

Бинарность процесса кодирования субъективного свидетельствует о том, что стиль и перевод достаточно резко отличаются друг от друга. В стиле выражается форма произведения, он выполняет ценностную функцию. Перевод же разрабатывает систему соотносительных иноязычных средств, реализующих стилистическую функцию. Соответственно, по отношению к оптимизации переводческой деятельности задачи стилистики и переводоведения являются взаимодополняющими. В предлагаемом междисциплинарном теоретическом контексте основным предметом стилистики, по М.П. Брандес, выступают знания, а переводоведения – действия, связующим звеном между ними рассматривается понимание как сердцевина переводческой деятельности, ее исходный пункт.

2. Перевод как сложный динамический процесс.

М.П. Брандес отмечает, что во многих концепциях происходит смешение «перевода» как практической деятельности и перевода как понятия, претендующего на статус науки. В теоретическом определении объекта перевода она выделяет три уровня.

Во-первых, перевод – это деятельность, деятельность духовно-практическая, связанная с коммуникативной деятельностью. Следовательно, для него характерны все признаки категории деятельности в наиболее общем виде.

Во-вторых, перевод – это не первичная, а вторичная деятельность. Однако повторение оригинала при переводе не замыкается целиком в системе «автор» исходного текста. Оно только начинается в ней и протекает в основной части этой системы, в которой заложена программа как по созданию текста оригинала (его опредмечиванию), так и встречная программа по его осмыслению (распредмечиванию), т.е. оригинальное произведение – это лишь основа переводного текста. В рамках переводческой деятельности как деятельности вторичной можно выделить в зависимости от переводимого материала: вторичную, несамостоятельную переводческую деятельность, близкую к тиражированию (официально-деловые, научно-технические документы и др.), и вторичную, относительно самостоятельную переводческую деятельность (публицистические и художественные произведения).

В-третьих, перевод осуществляется в материале естественных языков, т.е. это деятельность *языково-текстовая*. Она заключает в себе особую меру продуктивного начала и выражается в определенном многообразии переводческих вариантов. И если на втором уровне переводчик воспроизводит, а не проектирует духовную основу оригинала, то на третьем уровне, на базе воспроизведенной духовной основы, он в определенной степени проектирует его материальную основу.

В традиционных лингвистических концепциях, констатирует М.П. Брандес, на первый план выдвигается задача описания эквивалентных отношений между двумя языками с акцентом на мысль, на семантику высказывания. Сама же она ориентируется на прагматику высказывания, иными словами – на смысл, который существует в тексте наряду с предметным (внешним) содержанием в виде пласта функционального (неявного) содержания, не артикулированного в языке. Для того, чтобы перевести «неявное» содержание, необходимо, по М.П. Брандес, воспользоваться «механизмом» переводческого процесса, который состоит из 2-х подсистем:

– первая подсистема «текст – интерпретатор» представляет собой процесс выявления смысловой организации исходного текста, или «большой стратегии перевода», которая регламентирует переводческий процесс вне зависимости от реализующих его языков;

– вторая подсистема «текстовая норма – деятель» носит уникальный характер, тесно связана со спецификой переводящего языка и реализует уже не функциональное, а предметное, внешнее содержание. Деятельность переводчика на этом этапе носит творческий характер, суть которого в выборе одного или нескольких переводческих решений («малой переводческой стратегии»), обусловленных смысловой организацией оригинала.

Данный механизм переводческого процесса позволяет наметить подходы к решению основных проблем теории перевода: переводимости, адекватности, сочетания творческих и нетворческих начал в переводе, органического включения в систему переводческих задач проблемы языковой эквивалентности.

Что касается предмета перевода, то его определение М.П. Брандес связывает с проблемой нормы перевода как универсальной сетки соответствия ИЯ и ПЯ, которая состоит из двух планов: проективного, универсального и реализационного, уникального, т.е. для переводческой деятельности норма перевода является оборотной стороной этой деятельности. Однако такая трактовка возможна лишь при условии вывода изучения перевода за рамки лингвистики в семиотику текста.

Наличие в тексте пласта неявного знания, невербального контекста – одна из важных областей переводческой науки, где особенно отчетливо встает вопрос о понимании, или методе интерпретации, ведь чтобы донести текст при переводе до реципиента, переводчик должен сначала понять его сам, а затем уже путем

перевода интерпретировать и объяснять его другому.

Таким образом, в качестве объекта теории перевода М.П. Брандес предлагает рассматривать переводческую деятельность, предмета – переводческую норму, метода – категорию «понимания». Понимание представляет собой систему, включающую в себя внешние и внутренние атрибуты.

Внешними необходимыми признаками являются:

– объект перевода – словесное произведение – оригинал;

– посредник – переводчик;

– продукт переводческой деятельности – текст на языке перевода.

Внутренними признаками являются:

– освоение смысловой структуры оригинала;

– создание на этой основе «большой переводческой стратегии»;

– выработка в рамках большой стратегии «малой переводческой стратегии».

Метод понимания в полном виде предполагает учет как внешних, так и внутренних факторов.

3. Понимание как база соотношения стиля и перевода.

С позиции стилистики предмет понимания – это не внешнее, предметное содержание текста, а воплощенное в нем смысловое содержание. Смыслопорождающим источником, по М.П. Брандес, является коммуникативно-речевая деятельность, так как местонахождение смысла, его пространство – это деятельность, а не текст как таковой. Смысл может быть расшифрован при условии определенного совпадения в способе деятельности тех, кто воплощает этот смысл в знаки, и тех, кто производит дешифровку этого смысла.

Перевод связан с пониманием генетически. Перевод с точки зрения познания – это смена различных видов понимания. Для понимания существенную роль играют исторически сложившиеся каркасы понимания, логическим основанием которых является коммуникативная функция, а также системы значений естественного языка. И те, и другие связаны нормативными отношениями, представленными в тексте в виде «механизма» его действия.

Следует оговорить, что «механизменное» устройство текста пока еще не нашло в научной литературе адекватной разработки. Как правило, из коммуникативной деятельности изымается ее главный элемент – процесс, который рассматривается преимущественно как реализация действий, непосредственно воплощаемых в языке и речи. М.П. Брандес предлагает один из возможных подходов к трактовке механизма действия текста. Она представляет механизм в виде динамической, иерархически построенной системы, которая идентична как для оригинального, так и для переводного текста и призвана обеспечить идентичность эффекта действия обоих текстов. Эта система представлена в тексте двумя коммуникативными планами – передним и задним.

Передний план образует коммуникат, который представляет собой способ изложения (коммуникации) предметного содержания и именуется в стилистике речевым жанром. Речевой жанр характеризуется типовой целеустановкой, типовыми условиями общения коммуникантов и типовым композиционным строем. Конструктивную основу переднего плана составляют композиционные звенья: введение в тему, ее развитие, заключение.

Задний план образует конструкт, или механизм действия процесса, соотносительный с категорией стиля, который приводит в движение передний план с целью достижения задуманного эффекта воздействия. Этот механизм М.П. Брандес сравнивает с часовым механизмом, без которого часы не пойдут. На переднем плане часовой механизм представлен циферблатом и стрелками, а сам механизм скрыт от взора людей.

Разница между передним и задним планами текста состоит в том, что если на уровне речевого жанра (передний план) предметное содержание фиксируется в виде структуры текста, то на уровне заднего плана речевому жанру придается определенная стилевая форма; конструкция жанра приспосабливается, адаптируется к среде функционирования. В качестве среды функционирования понимаются функциональные стили, или сферы использования языка, такие как официально-деловая, научно-техническая, общественно-политическая, художественная, бытовая.

4. Стиль как система управления коммуникативным процессом.

Таким образом, механизм действия текста состоит из двух структур: горизонтальной (передний план), которая управляет линейным развитием текста, и вертикальной (задний план) структуры, отвечающей за эффект воздействия текста. Так, например, если способом изложения переднего плана выступает речевой жанр «репортаж», то стилевым свойством заднего плана выступает «репортажность», создающая основной тон звучания, основную интонацию текста.

Вертикальная структура отпечатывается на горизонтальной структуре в виде «часового механизма», носителем которого выступают композиционно-речевые формы (КРФ), или структурно-текстовые связи, которые имеют «природное» происхождение, т.е. они присущи мышлению людей как таковому, люди владеют ими интуитивно, ибо речемыслительная деятельность осуществляется именно в этих формах. В них, отмечает М.П. Брандес, отражен социально организованный опыт с устойчивыми, исторически откристаллизовавшимися схемами, стандартами, стереотипами, алгоритмами.

Важнейшими чертами структурного охвата мысли являются категории пространства, времени, причины. В тексте им соответствуют такие виды структурно-текстовой связи, как пространственное соположение (КРФ «описание»), временное следование (КРФ «сообщение»), каузальность (КРФ «размышление»). Сущность логико-речевой формализации текста с помощью КРФ проявляется в том, что на общую ткань изложения накладывается сетка логических отношений, благодаря которой отдельные отрезки текста приобретают структурную оформленность и замкнутость. Указанные типовые КРФ имеют различные варианты. По структуре они могут быть классическими (близкими к типу), сложными, смешанными.

Основанием экспрессивной вариантности КРФ является их ритмическая организация, которая определяет ритмико-мелодический профиль КРФ и соответствующее ему синтаксическое оформление текста. Ритм «описания» – это ритм в пространстве, ритм «сообщения» – ритм во времени, ритм «рассуждения» – ритм логических построений. Ритм зависит от длины ритмообразующих групп: длинные группы создают замедленный ритм, короткие и очень короткие - быстрый, нервный, динамичный и т.д. В характере ритмов КРФ заключены тональные возможности варьирования этих композиционных построений, а следовательно, варьирование и синтаксических структур, оформляющих текст.

Горизонтальная и вертикальная структуры вместе с их содержательными элементами сводятся в единое образование посредством системы общения, конструктивную основу которой составляют архитектонико-речевые формы (АРФ) «монолог», «диалог», «полилог». АРФ создают такие коммуникативные варианты текстов, как монологический, диалогический, полилогический тексты. Совокупная конструктивная часть динамической системы (КРФ, АРФ, ритмы) образует конструкт, проект, архитектуру текста, который выполняет функцию скрытого механизма коммуникации. Оформленный в виде сложной динамической системы задний план текста, встроенный в передний план, образует в тексте сектор

прагматики, эстетики, отвечающий за эффективность коммуникации. Это собственно динамический аспект указанной системы. В статике эта система выполняет идентифицирующую функцию.

Созданный таким образом текст является реальным объектом, и как любое реальное явление он обладает динамическим компонентом, процессом, функцией, т.е. он задуман не как мертвый, а как функционирующий, действующий объект. В результате переводчик, берясь за перевод, сталкивается с текстом (какой бы сложности и направленности он не был) как с многоуровневой системой содержания и коммуникативной функции. Одновременно эта система выступает рамочной нормой перевода, задавая общие, предельные границы перевода и его характер.

5. Стиль как норма перевода.

В языковой практике существуют нормы вербальные (которые формулируются на языке) и невербальные, конструктивные нормы (конструкты, схемы, планы, макеты). В проекции на теорию перевода данные нормы определяются нормативными категориями, именуемыми «эквивалентностью» и «адекватностью». Термины «эквивалентность» и «адекватность» давно получили широкое распространение в теории перевода. Иногда в них вкладывают различные значения, но чаще они используются как синонимы. Наиболее популярна точка зрения В.Н. Комиссарова [9], который рассматривает «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод» как два тесно связанных, но различных понятия. По его мнению, понятие «адекватный перевод» является более широким и нередко используется в значении «хороший перевод», когда перевод отвечает требованиям по осуществлению межъязыковой коммуникации в конкретных условиях. Под «эквивалентностью» он понимает отношение тождественности между двумя языковыми единицами.

М.П. Брандес определяет нормы перевода, в данном случае стилистические, в непосредственной привязке к коммуникативной системе произведения. Они выступают в роли регулятивов создания текста, организации его понимания и соответственно его перевода на другой язык. Эти нормы многослойны: текстовые (задний план), речевые (передний план), языковые (система литературно-национального языка в полном объёме).

Исходными при переводе являются *текстовые, рамочные нормы*, обеспечивающие адекватность перевода. Это жесткие нормы, они очерчивают границы переводов текстов, обрамляют поле их переводимости и внутреннюю конфигурацию этого поля. Несоблюдение рамочных норм ведет к искажению важнейших черт смыслового содержания оригинала.

В переводческом поле рамочных норм текста действуют *речевые, вероятностные нормы,* которые регулируют выбор и комбинирование языковых средств и устанавливают правила эквивалентного соотнесения языковых единиц. Это, как правило, довольно гибкие нормы, мотивируемые объективностью несовпадения языков, и соотносительны с передним планом коммуникативной системы произведения, оформленной в виде функционально-предметной системы. Третьи нормы – это *нормы национально-литературного языка.*

Таким образом, в переводе оригинала должно присутствовать как строгое соблюдение заданного в оригинале образца, так и элементы творчества переводчика, связанные с техникой перевода, с выбором правомерных переводческих вариантов. Знание и понимание фундаментальных норм перевода текста, за которыми стоит живой «работающий» язык, предостерегает переводчика как от буквализма, так и от произвола перевода.

Овладение рамочно-статистической нормой перевода вырабатывает у переводчика целостное видение текста, умение взять нужную начальную

ноту перевода. И если даже внутри этой целостности какие-то моменты ускользнут от внимания переводчика или будут переведены неудачно, целостный подход к переводу обеспечит его адекватность, пусть даже схематичную. Целостный подход к любому виду перевода вырабатывает у переводчика уверенность в работе.

В заключение отметим, что богатство идей, содержащихся в работах М.П. Брандес, представляет значительный вклад в развитие стилистической теории перевода. Несомненно, сказанное выше не отражает всей значимости ее вклада и лишь подтверждает тот факт, что обращение такого крупного ученого-лингвиста к переводческой тематике оказалось исключительно плодотворным.

Список литературы:

1.Брандес М.П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка).– М.: Высшая школа, 1988. – 127 с.

2. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: КДУ, 2011. – 240 с.

3. Брандес М.П. Критика перевода. Практикум по стилистико-сопоставительному анализу подлинников и переводов немецких и русских художественных текстов. – 2-е изд., доп.– М.: КДУ, 2006. –240 с.

4. Брандес М.П. О рамочно-статистической норме перевода. – В сб. «Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод». – Вып. 1. – Курск: Изд-во РОСИ, 1997. – С.17-29.

5. Брандес М.П. «Критика перевода» и ее теоретические основания. – В сб. «Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод». – Вып. 6. – Курск: Изд-во РОСИ, 2005. – С.39-51.

6. Брандес, М.П. Стилистический анализ. На материале немецкого языка. – Изд. 2-е, доп. – М.: URSS, 2009. – 208 с.

7. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

8.Комиссаров В.Н. Лингвистическое переводоведение в России.– М.: ЭТС, 2002.– 184 с.

9.Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001.– 424 с

V.I. Provotorov, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: vi_provotorov@mail.ru)

TRANSLATION STYLISTICS: OBJECT, SUBJECT, METHOD

The article deals with a complex approach to the process of translation including stylistic structure of the text that helps to reveal the deep meaning of the text.

Key words: *translation, process of translation, translation stylistics, interpretation method.*

УДК 81.36

Т.В. Казначеева, ассистент НОУ ВПО «Региональный Открытый Социальный Институт» (Курск) (tatyana_kaznache@mail.ru)

ПРИЧАСТИЕ II В СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается особая роль причастия II в словосочетаниях, выражающих чувства и эмоции человека. Рассматриваются словосочетания с точки зрения их структуры и словесного наполнения. Особенное внимание уделяется использованию предлогов, с помощью которых меняется выражение эмоционального состояния.
***Ключевые слова**: эмоциональное состояние, причастие, воздействие человека.*

***

Проблема словосочетания издавна привлекала внимание английских, русских и других языковедов. Словосочетание, как отдельная единица синтаксического строя представляет собой совокупность различного рода сложных отношений (объем, границы, возможности сочетаемости лексических единиц и т.д.), что приводит к жарким дискуссиям, нерешенным до конца и продолжает развиваться в современной лингвистике.

Говоря о словосочетаниях с причастием вторым, необходимо отметить группу сочетаний, которые выражают эмоциональное состояние. Данные словосочетания весьма специфичны, также специфична и их классификация [6, 140].

Специфичность данного вида словосочетаний заключается в том, что они означают, как правило, следствие воздействия чего-то на психику человека, то есть результат этого воздействия напрямую связан с эмоциями, чувствами человека. Последний является одновременно субъектом и объектом действия, так как он имеет возможность испытывать те или иные чувства. То есть происходит передача возникшего в психике, сознании импульса [3, 125].

Воздействие может быть абсолютно разным, и соответственно приводит оно к разным эмоциям, переживаемым человеком:

1. Nelly felt happy delighted by their conversation (Sc. Fitzgerald).

2. Hearing their words she went out ashamed and embarrassed (J. O'Hara).

3. “None of them was useful”, - he understood that it was his last attempt. DisappointedandemptiedJohnleft (A. Hailey).

Это может быть психическое состояние, вызванное общением с другими людьми (1), чьими-то словами (2), поведением других людей, их поступками (3) и т.д.

Говоря о данном типе словосочетаний, необходимо сказать, что здесь произошли изменения, связанные с переоценкой употребления предлогов. И здесь мы встречаемся с противопоставлением при разборе особенностей словосочетаний. В данном случае противопоставлены предлоги by – with при употреблении в ситуациях описания чувств и эмоций [4, 356].

В результате подобного перераспределения возникли сочетания, употребляющиеся только с одним из этих предлогов. Традиционно словосочетания с предлогом with означают простую констатацию факта, не выражают субъективную оценку или результат воздействия чего-либо на психику. Какправило, этоследующиепричастия: endowed, saturated, preoccupied, paralyzed, surcharged, swollen, frozen, obsessed, seized, possessed.

Andy was frozen with his indifferent smile and empty faces of the others. [2, 157].

Употребление предлога with характерно для словосочетаний с причастиями, выражающими удовольствие, восторг, очарованность, увлеченность-

ит.п. (pleased, delighted, satisfied, enchanted, infatuated, fascinated, impressed, etc.); неудовольствие, раздраженность, угнетенность и т .п. (displeased, annoyed, disgusted, mortified, etc.):

Marry felt she was going to cry annoyed with herself and other people (R. Wilder).

В словосочетаниях с предлогом with именной компонент часто обозначает людей (нередко для этой цели служат личные или возвратные местоимения — pleased with himself), реже - поведение других людей, внешний вид чего-либо (Emilyisdelightedwithhernewneighbors), иногда даже конкретные предметы (Shewasdissatisfiedwithhisbehavior), но не внешние события, не то, что может активно воздействовать на состояние субъекта [1, 257].

Как уже было сказано выше, в английском языке широко происходит процесс замены предлогов в различных ситуациях, это касается и ситуации с предлогами with и by. Во многих случаях первый заменен вторым, что привело к расширению использования последних в различных случаях. Итак, предлог by используется при выражении:

волнения, тревоги, беспокойства, досады, возмущенияит.п. (troubled, worried, disturbed, agitated, excited, roused, stirred, alarmed, maddened, outraged, irritated, raised, embittered, disgusted, exasperated, cut to the heart/to the quick, etc.);

сильногоэмоциональногопереживания, увлеченностиит .п. (moved, touched, carried away, haunted, driven, whipped, lashed, urged, jerked, drawn, etc.);

смущения, оцепенения, смятения, растерянности, удрученности, огорчения, обидыит.п. (perplexed, puzzled, disconcerted, dazzled, numbed, dazed, daunted, deafened, etc.);

вдохновения, воодушевленияит.п. (encouraged, emboldened, upheld, animated, reassured, inspired, elated, fired, kindled, cheered, steadied, fortified, kept firm, etc.);

удивления, потрясения, испуга, ужаса, страхаит.п. (surprised, taken aback, struck, stricken, shocked, amazed, astonished, stung, shaken, frightened, intimidated, terrified, startled, horrified, cowed, awed, appalled, scared, etc.);

восхищения, восторга, очарования, удовольствияит.п. (pleased, fascinated, enraptured, charmed, tempted, delighted, allured, tickled, attracted, amused, etc.);

утешения, успокоенияит.п. (consoled, warmed, melted, tempered, tranquillized, mollified, etc.); переполненности, поглощенности (мыслями, чувствами) ит.п. (overcome, overlaid, overwhelmed, clutched, absorbed, etc.) [5, 247].

Таким образом, в словосочетаниях, выражающих эмоциональное состояние, причастие второе выражает результат воздействия на человеческое сознание, то есть причастие связано с действием через его результат. В зависимости от предлога, употребляемого с причастием, действие может быть разным. При использовании предлога by происходит описание активных переживаний человека, при использовании with активного описания не производится, а совершается простая констатация факта, что является обычным объективным отражением действительности.

Список литературы:

1.Алпатов В.М. История лингвистических учений / В.М. Алпатов – М.: Астрель, 2001. – 224 с.

2.Ахманова О.С. О роли служебных слов в устойчивых словосочетаниях /Доклады и сообщения института языкознания АН - Спб.: Заря, 2012. – 234 с.

3.Иртеньева, Н.Ф. Теоретическая грамматика английского языка (A TheoreticalEnglishGrammar) / Н.Ф. Иртеньева, О.М. Барсова, М.Я. Блох и др.– М., 2009.

4.Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский – М.: Астрель, 2006. – 541 с.

5.Шевчеко С.Е. Функциональная категория экспрессивности и ее выражение частицами в современном английском языке//Сборник научных трудов Sworld.2011. Т.32. №4. С. 37-39.

6.Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка / Д.А. Штелинг – М.: Прогресс, 2006. - 367 с.

7.Ятель Г.П. Предложные словосочетания в современном английском языке / Г.П. Ятель – Киев: Высшая школа, 2009. – 232с.

T.V. Kaznacheeva, Assistant lecturer, Regional Open Social Instirute (Kursk) (tatyana_kaznache@mail.ru)

PARTICIPLEII IN WORD GROUPS DENOTING EMOTIONAL STATE

The article is devoted to the special role of Participle II in the word combinations expressing human feelings and emotions. Several universal statements are put under question and the conclusion is given.
***Key words**: emotional key, participles, human impact.*

УДК 371.315

Т. В. Азиатцева, ассистент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: eroplane@yandex.ru)

РЕШЕНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена технологии смешанного обучения, а именно проблеме индивидуализации при реализации данной технологии. Автор приводит анализ существующих моделей смешанного обучения в контексте возможности индивидуализации учебного процесса и делает вывод о том, какие из этих моделей наиболее эффективны в различных режимах обучения.
***Ключевые слова**: смешанное обучение, индивидуализация, модели смешанного обучения, компьютеризация обучения, дистанционное обучение*

***

Смешанное обучение представляет собой новую педагогическую технологию, позволяющую гармонично сочетать два принципиально разных режима обучения – дистанционный и очный. В последнее время использование смешанного обучения приобретает все большую популярность: такие вузы как, например, НИТУ «МИСиС», МГУ имени Ломоносова, СпбГУ и другие, успешно используют эту технологию при преподавании различных курсов. Однако, несмотря на многочисленные преимущества, которое смешанное обучение имеет перед традиционным очным и дистанционным обучением, при реализации данной технологии может возникнуть ряд психолого-педагогических проблем.

Одной из таких является проблема индивидуализации обучения. Т. И. Краснова в статье «Принцип индивидуализации в контексте смешанного обучения иностранному языку в вузе» приводит определение индивидуализации обучения, данное А. А. Теровым. Он понимает индивидуализацию как «способ обеспечения каждому обучаемому права и возможности на формирование собственных образовательных целей и задач, собственной образовательной траектории, придание осмысленности учебному действию за счёт возможности выбора типа действия, привнесения

личных смыслов, заказа к своему образованию, видения своих учебных образовательных перспектив» [2, с. 519]. Действительно, в свете реализации образовательного стандарта нового поколения, основанного на компетентностном подходе, очень важно, чтобы студент из пассивного субъекта образовательного процесса превращался в активного, мыслящего и готового участвовать в формировании образовательного пространства обучающегося [3].

В смешанном обучении степень индивидуализации будет в высшей степени зависеть от того, какую модель реализации данной педагогической технологии выберет преподаватель. М.Л. Кондакова и Е.В. Латыпова в статье «Смешанное обучение: ведущие образовательные технологии современности» акцентирую внимание на следующих моделях смешанного обучения, обычно выделяемых за рубежом [1]:

1. Модель «FacetoFaceDriver». Применение этой модели заключается в том, что электронный компонент является лишь дополнением к очному обучению, а работа с электронными ресурсами нередко осуществляется в рамках аудиторных занятий.

2. Модель «Rotation». Данная модель предполагает два компонента обучения – индивидуальное обучение с помощью электронных ресурсов и очное обучение. При этом преподаватель, осуществляющий очное обучение, также оказывает поддержку дистанционного компонента.

3. Модель «Flex», когда большая часть материала усваивается учащимися в дистанционном режиме, а преподаватель лишь устраивает очные консультации для прояснения непонятных моментов.

4. Модель «OnlineLab». Отличительной особенностью данной модели смешанного обучения является, во-первых, то, что учащиеся осваивают дистанционный компонент курса в компьютерной лаборатории учебного заведения, а во-вторых, имеют возможность выбора между очным и электронным обучением.

5. Модель «Selfblend», применяемая во многих высших учебных заведениях Соединенных Штатов Америки заключается в том, что студенты осваивают ряд дополнительных курсов, которые могут быть представлены и другими учебными заведениями.

6. Модель «OnlineDriver». Данная модель очень похожа на «Flex», отличие заключается в том, что очные консультации, собеседования и экзамены являются обязательными компонентами обучения.

По нашему мнению, первая модель – FacetoFaceDriver– не позволяет в полной мере реализовать потенциал смешанного обучения, так как, по сути, представляет собой традиционные очные занятия, сопровождаемые элементами компьютеризации образовательного процесса. Степень индивидуализации обучения здесь минимальна, так как, работая с группой студентов, преподаватель физически не может учесть индивидуальные особенности и потребности каждого студента, а работы с обучающими программами в рамках учебных занятий явно недостаточно.

Модели Flex и OnlineDriver, в отличие от FacetoFaceDriver, делают упор на дистанционном компоненте курса, сводя практически на нет очное общение преподавателя и студентов. По нашему мнению, это также не очень хорошо сказывается на индивидуализации учебного процесса, так как, видя студентов лишь на консультациях и экзаменах, преподаватель не может в полной мере оценить прогресс каждого учащегося. Студенты, у которых недостаточно сформировано умение самостоятельно организовывать свою учебную деятельность,

могут испытывать значительные трудности, обучаясь по данным моделям.

Модель OnlineLab позволяет не только гармонично сочетать компьютеризированный и традиционный компоненты обучения, но и выбирать, по какой модели студент хотел бы обучаться. Это позволяет учесть индивидуальный стиль обучения студентов, а так же дает учащимся возможность самим организовывать учебную деятельность. Однако с учетом того, что компьютеризированный компонент данной модели обучения должен реализовываться в рамках специализированной лаборатории, оборудованной ЭВМ и обучающим ПО, OnlineLab становится довольно затратным способом реализации технологии смешанного обучения. Кроме того, необходимость предоставления каждому студенту выбора между традиционным и компьютеризированным обучением также увеличивает стоимость реализации этой модели.

На наш взгляд, оптимальной моделью реализации технологии смешанного обучения, в том числе в контексте решения проблемы индивидуализации, является модель Rotation. Она в полной мере позволяет реализовать преимущества дистанционного обучения, при этом, не сводя на нет компонент обучения face-to-face, который является основным преимуществом обучения на очном отделении.

Неоспоримым преимуществом данной модели является и то, что преподаватель, проводящий очные занятия, является и тьютором, то есть сопровождающим дистанционного компонента курса. Это позволяет ему, например, вовремя дать дополнительные задания отстающему студенту, которому не хватает практики, или задание повышенной сложности для более сильного студента, что немаловажно, ведь по тому, как студент работает на очных занятиях, преподаватель может понять, выполнял ли студент задания дистанционного компонента сам или пытается схитрить.

Впрочем, если смешанное обучение предполагается внедрять на заочном или вечернем отделении, можно отдать предпочтение модели OnlineDriver, потому что она позволяет студентам экономить время и выполнять задания в удобном для них графике (что немаловажно, так как многие студенты заочного и вечернего отделений работают или получают еще одно образование), а преподавателям – отслеживать регулярность выполнения этих заданий в режиме реального времени, а так же эффективно контролировать качество усвоения материала во время обязательных консультаций и экзаменов.

Однако вне зависимости от выбранной модели обучения очень важно, чтобы дистанционный и очный компоненты курса являлись взаимодополняющими, они должны следовать общей логике построения курса. Также необходимо, чтобы дистанционный компонент предусматривал задания разных уровней сложности с учетом разных уровней подготовленности студентов и разных темпов усвоения материала. Так, например, целесообразно было бы, при наличии сложностей с выполнением стандартного задания, предоставить учащемуся первоначально несколько более простых упражнения для тренировки и отработки знаний и умений, а затем позволить ему снова выполнить исходное задание.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что смешанное обучение дает множество возможностей для индивидуализации процесса обучения. Оно позволяет учитывать психолого-педагогические, дидактические и социальные аспекты личности студента, и потому, по нашему мнению, может способствовать улучшению качества обуче-

ния как на очном, так и на вечернем и заочном отделениях вузов.

Список литературы:

1. Кондакова М.Л. Латыпова Е.В. Смешанное обучение: ведущие образовательные технологии современности [Текст] Режим доступа http://www.vestnik.edu.ru/2013/05/smeshannoe-obuchenie-vedushhie-obrazovatelnyie-tehnologii-sovremennosti/ (дата обращения 15.10.14)

2. Краснова, Т. И. Принцип индивидуализации в контексте смешанного обучения иностранному языку в вузе [Текст] / Т. И. Краснова // Молодой ученый. – 2014. – №7. – С. 519-521.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 010500 Математическое обеспечение и администрирование информационных систем (квалификация (степень) «бакалавр»). Режим доступа http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm713-1.pdf (дата обращения 10.09.14)

T.V. Aziattseva, Assistant lecturer, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: eroplane@yandex.ru)

SOLVING THE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM OF INDIVIDUALIZATION WHEN USING THE TECHNOLOGY OF BLENDED LEARNING

The article is dedicated to the technology of blended leaning, and, it particular, to the problem of individualization while realizing this technology. The author analyses current models of blended learning in the context of possible individualizing educational process and makes a conclusion on which models are more effective when used in different modes of education.

***Key words**: blended leaning, models of blended learning, individualization, computer-based learning, distance learning.*

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 57.08

Должиков А.А., канд. тех. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail a.dolzhikov@rosi-edu.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОУПРАВЛЯЕМОЙ МОНОХРОМНОЙ ЦВЕТОСТИМУЛЯЦИИ ДЛЯ МОДИФИКАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассмотрены способы повышения эффективности воздействия на человека с целью коррекции функционального состояния. Управление воздействием осуществляется посредством биоуправляемой цветостимуляции, моделируемой с помощью биологической обратной связи.
Ключевые слова: *биологические системы, цветостимуляция, оптимизация воздействия, биоуправление*

***

Техника и методика проведения физиотерапевтических процедур не полностью использует широкие терапевтические возможности физических факторов воздействия. Теоретические представления, нашедшие подтверждение в многочисленных экспериментах, свидетельствуют о реальной возможности и большой перспективности повышения эффективности физиотерапевтических воздействий.

Одним из наиболее перспективных способов повышения эффективности воздействия следует считать индивидуализацию физиотерапевтических процедур, которая может быть реализована при использовании биосинхронизации.

Смысл биосинхронизированных физиотерапевтических воздействий заключается в том, что режим воздействия управляется ритмом (или синхронизируется с ним) того или иного физиологического процесса. Если бы биологические процессы не имели ритмической природы, вряд ли было бы возможно одновременное выполнение функций и восстановление поврежденных структур, что постоянно происходит в действительности. Поэтому справедливо было бы заметить, что биосинхронизация – один из важнейших и вполне обоснованных путей повышения эффективности физиотерапевтических воздействий.

Известно, что жизненные функции любых биологических систем обнаруживают циклические колебания, которые названы биологическими ритмами. Этот колебательный процесс подчинен строгим закономерностям и является формой движения живой материи во времени. Поскольку упорядоченные циклические колебания выявлены на всех уровнях организации живой системы, то периодичность процессов можно считать одной из ее фундаментальных характеристик. Это означает, что синхронизация воздействия физическим фактором на клетку с фазами усиления ее энергетики гарантирует положительные отклик биосинтеза. Воздействие же в фазах снижения энергетики клетки, снижения потребления кислорода тормозит биосинтез и снижает содержание белка в клетке. Следовательно, биоритмы являются тонким и точным рычагом для управления состоянием человеческого организма.

Учитывая вышесказанное следует сделать вывод, что воздействие должно управляться или модулироваться таким биоритмом, который наиболее полно отражает состояние системы, на которую

производится воздействие.

В настоящее время известны биологические ритмы большинства физиологических процессов, протекающих в организме человека. Все биоритмы характеризуются отчетливой стабильностью, трудно поддаются перестройке. Но при патологических состояниях и устойчивых внешних воздействиях биоритмы могут изменяться.

Уже сейчас доказана перспективность временной организации терапии (хронотерапия) при которой учитываются не только особенности воздействия, но и ритм тех функций, которые подлежат коррекции. Очевидно, имеются все основания предполагать существование фазы повышенной и пониженной чувствительности систем, воспринимающих воздействия.

В специальных модельных экспериментах было показано, что случайный выбор фазы воздействия дает положительный эффект в 40% случаев, за счет неспецифической активации процессов регенерации. В 50% случаев этот эффект статистически недостоверен, а в 10% – отмечено ухудшение состояния. Отсюда можно сделать вывод, что путь подбора со случайным угадыванием частот воздействия обрекает физиотерапевтов на бесконечный их поиск [1].

Хронобиологические методы лечения увеличивают согласование, гармонию ритмов в организме в целом, усиливают собственные механизмы саморегуляции. Практика доказывает, что при таком лечении значительно снижаются побочные эффекты и вероятность рецидивов болезни [3].

Полноценное решение проблемы индивидуализированного построения лечебных воздействий возможно при выполнении следующих трех условий. Во-первых, необходимо создание замкнутого контура управления или регулирования, в котором анализируются сдвиги функционального состояния объекта, а получаемая при этом информация используется для коррекции лечебного воздействия. Во-вторых – нужен выбор соответствующего критерия оптимальности, который давал бы текущую оценку наиболее существенных параметров объекта, выраженных в количественной форме. В третьих, выбранный критерий оптимальности должен отличаться экстремальной характеристикой с отчетливо выраженным максимумом или минимумом контролируемого показателя.

Соблюдение указанных условий позволяет создать устройство для лечебного воздействия, обеспечивающего получение максимального терапевтического эффекта.

В качестве управляющих сигналов можно использовать любые циклически протекающие процессы в органах и тканях. Наиболее часто для этих целей применяют электрокардиограмму, пульсограмму, реограмму, пневмограмму и другие легко регистрируемые физиологические показатели ритмической деятельности организма человека.

В проводившихся ранее исследованиях [4] показано, что анализируя деятельность ССС оперативно можно судить о психофизиологическом состоянии человека. Одним из наиболее информативных показателей функционирования ССС является длительность межпульсового интервала, поскольку деятельность многих органов синхронизирована с деятельностью сердца.

В приложении к задачам медицины на уровне ткани, органа, организма такое биоуправляемое биоритмологическое воздействие позволило обосновать новое направление биоуправляемой хронофизиотерапии. Отличие такого метода физиотерапии от существующих состоит в учете биоритмологических особенностей пациента, в индивидуальном автоматическом дозировании воздействия, в согласовании интенсивности воздействия с фазами увеличения скорости кровотока всех его ритмических составляющих (сокращений сердца, дыхания, мышечного тремора) и других биоритмов.

При таком подходе, задача модификации функционального состояния испытуемого основывается на известных электрофизиологических процессах,

происходящих в затылочных долях мозга в ходе анализа зрительной сенсорной информации. Предъявление информации через оптический канал связи посредством цветовых стимулов, закодированных в длительностях импульсов и пауз в соответствии с частотным диапазоном высокоадаптивных ЭЭГ, должно обеспечить трансформацию паттерна ЭЭГ, а следовательно, и модификацию функционального состояния человека.

Общеизвестно, что ритмами ЭЭГ, несущими наибольшую информацию, являются α-, θ- и Δ-ритмы. В данной работе диапазон α-ритма (8-14 Гц) условно был разбит на 3 поддиапазона: 8-9,9 Гц (низкочастотный), 10-13 Гц (среднечастотный) и 13,1-14 Гц (высокочастотный). Диапазон θ-ритма (4-7 Гц) – на 2 поддиапазона: <6 Гц (низкочастотный) и ≥6 Гц (высокочастотный). Диапазон Δ-ритма (0,5-3 Гц) – на 3 поддиапазона: 0,5-2,49 Гц (низкочастотный), 2,5 Гц (среднечастотный) и 3 Гц (высокочастотный).

Исходя из этого, в качестве частот воздействия были выбраны:

α-ритм: 8, 10, 14 Гц,

θ-ритм: 4, 6 Гц ,

Δ-ритм: 0.5, 2, 2.5, 3 Гц.

Причем повторяющееся свойство в организации структуры межкомпонентных взаимодействий ЭЭГ заключается в том, что разрушение устойчивого паттерна ЭЭГ происходит через ослабление, а формирование нового – через усиление взаимосвязей остальных ЭЭГ-компонентов с α-компонентом с привлечением некоторых маловероятных переходов.

На основании вышеизложенного были сформированы последовательности частот воздействия для режима *мягкой релаксации* (Δθα) и *интенсивной релаксации* (θΔ+θα+Δθ). Причем, исходя из результатов, полученных при анализе основных ритмов ЭЭГ, были получены коэффициенты повторений частот воздействия для мягкой и интенсивной релаксации [2].

С каждым ударом пульса изменяется коэффициент заполнения импульса (*КЗ)* так, что при неизменной длительности импульса время предъявления цвета возрастает, а следовательно, возрастает и интенсивность воздействия. Рост или снижение *КЗ* зависит от фазы дыхательного цикла пациента. Коэффициент заполнения плавно увеличивается, достигая своего максимума на высоте вдоха, а затем, к окончанию выдоха, коэффициент заполнения вновь снижается. Во время пауз коэффициент заполнения не изменяется.

Основываясь на том, что в нормальном состоянии за один дыхательный цикл у человека происходит примерно 4 – 5 ударов пульса, дыхательный цикл начинается с формулы 2-0-2-1 (2 удара пульса на вдох, ни одного на паузу после вдоха, 2 удара – выдох, 1 удар – пауза после выдоха). В стадии релаксации длительность дыхательного цикла увеличивается до 6-8 ударов пульса. В связи с этим постепенно формула дыхания увеличивается до 3-1-2-2. Таким образом, пациент стремится к предложенной формуле дыхания, что позволяет синхронизировать дыхательный и пульсовой циклы, а, следовательно, повышает эффективность процедуры воздействия и ускоряет достижение желаемого результата.

Изменение варьирующей силы воздействия реализуется за счет изменения соотношения длительности предъявления цвета и длительности паузы при неизменной их сумме.

В процессе проведенных исследований, было выявлено наличие как общих, так и существенно различающихся по способу механизмов усвоения одних и тех же частот, но разных цветовых стимулов. С целью подбора наиболее влиятельных для человека цветов для исследований были выбраны 12 цветов из цветовой палитры ПЭВМ – синий, зеленый, голубой, красный, фиолетовый, оранжевый, светло синий, светло зеленый, светло голубой, розовый, светло фиолетовый и желтый.

Как показали исследования, красные цветостимулы вызывают наибольшие и достоверные отклонения α- и θ-ритмов в правом полушарии мозга, а

именно, в затылочных и лобных долях. Цветостимуляция зеленым светом сопровождается изменениями временной упорядоченности ЭЭГ только в левой затылочной доле, обусловливая падение α- и возрастание θ-активности. Синие цветовспышки, также, как и красные, вызывают наибольшие отклонения в правых затылочных долях. Однако стимуляция красным светом сопровождается ростом удельного веса α- и падением θ-диапазона, а стимуляция синим светом приводит к возрастанию удельного веса θ-диапазона и к снижению процента α-диапазона. Только стимуляция голубым и светло-синим светом сопровождается достоверной динамикой в β-диапазоне: отмечается достоверное возрастание уровня β-активности на цветостимуляцию светло-синим светом и снижение удельного веса β-диапазона при стимуляции голубым светом. Фиолетовая цветостимуляция обусловливает однонаправленную динамику временной упорядоченности ЭЭГ, как левого, так и правого полушария.

В результате анализа полученных данных, для воздействия были выбраны восемь цветов, вызывающих наиболее заметные изменения паттерна ЭЭГ: синий, голубой, светло-синий, зеленый, красный, оранжевый, желтый, фиолетовый.

Оценка эффективности системы биоуправляемой цветостимуляции в повышении уровня адаптации человека проводилась у 215 человек, среди которых было 25% женщин и 75% мужчин. В группу больных вошли 20 человек с неврозами и невротическими состояниями, 17 больных с атрофией зрительного нерва различной этиологии. Контрольная группа 178 человек – студенты, обследованы дважды: в периоде до и после управляемой цветостимуляции перед сдачей ответственного экзамена. Возраст больных колебался от 13 до 60 лет, средний возраст здоровых составил 19 - 25-лет.

При использовании спектрального анализа ЭЭГ для выявления функциональной значимости различных ритмов ЭЭГ для регуляции состояний организма были подтверждены, установленные ранее факты о том, что наибольшую информацию несут θ- и α-ритм, корреляционно связанные с тем или иным психологическим профилем личности.

Результаты статистической обработки параметров информационного и спектрального анализов временной упорядоченности пульса, позволяющих делить обследуемых на различные функциональные классы в зависимости от уровня адаптации, представлены в таблице.

Динамика изменения уровня здоровья контрольной группы и больных при воздействии биоуправляемой цветостимуляции

Классы	**Больные**		**Контроль**		**Модуль разности**	
	P1, %	**P2, %**	**P3, %**	**P4, %**	**P1-P2**	**P3-P4**
Функциональное перенапряжение	50	15	8	0	35	8
Функциональное напряжение	46	65	36	9	19	27
Нормальный гомеостаз	4	20	49	91	16	42
Астенизация	0	0	7	0	0	7

Из представленных в таблице данных следует, что воздействие с помощью рассматриваемой цветостимуляции приводит к достоверным сдвигам в состоянии уровня адаптации испытуемых, а именно: снижается количество больных с функциональным перенапряжением и возрастает процент лиц имеющих нормальный гомеостаз. Аналогичные результаты получены и в других исследованиях [5].

Таким образом, проведенные исследования показали, что цветостимуляция вызывает дифференцированные

изменения временной упорядоченности ЭЭГ. Динамика показателей в процессе трансформации паттерна ЭЭГ свидетельствует о возможности направленно влиять на межсистемные взаимоотношения и, как следствие этого, обеспечивать коррекцию различных функциональных нарушений.

В результате проведенной работы была выполнена оценка эффективности разработанной системы цветостимуляции, в результате которой было показано, что она пригодна для коррекции некоторых параметров электрической активности головного мозга.

Комплексная формула воздействия, включающая цветовую и временную составляющие, а также число повторений последовательности соответствует навязыванию требуемого паттерна ЭЭГ и позволяет эффективно выполнять коррекцию различных функциональных нарушений.

Были сопоставлены режимы биоуправляемой и неуправляемой систем, показаны отличия разработанной биотехнической системы цветостимуляции от подобной системы, но без биологической обратной связи.

Реализация модели обеспечивает изменение коэффициента заполнения, а следовательно, и интенсивности воздействия, которое связано с дыхательным циклом, рекомендуемом пациенту и пульсом, являющимся сигналом обратной связи.

Цикличность воздействия определяется формулами принудительного дыхания, которые моделируют состояния человека в основных физиологических процессах в форме релаксации или дремоты, а также периодом работы центра терморегуляции с частотой около (период около 6 минут).

Список литературы

1. Комаров Ф.И. Загускин С.Л. Рапопорт С.И. Хронобиологическое направление в медицине: биоуправляемая хронофизиотерапия. // Терапевтический архив. – 1994, №8. – С. 3-6.

2. Макконен К.Ф., Пятакович Ф.А. Разработка структуры алгоритма выбора оптимальных методов нейробиоуправления // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. № 3. С. 148-150.

3. Пятакович Ф.А., Пронин В.Т., Якунченко Т.И. Биоуправляемый синхроцветозвукостимулятор. Свидетельство №3093 от 16.11.1996 г. Опубл. Бюл. №11 от 16.11.1996 г.

4. Пятакович Ф.А., Сурушкин М.А., Якунченко Т.И., Макконен К.Ф. Биотехническая система мультипараметрического игрового тренинга, направленная на модификацию функционального состояния человека. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2011. Т. 14. № 10. С. 282-287.

5. Якунченко Т.И., Пятакович Ф.А., Макконен К.Ф. Мультипараметрическая оценка успешности и эффективности директивной цветостимуляции. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2011. Т. 15. № 16 (111). С. 88-94.

Dolzhikov A.A. candidate of sc., Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: a.dolzhikov@rosi-edu.ru)

USE OF BIOCONTROLLED MONOCHROME COLORSTIMULATION FOR MODIFICATION OF THE FUNCTIONAL STATE OF A HUMAN

The article considers the ways to improve the efficiency of human exposure aimed at correction of his functional state. Managing the impact is made by biocontrolled colorstimulation modeled by means of biofeedback.

***Key words**: biological systems, colorstimulation, optimization impact, biocontrol*

УДК 004.89

Цепов А.Ю., канд. тех. наук, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail artem.tsepov@yandex.ru)

СПОСОБ ОЦЕНКИ РИСКА ИНВЕСТИРОВАНИЯ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ, КАК АДАПТИВНОЙ СИСТЕМЫ, ПО ИНФОРМАЦИОННОМУ КРИТЕРИЮ

В статье рассмотрено функционирование малого инновационного предприятия, как адаптивной системы, а так же предложен способ оценки инвестиционного риска на основе информационного критерия.

Ключевые слова: *МИП, инвестиционный риск, оценка риска, инвестирование, информационный критерий риска*

***

Существует множество социальных, экономических, биологических и других систем, общим свойством которых является возможность самоадаптации к окружающим условиям. Подобные системы рассмотрены в работах [2] и называются адаптивными системами (АС).

С точки зрения кибернетики адаптивность представляет собой способность системы, на основании информации о внешней и внутренней среде изменяться таким образом, чтобы приближатьсвоё состояние к оптимальному. При этом изменениям могут быть подвержены параметры, структура системы, алгоритм функционирования, управляющие воздействия и т.д.

Современная практика реализации проектов малыми инновационными предприятиями [3], в общем случае, также предполагает адаптивную стратегию поведения, включающую в себя следующую последовательностью действий:

1) Определение некоторого перспективного направления работы и общих черт будущего продукта, в том числе: какую проблему и каким образом он будет решать, кто является его потенциальным пользователем, каким образом планируется распространение, обслуживание и т.д.

2) Формирование перечня гипотез, исход которых определит итоговый результат реализации проекта. В зависимости от сферы инновационной деятельности возможны, в том числе, следующие типы гипотез:

- технологическая. Представляет собой прогноз возможности создания продукта, обладающего заданными свойствами с помощью конкретных технологий
- ценности. Предположение о том, что результат деятельности МИП будет востребован определённой целевой группой
- распространения, прогноз эффективности способов дистрибуции, величины и скорости охвата рынка
- монетизации. То, каким образом планируется получать прибыль от инновационной разработки

3) Планирование и старт реализации проекта в направлении кратчайшей траектории проверки гипотез. Для этого из разработки по возможности исключаются любые действия, не приносящие о них новой информации. Каждый этап оканчивается созданием, так называемого, минимально-жизнеспособного продукта, позволяющего протестировать определённую гипотезу.Информация, полученная в результате тестов, подтверждает или изменяет запланированную траекторию реализации проекта.

Следуя вышеприведенному алгоритму, МИП, с одной стороны, существенно уменьшает количество ресурсов

необходимых для попытки вывода продукта на рынок, с другой, потенциально позволяет приблизить его характеристики к оптимальным.

В то же время, адаптивная модель поведения инновационных предприятий значительно осложняет задачу оценки риска инвестирования, поскольку накладывает на применение существующих методов экспертной и статистической оценки ряд ограничений. Например, широко известны случаи [1], когда предприятия, обладающие отрицательной динамикой по ключевым финансовым показателям и, в целом, отрицательными отзывами экспертов, изменив один из элементов своей структуры или стратегии начинали демонстрировать рост, близкий к экспоненциальному. Среди прочих ограничений обусловленных спецификой инновационных проектов следует выделить разнородный характер данных и дефицит статистического материала.

Вышеприведенные обстоятельства указывают на необходимость разработки метода оценки риска инвестирования, учитывающего специфику инновационного бизнеса. Для этого рассмотрим подробнее особенности МИП, как адаптивной системы.

Согласно исследованиям [5,6], адаптивные свойства системы определяются наличием некоторого, измеримого потенциала, который она стремится реализовать в рамках существующих условий, при этом целевым результатом реализации является увеличение первоначального значения потенциала.

Таким образом, можно сказать, что при взаимодействии инвестора и МИП с целью создания инновационного продукта, адаптивная система МИП, обладая некоторым потенциалом, осуществляет поиск условий его реализации. В этом случае, представление о величине и структуре потенциала и условий может служить основанием для оценки риска инвестирования МИП.

Исходя из того, что потенциал, в рассматриваемом случае, есть набор свойств, позволяющих МИП самореализовываться в определенных условиях, в его структуре следует выделить две составляющие:

1. Факторы, определяющие способность МИП к научной и производственной деятельности в определённой сфере (кадровый капитал, техническое оснащение, технологическая и научная база, финансовый капитал и т.д.)

2. Информированность МИП о структуре условий (достоверность представлений о перспективах технологий и понимание рынка в целом, в том числе: представления о ценностях потенциальных потребителей, представление о конкурирующих разработках, динамике их развития и т.д.)

В свою очередь, условия можно представить, как множество объективных противоречий действительности, находящихся в рамках внешней среды, устранение которых, с одной стороны, возможно с использованием потенциала МИП, с другой, приводит к увеличению этого потенциала. Подобные противоречия охарактеризуем, как бизнес-цели.

Реализация бизнес-цели требует определённого состояния потенциала предприятия т.е. значений его характеристик. Тогда развитие МИП может быть представлено, как движение в многомерном пространстве составляющих потенциал факторов в направлении скопления бизнес целей, а так же их прогнозируемого возникновения, сопровождающееся реализацией этих целей. Притом, подобное движение обладает рядом особенностей:

- процесс поиска бизнес-целей (по существу, увеличения информированности об условиях среды), а так же изменения структуры потенциала для их достижения требует затраты ресурсов.

- попытка МИП реализовать свой потенциал, в общем случае, может иметь два варианта исхода:

1) Одна из составляющих потенциала была частично израсходована, в результате чего произошло увеличение других составляющих, однако итоговый эффект является отрицательным. Данная ситуация возможна в случае неудачной

попытки реализации инновационного проекта (например, использование устаревшей технологии или создание уже созданного продукта, приводит к превращению финансовой составляющей потенциала в дополнительную информированность об условиях или, другими словами, опыт).

2) То же, но с положительным эффектом т.е. успешная реализация условий позволила в целом увеличить потенциал, относительно начального состояния.

Таким образом, можно сказать, что в ходе прединвестиционного анализа инвестору необходимо сформировать представление о потенциале МИП и условиях среды, на основании которых затем сгенерировать гипотезу о степени риска инвестирования, после чего принять решение об отказе от проекта или о старте инвестирования, которое может быть рассмотрено, как передача дополнительной финансовой составляющей потенциала системе МИП с целью начала или продолжения разработки инновационного продукта.

Определение количественного значения показателя риска в рассматриваемом случае возможно на основе подхода, изложенного в [4], согласно которому, возникновение любого рискового события при управлении системой является следствием неопределённости, в условиях которой осуществляется управление. Данное утверждение основано на представлении о ценности информации, которая характеризуется, как максимальная польза, приносимая в деле уменьшения средних потерь данным количеством информации.

Другими словами, оценка риска инвестирования по информационному критерию предполагает, что существует некоторая функция R(I), устанавливающая обратно пропорциональную зависимость возможных потерь инвестора от количества имеющейся информации о МИП.

Таким образом, риск принятия решения об инвестировании на самой ранней стадии реализации проекта (так называемой посевной стадии) может быть выражен следующим образом:

$$R = 1 - \frac{I_1 + I_2 + I_3 + \cdots + I_n}{I_p},$$

гдеI_n= { I_{n1}, I_{n2} … I_{nn}} - упорядоченное множество, содержащее информацию, об одной из гипотез, определяющих исход реализации проекта (например, о гипотезе востребованности, технологической осуществимости и т.д.), I_p– полная информация о проекте.

Очевидно, что не вся информация может быть получена на момент начала проекта, поскольку неполное подтверждение или опровержение хотя бы одной из гипотез способно существенно изменить траекторию реализации проекта, в том числе перестроить остальные гипотезы. Однако, при наличии нескольких альтернативных проектов для инвестирования, данный показатель, рассчитанный на основании имеющейся информации, может служить одним из критериев выбора конкретного проекта.

В то же время, как было отмечено выше, инвестирование, в общем случае, осуществляется итеративно, в несколько этапов. Поскольку, в результате каждого этапа, инвестор получает обратную связь, увеличивая степень достоверности своих представлений о потенциале МИП и условиях среды,перед началом очередного раунда инвестирования целесообразновычислить новое значение риска аналогичным первым случаю образом, притом оценка может быть дана, как для всего проекта в целом (2), так и дляего отдельного этапа (3).

$$R' = 1 - \frac{I_2 + I_3 + \cdots + I_n}{I_{p'}} \quad (2)$$

$$R_2 = 1 - \frac{I_{21} + I_{22} + I_{23} + \cdots + I_{2n}}{I_p} \quad (3)$$

Таким образом, предложен метод оценки риска инвестирования малого инновационного предприятия по информационному критерию, позволяющий учитывать специфику реализации подобных проектов, в том числе адаптивный подход, высокую неопределённость и разнородный характер данных.

Список литературы

1. Моборн Р., Чан Ким У. Стратегия голубого океана. М.: Гиппо 2010. – 272 с.
2. Пушной Г. С. Метод системного потенциала и эволюционные циклы [Электронный ресурс] / Г. С. Пушной. – Режим доступа :www.socintegrum.ru/msp06_1.pdf. (дата обращения: 21.01.2015)
3. Рис Э. Бизнес с нуля. Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. М.: АльпинаПаблишер, 2013- 256 с.
4. Стратонович Р.Л. Теория информации: - М., «Советское радио», 1975. - 424 с.
5. Pushnoi G. S., Bonser G. L. Method of Systems Potential as «Top-Bottom» Technique of the Complex Adaptive Systems Modelling // Intelligent Complex Adaptive Systems / ed. by Ang Yang, Yin Shan. Hershey–London : IGI-Publishing, 2008.
6. Pushnoi, G. (2003), Dynamics of a system as a process of realization of its “potential”. In Proceedings of the 21st International Conference of the System Dynamics Society, No.56.New York.

Tsepov A.J. Candidate of Sc., Regional Open Social Institute (Kursk)
(e-mail: artem.tsepov@yandex.ru)

METHODS FOR EVALUATING THE RISKS OF INVESTING SMALL INNOVATIVE BUSINESS AS AN ADAPTIVE SYSTEM BY INFORMATION CRITERION

The article deals with the functioning of small innovative business as adaptive systems, as well as provides a method for evaluation of investment risk based on information criterion.
Keywords: *innovative business, investment risk, risk evaluation, investment, risk information criterion*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в «Провинциальных научных записках» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи, как правило, составляет от 6 до 10 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- печатный вариант статьи, подготовленной в соответствии с настоящими правилами оформления,
- ее электронную версию;
- сведения об авторе (авторах) (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- по запросу редколлегии - разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Институту прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны-2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается краткая аннотация курсивом, отражающая краткое содержание статьи.

Например:

УДК 093.9

И.П. Кузнецов, канд. техн. наук, доцент, НОУ ВПО «Региональный открытый социальный институт (Курск) (e-mail: kuznetcov@gmail.com)

ФЕНОМЕН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются различные подходы к анализу специфики постиндустриального общества. Автор рассматривает три основные концепции, представленные в отечественной гуманитарной науке и призванные объяснить феномен постиндустриальной цивилизации.

Ключевые слова: *парадигма, постиндустриальное общество, социальные отношения, информация*

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. При наборе формул и переменных следует учитывать, что полоса набора – 75 мм. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!

Все русские и греческие буквы (Ω, η, β, μ, ω, υ и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций (sin, cos, tg и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

10. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

11. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF,JPEG,PNG) с разрешением не ниже 300 *dpi* и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания не допускаются.

12. Список литературы к статье обязателен и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы. Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305009, г.Курск, ул. Маяковского, 85. РОСИ, научно-исследовательский отдел.

Тел.(4712) 34-38-48, тел/факс (4712) 34-38-48

E-mail: nio@rosi-edu.ru